

Наташа Нган

Девушки из бумаги и огня

Посвящается Алекс. Эта книга - о прекрасных и отважных девушках, а ты - одна из прекраснейших и отважнейших девушек на свете. Благодарю тебя от всей души.

Natasha Ngan

GIRLS OF PAPER AND FIRE

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств *Baror International, Inc.*
и *Nova Littera SIA*

Copyright © 2018 by Natasha Ngan

© А. Дубинина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Мне выпала удача внезапно обрести литературный эквивалент бесценного клада, и я испытываю глубочайший восторг. Хотя я и сам писатель, и книгами меня непросто удивить, я даже не знаю, как описать свои невероятные чувства по поводу этого романа.

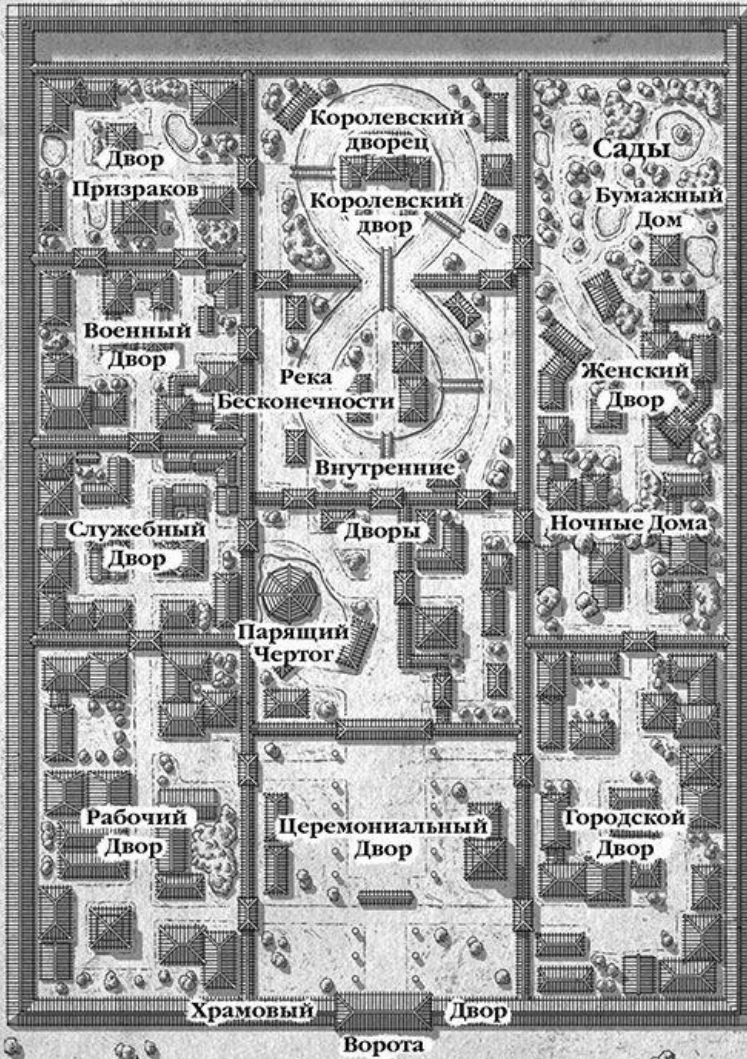
Когда-то я основал издательство «JIMMY Patterson Books», чтобы выпускать для молодых читателей те книги, которые им действительно хочется читать – причем редкие, подобных которым не сыскать. Одна из радостей издательской жизни состоит в том, что вы раньше всех получаете доступ к чему-то совершенно новому и интересному и имеете право выбирать, какие из множества историй будут опубликованы. Когда я впервые прочел «Девушек из бумаги и огня», я сразу понял, что мне в руки попало нечто исключительное.

Эпический стиль и ярчайшее воображение Наташи Нган создают удивительную вселенную, где граница между людьми и животными размыта, но действие таких основных движущих миром сил, как любовь, жажда власти, месть, от этого не становится менее отчетливым. В этом романе взаимодействуют несколько историй в одной: история угнетаемой девушки, жертвы насилия, которая находит в себе внутреннюю силу и обретает свободу; романтическая история запретной любви, расцветающей в тяжелейших условиях; история несправедливости, подлежащей исправлению. К тому же, это дань мультикультурному воспитанию автора. Наташе удалось сплести сложные сюжетные линии и создать из них единое уникальное произведение.

По-моему, «Девушки из бумаги и огня» Наташи Нган – одна из самых сильных и значимых книг, опубликованных нашим издательством за время своего существования. Ее глубина и эмоциональность станут для читателей настоящим откровением.

Я очень рад, что внес свой небольшой вклад в успешное путешествие этого романа к читателям, то есть ко всем вам.

Теневая Аллея

Великий Бамбуковый лес Хана

Касты

«Боги увидели во сне цвета – и, пробудившись, пролили эти цвета на землю. Цвета излились на бумажный народ, окрашивая его и благословляя дарами богов. Но некоторые в страхе спрятались от дождя, и он их не коснулся. Другие же, напротив, целиком погрузились в бурю и ливень – и были благословлены превыше всех прочих, получив в дар силу и мудрость небес».

Каста Бумаги – люди, не обладающие чертами звероподобных демонов и не владеющие демоническими способностями – такими, например, как способность летать.

Каста Стали – люди, частично обладающие чертами и способностями звероподобных демонов.

Каста Луны – демоны, человекоподобные существа, которым присущи атрибуты зверодемонов, например, рога, крылья, шерсть. Они в совершенстве владеют демоническими способностями, свойственными их виду.

В нашем королевстве есть давняя традиция, которой следуют все касты – и люди, и демоны. Мы называем ее «благословением новорожденного». Этот обычай настолько давний, так глубоко коренится в наших сердцах, что считается, что его установили сами боги, когда призвали на землю наши народы. Когда ребенок умирает, не дожив до года, возникают слухи, похожие на шелест темной листвы под ночным ветром: мол, обряд произвели слишком поздно, а может, родители нарушили молчание во время церемонии, а может, шаман, совершавший обряд, был недостаточно искусен...

Оба моих родителя принадлежали к низшей касте, Бумажной, то есть были полностью людьми, и поэтому начали копить деньги на мое благословение с того самого дня, как узнали о беременности. За девять месяцев им удалось отложить необходимую сумму. И хотя сама я, конечно, не помню ничего о церемонии, я столько раз пыталась ее представить, что порой мне кажется – я могу ясно ее увидеть, стоит лишь закрыть глаза.

Темная дымная ночь, чернота неба, как тяжелая черная рука, обнявшая мир. Треск костра. Над костром – склоненная фигура шамана, его сухая морщинистая кожа покрыта сплошным узором татуировок, оскаленные зубы остры, как у хищного зверя. Он наклонился над тельцем новорожденной девочки, которой всего несколько часов от роду. Ребенок тихонько плачет. По ту сторону огня, сжав руки, в напряжении и безмолвии замерли родители малышки. Глаза шамана закатываются, обнажая белки, и он начинает петь *дао*, одновременно чертя в воздухе символы, из которых складывается песнопение. Следы его движений повисают над ребенком в темноте золотыми нитями – и какое-то время мерцают, прежде чем растаять в воздухе. Наступает кульминация молитвы – и поднимается сильный ветер, пробегающий по верхушкам высоких трав, они тревожно шуршат, словно под шагами божества. Речитатив шамана ускоряется, шорох ветра в траве становится громче, пламя костра взлетает ввысь – и танцует в воздухе несколько секунд оранжево-алыми языками перед тем, как угаснуть.

Тьма.

Только звезды сияют.

Шаман поднимает руки – и выхватывает из воздуха, где только что танцевали языки пламени, что-то маленькое: золотой медальон, закрытый, похожий на голубиное яйцо. Но сам по себе медальон не важен – важно то, что скрыто внутри.

Судьба ребенка. Моя судьба.

В нашем королевстве верят, что слова обладают силой, что они могут стать благословением или проклятием. Внутри медальона скрыто слово. Слово, в котором заключено предназначение человека. Либо – как надеялись мои родители, откладывая деньги на церемонию, – моя жизнь под защитой благодати, либо меня ожидает что-то куда более темное. Проклятые годы, которые будут отданы тьме и огню.

Через четыре месяца, когда мне исполнится восемнадцать, медальон откроется – и я наконец узнаю ответ.

Глава первая

Сегодня с утра у нас в лавке полно народу. Первая половина дня, а здесь уже толпятся покупатели, шум и смех, в теплом летнем воздухе слышится резкий голос Тянь, отдающей распоряжения. Солнечный свет струится сквозь щели ставень, снаружи звенят цикады и гудят пчелы. По деревянному полу шлепают сандалии. Ко всей этой какофонии добавляется привычный звук биения сердца нашей аптеки – в котлах кипят и булькают отвары трав. Вдоль стены стоят шесть высоких бочонков – больших, мне по плечо. Пять из них заполнены травяными отварами, которые издают резкие запахи, а шестой пока заполнен мной. И я уже тоже довольно резко пахну потом после получаса тяжелой работы: я сижу в бочонке и старательно отдраиваю изнутри его стенки от присохших остатков микстуры.

Я как раз оттираю особенно глубоко въевшееся пятно, когда над краем бочонка появляется лицо Тянь.

– Ну что, закончила, маленькая негодница? – спрашивает она, и ее усы сердито подрагивают. Кошачьи глаза с темной обводкой кажутся очень яркими – даже на фоне рыжеватой шерсти, которой поросло ее почти человеческое лицо. В шерсти видно много седых волосков, побелевших от возраста.

Я закатываю глаза. Она меня так называет... Всегда, сколько я себя помню.

– Тянь, мне семнадцать лет, – напоминаю я. – Семнадцать, понимаешь? Я тебе больше не *маленькая*.

– Но все еще *негодница*.

– Интересно, у кого я научилась скверным манерам?

Тянь усмехается.

– Делаю ставку на твоего отца. Ай, к слову сказать, где этот бездельник? Он должен был добавить в отвар дождевых ягод еще полчаса назад! – Она всплескивает руками. – Беги, найди его, а то мы загубим микстуру. К тому же госпожа Земби его ждет для консультации.

– Сбегаю, если скажешь «пожалуйста».

Уши Тянь гневно шевелятся.

– Еще чего! Любезничать с девчонкой из Бумажной касты!

– А ничего, что у тебя, гордой дамы из Стальной касты, начальник тоже из Бумажных?

– Я привыкла, но все равно жалею об этом каждый день, – фыркает Тянь.

Она спешит обслужить очередного покупателя – а я улыбаюсь ей вслед. Она так гордо топорщит усы, а на самом деле очень нас любит. Тянь проработала в отцовской аптеке всю мою жизнь, она – член нашей семьи, несмотря на кастовые различия. Да, собственно, живя с ней, очень просто забыть, что кастовые различия вообще существуют. Мы с отцом принадлежим к низшей касте, Бумажной, а Тянь – к средней, Стальной. То есть она – что-то среднее между нами, людьми, и демонами, высшей кастой Луны. Поэтому тело у нее почти человеческое, но притом есть некоторые черты животного. Лицом Тянь сошла бы за одну из Лунных – голова у нее почти совсем как у рыси, с кошачьими глазами и высокими ушками, но ниже ключиц ее тело совсем человеческое, с обыкновенной светлой кожей.

За дверью Тянь приветствует покупательницу, а сама машинально пытается заправить за высокий воротник непослушный клочок шерсти. Но он не желает заправляться.

Я невольно усмехаюсь: хорошая шутка богов – даровать такой щепетильной и сверхаккуратной личности настолько непослушную и жесткую шерсть!

Выбравшись из бочонка, я могу получше разглядеть заказчицу, с которой говорит Тянь. Судя по одежде, это довольно высокопоставленная дама, имеющая связи с королевским

двором. Это редкость в нашей провинции – встретить кого-то настолько богатого и знатного. Дама одета в элегантную тунику *кебая*, украшенную серебряными нитями и вышивкой, волосы собраны на затылке, чтобы открыть всеобщему обозрению пару изящных оленьих рогов, покрытых тонкими отростками, как виноградная лоза. Каста Стали, нет сомнений.

И пока я удивляюсь, почему такая почтенная женщина удостоила посещением нашу скромную лавочку, взгляд покупательницы скользит мимо Тянь и упирается в меня.

Глаза ее расширяются.

– Так значит, это правда.

Ее слова достигают моего слуха даже сквозь шум магазинчика. И я краснею до ушей. Конечно, теперь все понятно – она тоже слышала рассказы обо мне.

Я быстро отворачиваюсь и ныряю в завешенный нитями бус дверной проем, чтобы поскорее убраться на задний двор. Эта элегантная женщина-олень в очередной раз напомнила мне о моей особенности – а заодно заставила осознать, как я сейчас выгляжу. Потная кожа, грязная одежда – на мне сейчас пара свободных полотняных штанов песочного цвета и рубашка с запахом, кое-как подпоясанная потрепанным пояском. Ноги до лодыжек покрыты камфорным маслом, которым я только что чистила бочку изнутри, мокрые волосы прилипли к щекам. Откинув пряди назад, я собираю их в хвост – и в этот миг мой разум уплывает в прошлое, меня накрывает воспоминанием.

Нежные руки, перевязывающие мои волосы алой ленточкой...

Улыбка, похожая на рассвет. Смех, похожий на полуденное солнце.

– Ее больше нет с нами, – говорю я себе, не давая распуститься. И прикусываю губу, чтобы загнать обратно подступившие слезы. – Она не вернется.

Так странно проявляется в нас скорбь. Бывают дни, когда я с трудом могу вспомнить ее лицо. А бывают дни, когда присутствие мамы кажется настолько реальным, что стоит только обернуться – и она войдет в комнату, благоухая пионами, смоченными дождем, и движения ее будут легкими, как шепот, а улыбающиеся губы сами собой сложатся для поцелуев – один мне, один – папе...

Совсем иной она явилась мне во сне прошлой ночью.

Тот сон навалился стремительно, стоило мне закрыть глаза – и я оказалась в море огня и крика, кругом были когти и клыки, и пальцы мамы безнадежно выskalзывали из моей руки...

Хотя утро очень теплое, даже жаркое, мороз пробегает по коже. Этот кошмар довольно долго не возвращался – но вот снова пришел, и кажется таким знакомым, будто годы так и не смогли стереть воспоминания.

Я трясую головой, будто силясь вытряхнуть из нее остатки страшного сна, и спешу по коридору на веранду. На меня волной наплывает летний свет, нежное тепло. Наш садик совсем узкий, зато длинный, тянется вдоль замшелой стены. Старое фиговое дерево бросает на траву уютную тень. В летнем воздухе травы пахнут особенно сильно. Грядки тянутся лучами к середине сада, знакомые ароматы овевают меня: хризантема, имбирь, полынь. Над грядками натянуты ленты с бубенчиками, чтобы отпугивать птиц, и они тихо позванивают под дуновением легкого ветерка.

Я слышу радостный собачий лай. В траве на корточках сидит папа, а у его ног радостно распластался наш песик Бао, подставляя живот, чтобы его почесали. Папа ласкает его и угощает кусочками сушеного манго – любимым лакомством Бао.

При звуке моих шагов папа быстро распрямляется и прячет угощение за спиной. Бао недовольно гавкает – и в прыжке выхватывает у папы из рук последний кусочек манго, а потом бежит меня поприветствовать, его короткий хвостик весело виляет.

Я наклоняюсь погладить его, нахожу пальцами его любимое местечко между ушами.

- Привет, маленький обжора!

- Ты ничего не видела, ладно? - поспешно говорит мне отец.

Я бросаю на него косой взгляд.

- Да не волнуйся, я не собираюсь ябедничать Тянь!

- Вот и отлично. Потому что если наябедничаешь, я ей скажу, что сегодня утром ты проспала и забыла забрать у Мастера Оши нашу посылку с калганом.

О боги! Я и правда совершенно забыла про калган!

- Давай я сейчас сбегаю, - предлагаю я, но папа качает головой.

- Это не срочно, милая. Сходишь завтра.

- Да, пап, там пришла госпожа Земби и ждет консультации, а вот это *действительно* срочно. Если не хочешь, чтобы Тянь с тебя шкуру спустила...

Он дергает плечом.

- И не напоминай! Я и так отлично знаю, на что эта женщина способна с помощью обычного ножа для чистки рыбы...

Смеясь, мы вместе возвращаемся в дом, шагая в ногу. На миг я чувствую себя почти как раньше, когда наша семья еще была полной, когда наши сердца еще не были разбиты. Когда мысль о маме не причиняла боли. Когда можно было позвать ее - и не расплакаться от того, что она больше никогда не ответит. Папа все так же улыбается и шутит со мной, но его улыбка больше не отражается в его глазах, и это напоминает мне, что я не единственная, чья память навеки отравлена горечью.

Я родилась в первый день Нового Года, под внимательным взглядом полной луны. Под оком луны родители везли меня домой с церемонии благословения в нашу лавку травников, которой предстояло стать моим домом на следующие семнадцать лет. Мне дали имя Леи - с восходящим в конце мягким тоном: родители сказали, что выбрали это имя, потому что всякий раз, когда его произносишь, губы растягиваются в улыбку, а им хотелось всегда улыбаться при мысли обо мне. Так и вышло - даже когда я внезапно переворачивала поднос с перемолотыми травами, или запускала Бао в спальню, не помыв ему грязные лапы, все равно уголки губ мамы и папы неуклонно поднимались вверх при моем имени, как бы громко они его ни выкрикивали.

Однако в последние несколько лет даже это имя не может вызвать улыбки у моего отца.

Я очень похожа на нее. Я имею в виду - на маму. Иногда я замечаю, что папа вздрагивает, когда я спускаюсь в гостиную из спальни и неожиданно появляюсь в дверях - с распущенными волосами, в домашней одежде. Но ни один из родителей не знает, от кого из предков я унаследовала цвет глаз. Не представляю, что они подумали, когда впервые взглянули мне-младенцу в глаза и увидели ярко-золотые радужки.

Глаза цвета Новогодней Луны считаются благословением, редким символом удачи. Даром богов. Поэтому наши заказчики нередко просят, чтобы лично я смешала для них лекарство - думают, что это может добавить ему целительной силы. К нам в лавочку порой заглядывают даже демоны - вроде сегодняшней женщины-оленья: их привлекают слухи о человеческой девочке с золотыми глазами.

Тянь постоянно надо мной из-за этого подтрунивает.

- Они не верят, что ты чистокровная Бумага, - с заговорщицким видом сообщает она. - Говорят, что в тебе есть кровь демонов, что это от них у тебя глаза цвета Новогодней Луны.

Я никогда не признаюсь ей, что и в самом деле *хотела* бы, чтобы во мне текла кровь демонов.

В редкие выходные я уйду в долину, окружающую нашу деревню со всех сторон, чтобы

полюбоваться издали на племя птицеобразных демонов, обитающих в горах к северу отсюда. Хотя они совсем далеко, и я различаю только их силуэты на фоне неба, глазами души я вижу каждую деталь. Я представляю их серебряные и золотые перья, отблески солнца на крыльях. Демоны парят высоко над долиной, ловя крыльями ветер, и движения их грациозны, как ритуальный танец. Они выглядят настолько свободными, что я чувствую боль где-то глубоко внутри.

И хотя я понимаю, что все это пустые мечты, все же не могу перестать думать – если бы у моей мамы были крылья, она смогла бы просто улететь от тех, кто забрал ее у нас. И снова вернуться домой.

Иногда я подолгу смотрю в небо, надеясь неизвестно на что.

Следующие несколько недель проходят спокойно, отмеченные знакомыми умиротворяющими звуками – бульканьем кипящих в котле зелий, дружелюбным лаем Бао. Мы работаем не покладая рук. К отцу приходят новые заказчики, он консультирует их, беседует с фермерами, покупает редкие травы у заезжих торговцев, ездит за покупками. Так что, в основном, управление лавкой ложится на Тянь. А мне, как главной счастливнице, достается вся остальная работа, которую больше некому делать. Тянь то и дело появляется за плечом, чтоб поворчать – мол, я небрежно режу травки, слишком медленно пакую заказанные зелья, и неужели мне всякий раз надо напоминать, что она в бог знает каком поколении происходит от легендарных воинов клана Сиа и, в случае чего, будет вынуждена продемонстрировать мне свои великие боевые навыки...

– Увидеть наконец твои боевые навыки – и то интереснее, чем работать тут не разгибая спины, – бормочу я сердито, нагибаясь над полками кладовки, где мы храним заказы, готовые к отправке.

Моя последняя задача на сегодня – наполнить свежими травами банки и коробочки, которые стоят на аптечных полках, занимая пространство от пола до потолка. Это ингредиенты для лекарств. Вдоль стены идет стойка, а за ней стоит лестница на колесиках, нужная, чтобы добраться до самых верхних полок с травами. Я подкатываю лестницу, поднимаюсь на пару ступенек и как раз протягиваю руку к банке с надписью «Дождевые ягоды», но тут вдалеке слышится грозный звук.

Низкий гул боевого рожка.

Все звуки в округе мгновенно стихают. Разговоры, шлепанье сандалий по полу, – даже бульканье воды в котелках с лекарствами, кажется, затихло.

Несколько мгновений мы просто ждем и прислушиваемся. А потом тишину разрывает стук подков. Лошади. Они скачут быстро, очень быстро. И приближаются – их топот становится все громче, вот он уже почти оглушает. За окнами вырастают высокие кривые тени, заслоняющие дневной свет, и лавочка погружается в сумрак. Тени, похожие на те, что являются мне в ночных кошмарах. Жуткие пародии на людей.

Тишина. Темный трепет страха. Где-то в соседнем доме начинает тоненько плакать ребенок. Со двора слышится собачий лай – и мое сердце сжимается. Это же Бао! Он давно убежал погулять, поклянчить чего-нибудь вкусного у торговцев, поиграть с детьми на школьном дворе – он обожает, когда ему ерошат шерсть, и всегда готов лизнуть малышкой в щеки...

– Леи!

У подножия лестницы стоит отец. Он шепчет еле слышно и напряженно, протягивая мне руку, чтобы помочь спуститься. Лицо его бело, как полотно, и искажено страхом.

Рожок снова гудит – на этот раз куда громче, чем прежде, совсем рядом.

Я спускаюсь с лестницы и хватаю папу за руку. Пальцы дрожат. Или это дрожит его рука? Потому что оба мы слышим звук, подобный тому, который возвестил похищение мамы. Такой же рог звучал той самой ночью, когда слуги Короля-Демона навсегда забрали ее. Что они могут отнять у нас *на этот раз*?

Глава вторая

Стук подков во дворе кажется особенно громким в полной тишине. Я слышу все легкие звуки: хруст земли под ногами идущих, скрип их кожаных доспехов. Вот всадник спешивается, тяжело ступая на землю. Кони топчутся на месте и фыркают, отходя чуть в сторону. Шаги всадников приближаются и удаляются. Они неспешно расхаживают туда-сюда по улице, то и дело останавливаясь. Будто что-то ищут.

Только не нас, только не нас, лихорадочно думаю я, повторяя слова, как молитву.

Наконец шаги останавливаются прямо напротив нашего дома. Я слышу мужской голос, глубокий и низкий.

Демон.

- Тут? Ты уверен?

- Да, генерал.

- Не похоже. Знак еле читается.

- Это обычная нерадивость Бумажных, мой генерал. Я вас уверяю, это нужный дом.

Пауза. За ней - выдох, похожий на рычание.

- Ну, смотри, если ты ошибся...

Снова шаги - и наш дверной колокольчик бешено звонит.

Этот звук действует на всех как сигнал к пробуждению. Когда солдаты вступают на порог нашей лавки, присутствующих накрывает паникой. Покупатели бросаются на колени, склоняясь в низких поклонах, сшибая пузырьки с настойками и банки с травами, роняя мебель. Пространство наполняется их дрожащими голосами - приветствующими, умоляющими. Где-то рядом разбилось что-то стеклянное. Я морщусь от звука разлетающихся осколков, а отец дергает меня за руку, задвигая себе за спину.

- Кланяйся! - шипит он.

Демоны приближаются. Несмотря на страх, прошивающий тело, несмотря на то, что сердце колотится где-то в горле, я не могу заставить себя поклониться им. Страх силен - но ненависть еще сильнее.

Солдаты демонов забрали мою мать. Такие же солдаты Лунной касты, как эти.

И только когда отец почти беззвучно выдыхает мое имя - скорее умоляя, чем приказывая, - я наконец опускаю голову. Когда я распрямляюсь, то вижу, что отец все еще старается заслонить меня от чужаков. Я чуть подаюсь в сторону, чтобы выглянуть из-за его спины.

Демонов трое. Каста Луны, столь чуждые облики - звероподобные существа, приближенные к людской форме. Быкообразный демон, который стоит посредине, - самый высокий из них и явно самый высокопоставленный. Это, очевидно, и есть генерал. Его широченные плечи, огромный рост и бычья сила заставляют кровь леденеть. Он одет в фиолетовое кимоно *шитаги* и широкие штаны, по бедрам перепоян кожаным ремнем. Его короткие белые, как кость, рога увиты талисманами, медальоны ярко блестят на темной коже, похожей на звериную шкуру.

Рядом с ним - второй демон-бык, только поменьше, и с одним сломанным рогом. Третий - солдат-рептилия с длинными человекообразными руками и ногами, кожа которых покрыта зеленоватой чешуей. Демон-игуана вертит головой, оглядывая нашу лавчонку. Из рта его то и дело вырывается раздвоенный розовый язык и нервно облизывает губы.

Генерал поднимает руки - и все присутствующие припадают к полу от страха. Но он только улыбается.

- Ну что вы, что вы, - лениво выговаривает он. - Нет нужды так бояться, друзья мои.

Друзья мои. Он произносит эти слова с улыбкой, но они горьки, как яд.

У него глубокий бычий голос. От левого уха все его лицо пересекает длинный извилистый шрам, от которого он кажется еще уродливее, а улыбка делается кривой усмешкой. Я чувствую внезапный прилив благодарности к воину, который наградил его этим шрамом.

- Мы отлично помним, что случилось в вашей деревне несколько лет назад, - продолжает он. - Но, уверяю вас, сейчас нет повода пугаться. Мы пришли с мирными намерениями. Я - генерал Ю, командующий Седьмым Королевским Батальоном, элитной гвардией нашего великого Короля-Демона. Возможно, вам уже случалось слышать о наших подвигах? - Ответом ему служит молчание, и улыбка его делается напряженной. - Ладно, неважно. Не слышали - значит, услышите. И запомните после сегодняшнего дня.

Он подступает еще ближе - тяжелыми бычьими шагами. Я борюсь с желанием отшатнуться, убежать. Нас с ним разделяет только деревянная стойка. И тут его взгляд падает на меня.

Он замирает, и я вижу, как в его глазах при виде меня поднимается нечто... клубящееся. Какой-то сгусток энергии. Я вздергиваю подбородок, стараясь отважно ответить на его взгляд, но щеки пылают, сердце бьется часто, как воробьиные крылышки. Он разворачивается к присутствующим - и его лицо выглядит довольным.

Торжествующим.

Отчего же он так доволен, увидев... просто-напросто меня?

- Добро пожаловать, генерал Ю, - говорит наконец мой отец, и голос его кажется очень тихим по сравнению с генеральским бычьим ревом. - Большая честь служить вам и вашим солдатам! Но, как вы сами видите, у нас сегодня очень много покупателей. Если вы скажете, чем мы можем вам помочь, мы будем очень рады исполнить ваше желание. А потом вы продолжите свой путь, а мы вернемся к работе.

Генерал снова взмахивает руками.

- Конечно, мы скажем! Мы совершенно не собирались отрывать вас от дел надолго. Наверное, непросто заправлять лавкой с таким множеством посетителей в одиночку, без помощи жены? Я слышал, она была в числе женщин, которых забрали в тот день, - добавляет он обыденным тоном, от которого меня бросает в дрожь.

У Тянь, которая стоит в другом конце комнаты, шерсть встает дыбом.

- Итак, - продолжает генерал, кивнув своим солдатам, - я слышал, что после потери жены вам отлично помогает дочь. И эта девочка отличается особенной удачей, - улыбка его становится еще шире, обнажая зубы. Я вижу пятна на его рогах. Темные пятна... Чья-то кровь? - Ну, что скажешь, старина? Могу я удостовериться, насколько правдивы слухи? Покажи нам свою дочурку с бумажной кожей и краденными глазами демона!

- Скажите... скажите, что вам нужно, - с трудом выговаривает мой отец, но солдаты уже движутся в его сторону.

- Нам нужна твоя девчонка! - рявкает генерал.

И бросается на меня.

Дальше все происходит одновременно и сразу. Тянь пронзительно вопит, отец пытается отбросить меня назад с криком - «Беги!».

Я успеваю только развернуться - но генерал перепрыгивает через стойку, которая трещит и ломается под его весом. Все кругом кричат и мечутся. Вопли покупателей, которые разом пытаются выскочить наружу, треск ломающегося дерева... Я ныряю вперед, устремляясь к задней двери, но генерал срывает занавески из бусин одним движением, бусины со стуком разлетаются по полу. Я поскользываюсь на них и теряю сандалию.

Мгновение - и генерал хватается за меня.

- Нет! - отчаянно кричу я, пытаюсь вырваться из его рук, крепких, как железо, но он подхватывает меня, как пушинку, и вместе со мной выскакивает из лавки.

Я пытаюсь вывернуться, чтобы разглядеть, куда он меня тащит. Ниже по улице стоит большая повозка, запряженная двумя лошадьми. Они огромные, больше всех коней, которых я видела в своей жизни, их глаза дико блестят, ноздри выпускают пар, морды схвачены железными намордниками. Еще два таких же коня запряжены в повозки поменьше - для солдат генерала.

Позади слышатся крики. Из лавки за нами выбегают отец и Тянь, но солдаты - ящерица и бык - перехватывают их.

- Генерал Ю! - отчаянно кричит папа, пытаюсь вырваться. - Прощу вас! Умоляю! Скажите, куда вы забираете мою дочь?

Солдат-игуана плюет ему в лицо.

- А ты как думаешь, болван?

Генерал спокойно разворачивается, опуская меня на землю.

- Ну что ты, Сит, - укоризненно отвечает он своему солдату. - Ты же знаешь, что ничего тут нет страшного. - Он перехватывает меня поудобнее, причем так крепко прижимает меня к себе, что я ощущаю его твердые пальцы сквозь одежду. - Старина, я просто забираю твою дочь, чтобы доставить ее по назначению. До меня дошли слухи о ее красивых глазах, и я подумал, что она наверняка пригодится при дворе. Или так: из нее получится отличный подарок.

Лицо отца бледнеет, как полотно.

- Вы... вы же не хотите сказать...

- Откуда такая грусть? Старина, тебе следовало бы улыбаться! Твоя девчонка попадет туда, куда мечтает попасть любая девушка королевства! Любой отец был бы в восторге! Она будет жить в Сокрытом Дворце Хана всю оставшуюся жизнь, в роскоши, которая пристала верным служанкам нашего милостивого государя - и служить ему в постели. И не только в постели!

- Нет, - в отчаянии выдыхает мой отец. Тянь замирает, как будто ужаленная змеей, ее глаза расширяются.

Генерал раздражается смехом и ерошит мне волосы.

- Представляешь? Твоя дочь удостоится чести стать Бумажной Девушкой! Наверняка ты о таком даже мечтать не смел!

Бумажной Девушкой.

Эти слова словно повисают в воздухе. Все это чудовищно, неправильно, невозможно, такого просто не может со мной произойти. Только не я. Только не в Бумажные Девушки.

Но раньше, чем я успеваю выговорить хоть слово, снизу слышится яростный собачий лай. Маленькая тень на коротких ножках бросается к нам. Белая собачка с серыми пятнами.

У меня внутри все обрывается.

- Бао, - выкрикиваю я хриплым от ужаса голосом. Потом чуть громче: - Бао! Быстро домой! Домой! Кыш!

Но песик, как обычно, меня не слушается. Подскочив к ногам генерала, он припадает на передние лапы и яростно скалит зубы.

- Привет, малыш, - издевательски цедит генерал, глядя на Бао своими бычьими глазами. Песик кажется размером не больше его заканчивающейся копытом стопы. - Пришел попрощаться со своей подружкой?

Он протягивает руку, и Бао щелкает зубами.

Генерал бросает взгляд на своего солдата-рептилию.

- Сит, - холодно говорит он, - разберись с ним, будь добр.

Рептилия усмехается.

- Один момент, генерал.

Слышен свист стали - он вытягивает из ножен катану.

Лезвие блестит в воздухе. Один взмах клинка - и сталь входит Бао в живот. А потом Сит медленно, ужасающе медленно протягивает катану в мою сторону. На клинок нанизан мой песик.

Бао не успевает издать ни звука. На одно отчаянное мгновение я пытаюсь убедить себя, что он жив, что все это неправда, что катана каким-то образом могла пройти его тельце насквозь, не причинив ему вреда, и сейчас он соскочит с клинка и отбежит в сторону, будет жить, махать хвостиком, клянчить у отца угощения, вертеться у Тянь под ногами... Сейчас, сейчас все снова станет хорошо, а весь этот кошмар окажется тем, что он и есть: просто кошмарным сном. И можно проснуться, положить ему конец.

Но тут Бао начинает извиваться, из раны хлещет кровь и стекает по клинку, окрашивая его темным, пачкая костяную рукоять и сомкнутые на ней чешуйчатые пальцы.

- Прощайся с родней, девчонка, - шипит ящер, между зубов виден его раздвоенный язык. - Поторопись. Больше ты их никогда не увидишь. А если будешь сопротивляться, твой папаша и эта старая драная рысь закончат так же, как твой щенок. Ты этого хочешь?

Я выворачиваюсь в руках генерала - и вижу, как мой отец и Тянь безуспешно пытаются вырваться из хватки второго солдата-быка. Наши с папой взгляды встречаются. Я пытаюсь растянуть губы в подобие улыбки - и он затихает, на его лице проступает робкая надежда.

- Я люблю тебя, - шепчу я отцу, и в глазах его вспыхивает страшное осознание. Но я успеваю отвернуться и удерживаю слезы.

- Я не буду сопротивляться, - говорю я генералу.

- Вот и славно, хорошая девочка.

Он ведет меня к повозке - вернее, волочит за собой, так грубо, что я спотыкаюсь. Отец и Тянь начинают кричать у меня за спиной, и мне требуются все силы, чтобы просто не смотреть в их сторону, карабкаясь на сиденье. Повозка слегка проседает под тяжестью генерала, когда он поднимается и плюхается рядом со мной. Через мгновение лошади трогаются с места, увозя нас из деревни. Под тяжкий стук подков мой мир сжимается до темного пространства повозки, наполненного острым звериным запахом демона-быка.

Глава третья

Каждый ихаранец знает, кто такие Бумажные Девушки.

Этой традиции двести лет. Король-Бык провинции Хан – центральной в Ихаре – захотел захватить власть над остальными семью провинциями, от Цзяны, на юге, до моей родной провинции Сяньцзо, на самом севере. После кровопролитной трехлетней Ночной Войны Король-Бык преуспел в своем намерении, и все наше королевство оказалось под властью демонов. Раньше в каждой провинции была собственная система управления, свои обычаи и законы. В некоторых провинциях правила каста Бумаги, в каких-то – Луны, а где-то – совет кланов. Но после Ночной Войны у нас единый правитель – Король-Демон. Его солдаты наводнили все земли, добираясь до самых отдаленных городов и селений, чтобы насадить там новые законы. Каста демонов процветала, а кланы Бумажной касты были смешаны с грязью. С новой централизованной системой крупные города становились еще крупнее и могущественнее, а небольшие поселения беднели и вымирали.

Годы, последовавшие за Ночной Войной, были почти такими же тяжелыми и темными, как военные. То и дело среди прежних кланов вспыхивали восстания, многие пытались вернуть былую власть, свергнуть королевских ставленников. Порядок был восстановлен единственным методом, известным Королю: кровопролитием.

В знак союза между разными кланами и племенами был установлен новый обычай. Каждый год Король выбирал из кланов Бумажной касты восемь девушек, которые становились его наложницами. Восемь – ради счастливого числа, означающего процветание и удачу, а кроме того, по числу восьми провинций королевства. Считалось, что снисхождением к женщинам из низшей касты Король демонстрирует народу свое благоволение и бескорыстие. Семьи избранных девушек получали от Короля богатые дары и навеки избавлялись от нужды – родне королевских наложниц больше никогда не приходилось работать.

Тянь рассказывала мне, что в провинциях, наиболее близких к столице – таких, как Райн и Анг-Хен, – многие семьи готовят самых красивых своих дочерей к этой роли с детства и задействуют связи с королевским двором, дают взятки, интригуют, лишь бы только протолкнуть девушек в наложницы, когда придет время ежегодного выбора.

В моей деревне истории о Бумажных Девушках относятся к тем, которые рассказывают только шепотом и при закрытых дверях. Мы слишком многое потеряли при набеге демонов десять лет назад, чтобы позволить себе потерять еще и своих сестер и дочерей.

Или *матерей*.

Пока повозка генерала Ю везет меня по сумеречным равнинам, мысли сами собой возвращаются к тому, о чем я предпочла бы не думать, слишком это страшно и больно. Может быть, мою мать увозили этой же дорогой? Я часто размышляла, куда именно ее и других похищенных женщин увезли солдаты-демоны. Может быть, во дворец? Альтернативы были слишком ужасны, о них я предпочитала совсем не думать. Впрочем, все это было *слишком ужасно*. Но когда мысли о судьбе мамы все же проникали против воли в мой разум, во мне теплилась надежда на чудо: вдруг моя мать до сих пор жива где-то там, в далеком дворце?

В том самом дворце, куда сейчас везут меня генерал и его солдаты.

Я смотрю в щель окна глазами, полными слез, и во мне пробуждается отблеск той самой надежды, отчасти прогоняя страх. Мне безумно не хочется покидать дом – но раз уж так сложилось, может быть, у меня появился шанс узнать правду о маме.

А может быть, не только узнать о ней... Но и встретить ее!

Долгое время мы едем молча. Ни генерал, ни я не издаем ни звука. Сиденье обито шелком, на нем лежат опрысканные чем-то душистым мягкие подушки. Сквозь закрытые окна повозки проникают полоски света. В воздухе чувствуется что-то странное, словно электрический разряд: это магия. Наверняка магия управляет лошадьми вместо возницы, указывая им путь и придавая небывалую силу и скорость.

- Нечего грустить, детка!

Рокочущий голос генерала выводит меня из оцепенения. Я стараюсь как можно дальше отодвинуться от него, но некуда деться от его ужасного запаха, от влажного жаркого дыхания.

- Тебя ждет жизнь, о которой любая девушка в королевстве может только мечтать! Думаю, ты не развалишься, если наконец начнешь улыбаться.

Я украдкой смахиваю слезы.

- Я мечтаю совсем о другом, - тихо шепчу я себе под нос.

- Какая жизнь, кроме самой жалкой, могла быть у дочери несчастного торговца травами?

- Любая участь лучше, чем быть наложницей короля.

Я шепчу еле слышно, но генерал расслышал. Его ручища хватает меня за лицо и сдавливает щеки - так сильно, что я невольно приоткрываю рот.

- Думаешь, ты особенная? - ухмыляется он. - Ты у нас выше того, чтобы быть наложницей, так, что ли? Ты просто понятия не имеешь, как живет вся остальная страна. Вы, деревенщины, всю жизнь прячетесь по своим жалким норам в забытых богами провинциях и думаете, что король тоже о вас забыл, что он вас не видит. - Ноздри быка трепещут. - Но вы ошибаетесь. Глубоко заблуждаетесь! Король повсюду, его власть распространяется и на вас. Он всемогущ. Десять лет назад он уже дал вам почувствовать свою власть, а сегодня ты снова испытала ее на себе. Видишь, как просто мне было забрать тебя из дома? Стоило только руку протянуть. Не труднее, чем сорвать цветок. С твоей шлюхой-мамой это было так же легко.

Оскалившись, он отталкивает меня - так сильно, что я ударяюсь головой и невольно вскрикиваю от боли, ощутив во рту вкус крови.

- Так-то, - усмехается генерал. - Визжи, если хочешь. Слышал, что Королю нравится, когда его шлюхи визжат.

Я стискиваю зубы и выпрямляюсь, потирая щеку.

- Значит, ты знаешь, что случилось с моей матерью, - говорю я. - Что ваши солдаты сделали с моей деревней.

- Да, что-то такое слышал, - пожимает он плечами. - Не уверен, что именно. Все эти мелкие походы для наведения порядка похожи друг на друга.

Руки сжимаются в кулаки.

- Ваши солдаты разрушили нашу деревню. Разрушили мою семью.

- Тебе лучше забыть, что у тебя когда-то была семья, девочка. Все равно ты больше никогда их не увидишь.

- Нет, увижу, - шепчу я почти беззвучно, когда он отворачивается к окну. Эти слова на губах - мой тайный обет.

Кони скачут без отдыха много часов, не замедляя хода и не уставая. Мы пролетаем по равнинам Сяньцзо, по черно-зеленому лоскутному одеялу полей, мимо селений, по низким холмам и густым лесам. Я никогда еще так далеко не уезжала от своей деревни - да что там, не уходила из дома дольше, чем на несколько часов, - но ландшафт пока привычен, примерно так же выглядят наши окрестности.

А потом пейзаж начинает меняться.

Мы сделали резкий поворот - и теперь повозка катится мимо широкой полосы выжженной земли. Лошади туда не ступают, но запах гари повсюду, он висит в воздухе. Пожарище кажется раной на теле земли. Я различаю остовы сожженных домов - и понимаю, что это остатки деревни. Кое-где среди горелых руин торчат флагштоки с

багровыми флагами, которые лениво хлопают на ветру. На багровых полотнищах – знак черного бычьего черепа: королевский герб.

– Что здесь случилось? – спрашиваю я генерала сдавленным голосом.

– Да ничего особенного. Оказалось, что деревенские прячут у себя горстку повстанцев, – отвечает тот. – Ясное дело, деревню сожгли вместе со всеми *кееда*.

Кееда. Черви. Это старое оскорбительное слово, которым демоны называют Бумажную касту. До сих пор я слышала это слово лишь один раз – из уст демона-волка, который случайно попал в нашу деревню, тяжело раненный и полубезумный от горячки. Это он выплевывал слово *кееда* в наш адрес, будто выталкивал изо рта рвоту, и я, даже не зная его значения, оскорбилась самому звучанию.

Тот волк, помнится, отказался подпускать к себе нашего доктора. А через несколько дней его нашли мертвым на дороге, ведущей из деревни в сторону леса.

– И много у нас в провинции... таких мест?

Генерал хохочет.

– Больше, чем достаточно. Это у нас с тобой сейчас обзорная экскурсия. Специально для тебя.

Я отворачиваюсь от окна, меня тошнит. Наша деревня стоит на отшибе, я никогда не задумывалась о том, как много зла правление Короля причинило всей остальной Ихаре. Моим собратьям по Бумажной касте, людям. Но вот передо мной ясное свидетельство – ужасная картина разрушения, выжженная земля, нечто совершенно противоположное созиданию.

Должно быть, я ненадолго заснула, потому что первое, что я вижу, когда открываю глаза, – это пустая темная повозка. Тишина, далекие огни.

Генерала рядом нет.

Я вскакиваю и пробираюсь к выходу из повозки – к полотнищу, которое его завешивает. Отодвинув край полотнища, выглядываю наружу и жмурюсь от света – это фонарики, которые висят под крышей дома напротив. Мы на небольшой улице какого-то городка или деревни. Кто-то привязал наших лошадей к коновязи. В конце улицы слышны голоса, отдающие приказы, стук каких-то ящиков, которые, видимо, грузят или выгружают. А еще ясно слышится ритмичный плеск воды. Прибой.

Я никогда еще не видела моря. Глубоко вдохнув, я ощущаю в воздухе привкус соли. А потом – пока я еще не утратила решимость – возношу быструю молитву всем богам, которые готовы меня услышать, и выпрыгиваю из повозки.

Я приземляюсь неловко – повозка оказалась выше, чем я думала. Этот звук тревожит лошадей – они встают на дыбы, бьют копытами. Я едва успеваю выкатиться из-под копыт и бросаюсь бежать.

Бежать трудно – булыжники мостовой ранят босые ноги, но я не обращаю внимания на боль и несусь изо всех сил, вокруг все сливается в мешанину тьмы и фонарей, я совершенно не понимаю, где я и куда бегу. В конце улицы я на миг останавливаюсь оглядеться, тяжело дышу, согнувшись пополам. Две дороги, влево и вправо, на вид – никакой разницы, я выбираю левую – в противоположную сторону от шума прибоя. Плавать я не умею, так что попробую спрятаться где-то в городе, может быть, получится украсть лошадь...

За спиной я слышу приближающиеся крики. И, как могу, ускоряю бег. Я сумею, я выдержу! На меня накатывает восторг победы: я быстрее моих преследователей, мне удалось сбежать!

В конце улицы я бросаю быстрый взгляд через плечо и тут же врезаюсь головой в кого-то, вставшего у меня на пути.

От удара я прикусила язык. Мы оба падаем на мостовую, причем я больно приземляюсь

на спину – и со стоном перекатываюсь на бок, сплевывая кровь. Упираясь руками в землю, я пытаюсь подняться на ноги – но раньше, чем мне это удастся, меня хватает за горло чешуйчатая рука.

– Глупая девчонка, – шипит отвратительный голос рептилии. – Решила сбежать? – К шее прикасается холодное острие кинжала. – Сейчас ты за это заплатишь.

Сит.

Солдат-ящер рывком поднимает меня на ноги, его хватка крепка, как железо, хотя я вырываюсь и бьюсь в его руках изо всех сил. С разных сторон улицы на нас молча смотрят люди, кто-то выглядывает из окон, кто-то стоит в дверях.

– Помогите! – кричу я им, но они безмолвно отшатываются. Должно быть, рассмотрели, что на Сите форма королевского солдата, заметили герб Короля на повозке.

Он тащит меня в повозку и швыряет внутрь. Я беспомощно падаю на дощатый пол и слышу цоканье когтистых ног Сита, который поднимается следом. Через мгновение он упирается ногой мне в спину. От неожиданности я падаю лицом вниз и ударяюсь подбородком о пол, не удержав крика. Он сильнее прижимает меня к полу.

А потом он наклоняется и поворачивает свое наполовину рептилоидное, наполовину человеческое лицо так, чтобы заглянуть мне в глаза. Его глаза – змеиные, с длинным вертикальным зрачком на серо-голубой радужке. Я вижу вспышку розового – это его язык вырывается из пасти, чтобы коснуться моей кожи.

Он сплевывает.

– Что за гадость, – бормочет он. – Ты вся пропахла травками из вашей жалкой аптеки. – Глаза его скользят ниже, к моей шее. – Похоже, тебя стоит хорошенько *вылизать*, чтобы очистить от этой вони.

Все мое тело наполняется чудовищной паникой. Она разливается по жилам, подобно огню.

– Ты... ты не смеешь, – лепечу я, едва выговаривая слова. – Я ведь... я Бумажная Девушка...

Солдат-рептилия смеется, обрывая меня.

– А, ты наконец признала свой нынешний статус? Значит, тебе известно, какого рода служба от тебя требуется. Давай потренируемся.

Он обхватывает меня за плечи, тянет за воротник, оттягивая блузу назад. Чешуйчатые пальцы хватают меня за грудь, вызывая приступ тошноты. Рвота подступает к горлу, я пытаюсь вывернуться, сбросить его с себя, но чем сильнее я бьюсь, тем крепче его хватка. Он наваливается сверху, прижимая меня к полу...

Я отчаянно кричу...

Он зажимает мне рот ладонью.

– Тише! Молчи, а то я...

– Ну-ка быстро отвали от нее!

Низкий голос гремит, подобно грому. Сит немедленно откатывается в сторону, освобождая меня. Над ним возвышается гигантская фигура генерала, его рука лежит на рукояти кинжала, висящего на поясе. Черные глаза демона-быка пылают гневом.

Сит указывает на меня трясущейся рукой.

– Эта девка пыталась сбежать, генерал! Ей почти удалось, но я перехватил ее и притащил обратно. Я просто... просто пытался удержать ее на месте до вашего возвращения...

– Лжец! – яростно выплевываю я.

Генерал переводит взгляд с меня на Сита, лицо его не выражает никаких эмоций. Потом он разворачивается.

- Корабль готов к отплытию, - сообщает он, как будто ничего особенного не произошло. - Идите за мной.

Я чувствую, как Сит расслабляется.

- Да, мой генерал.

Генерал бросает на него взгляд через плечо.

- И вот что, Сит. Если я еще замечу, что ты хоть пальцем прикоснулся к девчонке без крайней необходимости, сам будешь объяснять Королю, как тебе удалось испортить одну из его наложниц.

Лицо ящера искажается от страха.

- Да, мой генерал.

На этот раз он хватает меня за плечи там, где мое тело прикрыто одеждой. Но толкает вперед с прежней ненавистью, к тому же бросает на меня косые взгляды, и его узкие глаза игуаны еще сильнее щурятся от злости.

Мы идем за генералом - в направлении противоположном тому, куда я пыталась убежать. Мы движемся в сторону моря, к порту, где даже в это время суток кипит жизнь. Над морем до горизонта простирается широкое, усыпанное звездами небо. За нашими спинами - улица, полная освещенных ресторанчиков и кальянных, ночной воздух полон веселым щебетом отдыхающих, порой слышатся громкие голоса - люди ссорятся, спорят о чем-то незначительном. Городок, кажется, небогатый - на улицах совсем немного демонов, и те в основном из касты Стали, у них человеческие тела с некоторыми звериными признаками. У одного из ночных магазинчиков на ветру бьется флажок - и я различаю на нем герб: фигуру демона-пса. Это знаменитый символ клана Ноэй, Черных Шакалов.

- Мы что, уже в землях Ноэй? - спрашиваю я генерала.

Тот не поворачивает головы, но слегка кивает, и я принимаю это за знак подтверждения.

У меня миглом пересыхают губы. Ноэй - это провинция далеко на востоке от Сяньцзо. Значит, мы уехали гораздо дальше, чем я думала.

Генерал ведет нас в дальнюю часть порта. Мы проходим мимо молодых моряков, одетых в потрепанные саронги с поясами на талиях, проходим рыбаков, которые вынимают из сетей живых бьющихся кальмаров... Тянь рассказывала мне немало историй о море, и я представляла себе все эти корабли так, что в моем воображении они все были примерно одинаковыми по размеру и форме. Но тут их так много, и все совершенно разные - от маленьких рыбацких каное с разноцветными парусами до длинных ладей, груженных фруктами, от крохотных баркасов, похожих на бочонки, призванных перевозить пассажиров через пролив, до прекрасных плотов-*найао*, украшенных цветными лентами. На набережной горят фонари, крытые галереи сверкают, и разноцветные огни отражаются в воде, окрашивая ее яркими живыми цветами.

В любой другой момент своей жизни я бы думала только о том, как это красиво.

Мы останавливаемся в самом конце дока, где пришвартована трехъярусная джонка. Ее развернутые паруса, похожие на рыбы плавники, хлопают на ветру.

Солдат-бык со сломанным рогом ждет меня на сходнях.

- Капитан готов отчалить, генерал, - докладывает он.

- Отлично. Сит, отведи девчонку в каюту.

- Есть, генерал.

- И помни, что я тебе сказал.

Он отворачивается – и солдат-ящер тут же оскаливается мне в лицо и наклоняется к моему уху.

– Можешь снова попробовать сбежать, девчонка, – шепчет он, – но на этот раз тебя поймаю уже не я. Тебя поймают руки самого моря. И их объятие тебе понравится даже меньше моего.

Я стараюсь не смотреть на него, никак не реагировать. Однако тяжесть его слов невольно пригибает мои плечи к земле. Потому что – как бы ужасно это ни было – он совершенно прав.

Шанса на побег у меня больше нет.

Глава четвертая

Я не знаю, как далеко уносит меня корабль, и никто мне об этом не расскажет. Я пытаюсь делать выводы по смене океанских пейзажей, высматривать вдаль полосы земли, но на протяжении трех суток серо-синяя гладь моря кажется совершенно одинаковой. Большую часть времени я провожу в каюте, согнувшись над ведром. Меня выворачивает наизнанку. Морская болезнь настолько вымотала меня, что почти нет сил беспокоиться о том, что ждет меня по прибытии на берег. Я уже сдалась, слабость проникла в мои кости, я готова ко всему – и не устаю твердить это себе самой так часто, что мне почти удалось себя в этом убедить.

Дважды в день юнга приносит мне поесть. Это добрый мальчик-полудемон из собачьего клана, его человеческое тело покрыто густой серой шерстью, из-под рабочего саронга видны песьи лапы. Однажды вечером он принес мне дополнительную порцию паровых булочек *бао*, заметив, что предыдущей порцией меня бесславно вырвало. Этот маленький жест доброты так удивил меня – в том числе и тем, что его сделал некто из касты Стали, – что я не удержалась и спросила:

– Почему?..

Он замер на пороге и оглянулся через плечо, стараясь, тем не менее, не встречаться со мной взглядом.

– Что – почему?

– Почему ты помогаешь мне? Я ведь... я ведь из Бумажных.

Он снова разворачивается к двери и тихо отвечает:

– Это значит, что ты нуждаешься в помощи больше, чем кто угодно другой.

Я смаргиваю слезы и отворачиваюсь. Я рада, что он ушел раньше, чем заметил, как больно мне стало от его сочувствия.

Наконец наступает утро пятого дня плавания – и я слышу на борту громкие крики. Слова я не различаю, их уносит ветер, но наконец, по крайней мере, одно слово удастся разобрать. Слово влетает мне в сердце на черных крыльях страха и на светлых крыльях надежды.

Хан.

Королевская провинция. Мы на месте.

Я подбираюсь к окну. Сначала не могу ничего разглядеть, а потом в поле зрения появляется побережье и очертания города. Черный Порт – главный портовый город Хана. Свое имя он получил из-за черного камня окружающих его скал. Сам город куда больше, чем я могла себе представить, он раскинулся на многие мили, украшая побережье разноцветными зданиями и уходя далеко в сторону гор. Ярусы деревянных домов взбегают по склонам, приподнятые края крыш похожи на изогнутые листы горячей бумаги.

В гавани полно кораблей. Пробираясь между ними, наш кораблик по сложной траектории приближается к берегу. Паруса и флажки других судов проплывают вдоль обоих бортов так близко, что нетрудно рассмотреть гербы и надписи на них. Тут и символы, означающие удачу, и знаки принадлежности к разным кланам, и багровые бычьи черепа на черных парусах военных кораблей.

– А, значит, ты все-таки жива, – слышится от двери каюты издевательский голос. – А мы уже начали бояться, что ты собственную душу выблюешь.

Я оборачиваюсь. На пороге стоит генерал Ю.

По крайней мере, ты признаешь, что у меня есть душа, думаю я. Но вслух, конечно, ничего не говорю.

Он манит меня рукой.

- Пошли.

Мы проходим по коридору и поднимаемся на борт. После долгого плавания взаперти я щурюсь, заново привыкая к открытому пространству, к морю и небу. Когда глаза наконец приноравливаются к свету, я могу нормально оглядеться: вот яркие паруса торгового корабля на соседнем причале, вот белые пятнистые животы чаек, разрезающих воздух над нами, вот огромный город, растянувшийся на мили, темное дерево его домов, пятна соли на стенах.

Порт полон красок и движения. По улицам, переходам, сходням, по палубам кораблей снует множество народа. В отличие от порта в Нозэй, тут куда больше демонов - кажется, их больше, чем людей. Это признак богатства и влиятельности провинции.

Я тревожно сглатываю. Вид стольких представителей каст Стали и Луны служит напоминанием о том, куда я попала. О том, зачем я здесь.

- Генерал, - окликает Сит, взбегая по сходням. - Экипаж подан. - Он кланяется генералу, и, заметив меня, мерзко усмехается.

Генерал ведет меня вперед. Я спускаюсь к ожидающей нас закрытой повозке, по пути оглядываясь и ища возможность сбежать. Но при свете дня, посреди самого оживленного ихаранского порта у меня нет шансов. Даже если побегу, не смогу убежать далеко.

Сит вырастает рядом со мной - чуть ближе, чем это пристойно.

- Помощь нужна? - мурлычет он мне в ухо.

Я отшатываюсь, пока он не успел ко мне прикоснуться.

- От тебя - никогда.

Перед внутренним взором тут же всплывает изумленное лицо Тянь, она поводит рысьими ушами: «Подумать только, какова наша маленькая негодница! Храбро отвечает демону, будто кожа у нее - лунная, а не бумажная!»

Я глубоко вдыхаю. А потом, расправив плечи и вскинув подбородок, быстро прохожу последние шаги, отделяющие меня от повозки. Если такова моя судьба - что ж, я способна принять ее с поднятой головой.

Без того, чтобы меня насильно тащили руки демонов.

Выехав из города-порта, наш экипаж катится по длинной дороге, петляющей по узкой долине между черных гор. Там и тут по сторонам встают странные неровные скалы, поросшие маленькими кривыми соснами и белыми цветами. Сухая земля покрыта красной пылью. Пыль стоит и в воздухе, поднимается ржавыми облаками из-под копыт лошадей. Хотя окна в повозке закрыты ставнями, и завеса над входом плотно задернута, все равно пыль проникает внутрь и тонким слоем оседает на коже.

Я облизываю губы. Пыль на вкус точно такая же, как на вид: она пахнет ржавчиной, грязью и безнадежностью.

Движение на дороге весьма оживленное. Всадники на лошадях и медведях, телеги, запряженные кабанами, тяжелые повозки-корабли на колесах, приводимые в движение ветром в парусах.

Генерал указывает мне на золоченый экипаж, стены которого украшены резьбой.

- Это племя Белого Крыла, - сообщает он, стараясь перекричать шум дороги. - Один из самых могущественных птичьих кланов Ихары. Уверен, даже в твоей деревушке о них слышали.

Я не отзываюсь на его насмешку. Наша повозка поравнялась с роскошным экипажем, и я во все глаза смотрю в щель между ставнями. Бархатные занавески на окне раздвигаются, и я вижу прекрасное лицо девушки-лебедя, ее сияющие глаза, ярко-белое оперение, кажущееся серебряным. Ниже шеи оперение плавно переходит в

алебастрового цвета кожу.

Я улыбаюсь ей – но она не отвечает на улыбку. К ее плечу прикасается чья-то рука, и она закрывает занавеску, исчезая в золотом экипаже.

Наша повозка подпрыгивает на колдобине, и моя голова дергается, невольно поворачиваясь к другому окну. За ним видна огромная повозка-корабль, которую тянет пара слонов. Грубая кожа зверей покрыта глубокими рубцами от ударов. Выгнув шею, я различаю пассажиров этой гигантской повозки. Они напоминают мне Тянь – это кошачьи демоны. Лица их наполовину скрыты платками, видны только глаза. Я поднимаю глаза на паруса – и вижу герб: три когтистые кошачьи лапы на ярко-желтом фоне.

– Вонючие кошки, – бормочет генерал, скривившись, и тут я понимаю, кому принадлежит повозка.

Когда Тянь рассказывала мне истории о Кошачьем Клане, голос ее всякий раз дрожал от восхищения. Из всех племен демонов Клан Кошек – единственный, кто был и остается Бумажной касте чем-то вроде союзника. Они известны своей независимой, бунтарской натурой, они замешаны практически во всех больших и малых беспорядках – особенно в тех, которые призваны разозлить Короля-Демона.

За повозкой-кораблем Кошачьего Клана едут двое всадников и быстро обгоняют ее. За их спинами выются на ветру широкие голубые плащи. Я не могу различить белых символов на плащах, но что-то в самой гордой осанке всадников заставляет думать о царственности, хотя, конечно, родней королю они быть не могут. Потому что они – люди.

Один из кошачьих демонов, перегнувшись через борт корабля, что-то громко кричит всадникам, отчаянно жестикулируя. Они отвечают на скаку, прищипывают коней – и уносятся по дороге далеко вперед, лавируя между рядами едущих.

– Кто это? – спрашиваю я генерала.

– Люди клана Ханно, – отвечает тот без особой приязни. По лицу его пробегает странное напряжение, причину которого я не могу понять.

Конечно, я слышала о клане Ханно. Это самый большой и значимый Бумажный клан в Ихаре – они вернейшие союзники Короля-Демона. Сказать по правде, *почти единственные* его союзники из Бумажной касты.

Интересно, о чем двоим Ханно разговаривать с давними противниками Короля?

Дальше мы едем в молчании, день постепенно переходит в ночь. Поток повозок на дороге редет. Начинается дождь, нарушая зловещую тишину и наполняя воздух холодом.

Я смотрю в окно повозки. Безлунное небо низко нависает над пыльными равнинами. Тьма кажется настолько густой, что в нее можно нырнуть, как в воду. Я думаю об одном из небесных богов – Чжокка, Вестнике Ночи: о том, что это он сейчас протянул руку и заключил меня в объятие, а на его лице светится довольная улыбка – светится огнем поглощенных им звезд.

– Ешь, – приказывает генерал, громким голосом пробуждая меня от темных видений. И сует мне в руки кожаную фляжку и какую-то еду, завернутую в лист пандана. – Не хочу, чтобы ты свалилась в голодный обморок прямо во время осмотра во дворце.

Я начинаю жевать слипшийся комок риса, выкусывая его из обертки листа.

– А магия, которая управляет нашей повозкой – ее наложили имперские шаманы?

– О, гляжу, даже такая деревенская девчонка, как ты, о них слышала?

– Да кто во всей Ихаре об этом не слышал?

Он хмыкает.

- Полагаю, да. Хотя порой не понимаю, отчего в королевском дворце к этим шаманам так много почтения... как будто они сами и есть боги! Даже Король-Демон почитает их магию, как нечто священное.

Брови сами собой удивленно приподнимаются. Ни разу не слышала, чтобы кто-то отзывался об имперских шаманах так непочтительно! Во всей Ихаре их бояться и почитают сверх всякой меры. Как и Бумажные Девушки, они считаются тайной королевского дворца, окруженной множеством слухов и суеверий. История имперских шаманов восходит к тем временам, когда Король-Демон только приступил к строительству Сокрытого Дворца. Он приказал своим архитекторам создать для него совершенно неприступную крепость, но те ответили, что это невозможно. Тогда Король-Демон казнил их на месте. Их преемники предложили ему оплести крепость по периметру постоянным *дао*. Ни один самый сильный шаман не способен на такое, поэтому нужно было привлечь к работе целую группу и сделать так, чтобы они работали непрерывно.

Не то чтобы раньше не было известно о способах смешения силы нескольких шаманов, но обычно это небольшая группа, призванная окружать кольцом защиты военный лагерь или временное поселение. Советники же Короля предложили ему создать постоянную защиту огромного замка. Множество шаманов, сменяя друг друга, должны были по очереди поддерживать неприступность дворцовых стен.

- Это правда, что при дворе живет больше тысячи шаманов? - спрашиваю я.

- Тысяча - это ничто, детка! Бери больше, их там много тысяч. Но вот чего я никак не пойму...

Он вдруг обрывает речь и отворачивается.

- Чего именно? - осторожно спрашиваю я.

Генерал сердито смотрит перед собой и тяжело дышит. А потом резким движением указывает на шрам, пересекающий лицо. Его лицо - полубычье, получеловеческое, широкий плоский нос, выступающая нижняя челюсть - и так достаточно уродливо, но кривой шрам превращает его в страшную маску, в настоящее чудовище.

- Я получил это украшение в битве при Цзяне. Потом просил позволения Короля посетить имперских шаманов, чтобы они своей магией избавили меня от шрама. Но он мне отказал. Сказал, что шрамы украшают воинов, служат их чести. Что желание избавиться от следа жестокой битвы - признак слабости.

Внезапно я испытываю нечто вроде сочувствия к генералу - но это чувство умирает тотчас же, когда он проводит мозолистым пальцем по моей щеке.

- Вот зачем мне понадобилась ты.

- Что... что ты имеешь в виду?

Он окидывает меня довольным взглядом.

- Конечно, тебя нельзя назвать классической красоткой, тебе не хватает элегантности, грации - сразу видно, что ты не из аристократии. Но все-таки... эти твои необычные глаза. До сих пор ни разу не слышал о девчонке из Бумажной касты с таким цветом глаз. Это же настоящее благословение, и оно может возбудить интерес Короля. - Он наклоняется ближе, дышит мне в лицо. - По крайней мере, я на это надеюсь. Избранные девушки из всех провинций прибывают во дворец как раз завтра вечером. Главное для нас - получить одобрение госпожи Эйры и мадам Химуры.

Я непонимающе моргаю.

- То есть процедура выбора уже закончена?

- Закончена пару недель назад.

- Тогда зачем ты вообще меня привез? - в отчаянии выкрикиваю я.

На скулах генерала заиграли желваки.

- Мне нужно вернуть расположение Короля после того злосчастного случая со шрамом. Поэтому я отправил своих людей на поиски особенной девушки, которую я мог бы подарить государю в знак верности и преданности. Сит доложил мне о слухах о человеческой девчонке с золотыми глазами, но я до конца ему не верил, пока сам тебя не увидел. - Он смотрит на меня с вызовом. - Скажи мне, детка, в тебе ведь найдется все, что нужно, чтобы быть принятой ко двору? Ты постарайся?

Ярость душит меня изнутри, накатывает жаркой волной. Значит, вот почему он оторвал меня от дома, от родных, вот зачем потащил во дворец?

Чтобы я стала живой взяткой королю?

- Я совершенно не *желаю* быть принятой ко двору, - выдыхаю я.

Ноздри генерала раздуваются. Он хватает меня за горло.

- Тебе придется постараться, - рычит он, - и придется преуспеть. Иначе твоя семья - вернее, ее жалкие остатки - за это поплатится. Так что не вздумай совершить ни единой ошибки, *кееда*.

Он хватает меня за руки, поднимая их к моему лицу. Его стальные пальцы больно впиваются в запястья.

- Потому что иначе их кровь будет на твоих руках. На этих самых руках, ясно?

Я с трудом вырываюсь, а он смеется.

- А, ты все еще считаешь себя выше предназначенной тебе судьбы. Я это ясно вижу, девочка. Но ты уж мне поверь - ничем ты не выше. Когда ты узнаешь, что происходит с гнилой бумагой, когда увидишь, как расправляются со шлюхами, которые плохо выполняют свою работу, ты будешь ползать на брюхе, умоляя Дворец принять тебя и не вышвыривать за ворота. - Он наконец отводит от меня взгляд и смотрит в окно. - Мы почти приехали.

Я выглядываю наружу - и вижу гибкие стволы бамбука, пролетающие за окном бело-зелеными смазанными пятнами.

- Где мы? - шепотом спрашиваю я.

- В великом Бамбуковом лесу Хана, - в голосе генерала слышится гордость. - Это важная часть оборонной системы дворца. Он слишком густой, чтобы в него можно было въехать верхом, и непроходимый для любой армии. Чтобы прорубить в нем дорогу, потребуется много дней.

- Но как во дворец попадают торговцы? И другие посетители?

- Если у них есть разрешение на въезд, имперские шаманы дают им *дао*, открывающее скрытую дорогу.

Лес полон странных звуков - совиных криков, шума дождя, возгласов неведомых животных, скрытых в бамбуковой чаще. Воздух кажется плотным из-за испарений теплой и мокрой земли. Неожиданно повозка останавливается. Кони встают смиренно, завеса леса расступается перед нами, и мое сердце замирает.

Передо мной - Сокрытый Дворец Хана.

Крепость Короля-Демона.

Черная скала темна, как ночь. Стены высоки, заслоняют луну. Они вздымаются, как скелет огромного каменного зверя. По хребту скелета видны маленькие фигурки - это замковая стража на стене. Стены окружены странным мерцанием, и когда мы приближаемся, я различаю, что под влагой, покрывающей стены, поблескивает множество символов, словно бы вживленных в камень. Они шевелятся, переплетаются друг с другом, танцуют и перетекают один в другой. Тихий гул - далекое пение -

достигает моего слуха. Так вот они какие – имперские шаманы!

Я чувствую, как кожа покрывается мурашками. Я никогда еще так ясно не ощущала присутствия магии. Какая она сильная... и какая... грубая...

Повозка резко останавливается. Через несколько секунд в ее деревянную стену кто-то громко стучит – и я подпрыгиваю от неожиданности.

Завесу над входом откидывает стражник – это демон-медведь.

– Генерал Ю! – приветствует он. – Вы уже вернулись из Сяньцзо! Замечательно! – На шерстинках, покрывающих его лицо, замерли капельки дождя. Взгляд его падает на меня – и он поднимает мохнатые брови, часто моргает. – Могу я спросить, генерал, кто наша гостья?

– Леи-чжи прибыла ко двору, чтобы войти в число Бумажных Девушек, – отвечает генерал. – Я послал вперед двух гонцов, которые должны были тебя предупредить. Полагаю, ты получил сообщение? Или нас продержат тут в ожидании, как уличных торговцев, явившихся предлагать за гроши всякий хлам?

Стражник-медведь отшатывается.

– Нет, конечно, генерал. Подождите секундочку. Я спрошу начальника стражи, господина Амара.

Я смотрю в щель между ставнями, как стражник, сгорбившись под дождем, ковыляет к караульному посту за высокими воротами. Ворота глубоко врезаны в стену. По обеим сторонам ворот возвышается по гигантскому *пекалангу* – статуе, которую помещают у входа в здания в качестве защиты от злых духов. Здешние пекаланги представляют собой огромных, выше двадцати футов ростом, быков с оскаленными пастьями. Каменные руки статуй держат жаровни, в которых горит яркое пламя. Когда мои глаза привыкают к огню, я замечаю, что за воротами дальше по коридору стоят ряды похожих статуй. И тут я замираю на месте, потому что понимаю, что это не статуи.

Они живые. Это ряды стражников.

У меня перехватывает дыхание при виде сотен демонов – из каст Луны и Стали – плечом к плечу охраняющих вход во дворец. Они неподвижны, смотрят перед собой, почти не мигая, и держат наизготовку острые катаны. Пламя жаровен отражается в их глазах – глазах демонов: газели, шакалы, тигры, кабаны бдительно охраняют коридор, не шевеля ни единым мускулом.

Я невольно вжимаюсь спиной в стену повозки.

Один из стражей трогается с места и знаком позволяет нам войти. Лошади тянут повозку вперед – и, миновав главный вход, мы въезжаем в следующие ворота, поменьше. За ними лежит туннель, узкий и тесный, похожий на кокон темноты. От его стен гулко отдаются голоса жрецов, поющих заклинания. А потом все звуки разом умолкают.

Я вижу вспышку, похожую на молнию.

Все тело мгновенно охватывает жар – будто я ступила в пламя костра.

Я прикусываю язык, чтобы не закричать. Жар практически невыносим, как струя кипятка, оглядываюсь – но не вижу ничего, что могло бы так сильно жечь.

– Что... это такое? – с трудом выговариваю я.

– Мы проходим зону защитной магии шаманов, – объясняет генерал. – Если мы окажемся не теми, кем себя назвали при входе, это *дао* покажет страже нашу истинную сущность. Но магия, которая может обмануть шаманскую защиту, по силам только еще более могущественным шаманам. Я бы сказал тебе, что со временем ты привыкнешь к этому ощущению, да только это неправда – ты больше никогда не выйдешь из дворца, – он криво усмехается. – Добро пожаловать, Бумажная Девушка.

Глава пятая

Когда мы покидаем туннель, магический жар спадает. Прекращается и напряженное молчание. Первое мое впечатление от дворца – запах. Он настолько сладок, что рот сразу наполняется слюной: ночной жасмин. Стены внутреннего двора увиты его зелеными лозами, покрытыми оранжевыми цветами. Настенные светильники освещают огромный внутренний двор, в углах которого таятся тени. Он совершенно пуст, если не считать павильона охраны и длинного ряда конюшен. Из стойл виднеются головы огромных животных, их ноздри испускают пар. Я вижу там и лошадей, и газелей, и даже кого-то вроде медведя, закованного в латы.

К нашей повозке устремляется двое стражников. Генерал приветствует их, и мы продолжаем путь. Я прижимаюсь к окну, чтобы разглядеть все подробнее, но тут наши кони ускоряют шаг, и за окном все сливается в цветные размытые полосы. Мне удастся рассмотреть только фрагменты места, которое теперь должно стать моим домом: блестящие от дождя камни булыжной мостовой, темную зелень ночного сада, изящные очертания храма с выгнутой крышей... Мы проезжаем площади и дворики поменьше, широкие пустые пространства... Размеры дворца меня поражают. Это не дворец, а огромный город – лабиринт площадей, садов и улиц, которые, как вены и артерии, ведут к сердцу – огромному бьющемуся сердцу этого места, где, как паук в центре паутины, восседает Король.

Я не могу не думать, так ли черно сердце нашего королевства, как о нем мне рассказывали близкие.

– Вот мы и приехали, – говорит генерал, когда повозка наконец останавливается. – Это Женский Двор.

Он откидывает завесу над входом, и я выхожу под дождь, в освещенную фонарями тьму. Лабиринт улиц заключен в клетку высоких стен. Дома смыкаются между собой, соединяясь мостиками и надземными галереями. Здания красиво украшены, их стены из розового дерева блестят от дождя. За *шоджи*, раздвижными дверями-ширмами, видны силуэты людей внутри. Перед каждым домом – широкая терраса, украшенная сувенирами на удачу, развешенными по углам, большими вазами и красными фонариками, свисающими с резных карнизов. В мягком, сонном свете фонариков слышатся женские голоса, смех, шлепки сандалий по деревянному полу, перезвон струн *цитры* – нежный и убаюкивающий.

Генерал ведет меня по темному проходу между двумя зданиями. Мы останавливаемся перед задней дверью, и он дергает веревку колокольчика.

Изнутри слышатся быстрые шаги. Дверь распахивается, впуская нас во внутренний двор. Открыла нам совсем юная девочка, лет десяти. Она изумленно смотрит на нас, у нее приятное округлое лицо и глаза олененка, волосы собраны в растрепанный пучок на затылке, отдельные пряди заправлены за уши – длинные и подвижные, тоже оленьи. Она из касты Стали, но звериные черты в ней едва заметны – она почти ничем не отличается от человека.

Узнав генерала, она ахает и падает на колени.

– О, это вы, генерал Ю!

– Позови госпожу Эйру, – приказывает тот, едва взглянув на нее, и девочка тут же вскакивает.

– Да, генерал, сейчас, генерал!

Я смотрю ей вслед, пока она бежит по ступенькам вверх. Из комнат звенят девичьи голоса. Воздух теплый и пахнет свежим чаем. Это место кажется уютным и гостеприимным, его наполняет множество успокаивающих звуков, которые напоминают мне о доме. На секунду я представляю, что сейчас войду – и увижу Тянь и папу, и свою комнату, которая по-прежнему хранит мамин запах, и мне становится так больно, что я сжимаю кулаки, вонзая ногти в ладони, чтобы физической болью отвлечь себя от душевной.

Через несколько минут к нам выходит женщина. Она легко и изящно спускается по лестнице, и почему-то я сразу понимаю, что она тоже когда-то была Бумажной Девушкой: каждое ее движение полно непринужденной грации, которая достигается лишь путем долгих тренировок. Не знаю, сколько ей лет, но красота ее не поблекла. Кожа гладкая, карие глаза светятся живым умом и излучают тепло. Кимоно цвета спелой сливы облегает стройную фигуру, края обработаны золотыми и серебряными нитями.

- Генерал Ю, - приветствует она моего конвоира легким кивком.

- Госпожа Эйра. Простите, что отвлекаю вас и что вынужден был явиться прямо в Женский Двор со своим делом, но оно не терпит отлагательств. - Он подталкивает меня вперед. - Хочу представить вам Леи-чжи.

Взгляд женщины быстро скользит по мне, словно пронизывая насквозь, и она слегка улыбается.

- Удивительное совпадение, что ты именуешь эту девочку титулом Бумажной Девушки. Я как раз только что занималась ими. Вся группа прибыла пару часов назад. Все восемь, если я не ошиблась в подсчетах.

- Да, я знаю, что мы припозднились, - настаивает генерал, - но, надеюсь, вы признаете, что она того стоит. Когда я отыскал эту девушку и был поражен ее красотой, я сделал все возможное, чтобы немедленно доставить ее во дворец.

Он берет меня за подбородок и разворачивает к ней лицом - так, чтобы свет падал на мои глаза: золотой свет - на золотые радужки.

Женщина ахает. Потом подходит поближе, и я смаргиваю слезинки с ресниц, стараясь достойно ответить на ее прямой взгляд.

- Ее глаза... - она переводит взгляд на генерала. - Вы уверены, что она из Бумажной касты? Не из Стальных?

- Уверяю вас, госпожа, в ней нет никакой крови, помимо человеческой.

- Кто ее родители?

- Травники, хозяева аптеки на западе Сяньцзо.

- Значит, у нее нет опыта придворной жизни.

Он качает головой.

- Это так, но она быстро учится. Вы только посмотрите, как она хороша даже сейчас, одетая в жалкое тряпье. Представляете, как она преобразится, если над ней хоть немного поработать? - Генерал понижает голос. - Госпожа, вы же знаете, как суверен наш повелитель, как он ценит знаки и предзнаменования. Уверен, он с удовольствием примет в дар девушку, которая не только красива, но и служит живым символом удачи и доброй судьбы! Наверняка это порадует короля, учитывая тяжелые времена, которые нас всех ожидают... Полагаю, из нее получится великолепная Бумажная Девушка.

Госпожа Эйра не сводит с меня глаз.

- Леи, ты что скажешь? Ты готова начать жизнь Бумажной Девушки? - спрашивает она.

Генерал втайне от нее смотрит на меня тяжелым взглядом. Я вспоминаю его слова, сказанные мне в повозке: *Иначе их кровь будет на твоих руках*. К тому же, если я останусь здесь, во дворце, у меня появится шанс - пусть даже самый маленький, но все же шанс узнать, что случилось с мамой.

Так что я отвечаю единственно возможным образом:

- Да, госпожа.

И все же эти слова отдают ложью. Я чувствую привкус предательства на губах. Я сглатываю эту горечь, и госпожа Эйра улыбается, кладя руку мне на плечо.

- Благодарю, генерал, - говорит она. - Вы не ошиблись в своем решении привезти Леи сюда. Сейчас я представлю ее мадам Химуре. Надеюсь, она примет девушку не менее благосклонно, чем я. Мы доведем до сведения Короля, что Леи является вашим личным ему подарком.

Она кланяется генералу и ведет меня вглубь дома.

Перед тем, как она закрывает за нами дверь, я успеваю бросить на генерала последний взгляд через плечо. Его ухмылка сейчас шире, чем когда бы то ни было, глаза блестят победным блеском.

Госпожа Эйра приводит меня в маленькую комнату без окон и просит немного подождать. Я стою, не зная, куда себя девать. Одежда намочена от дождя, вода капает с нее на полированные доски пола. Я часто дышу, стараясь - хотя и безуспешно - успокоить бешеное сердцебиение. Все вокруг кажется мне нереальным, будто происходит не со мной. Даже долгая дорога не помогает поверить, что я, Леи, и правда нахожусь в королевском дворце, а где-то неподалеку - в одном из соседних зданий - меня ждет Король.

Я слышу громкие шаги по коридору - цоканье, сопровождаемое почти беззвучной ровной поступью госпожи Эйры. Раздвижные двери расходятся, и за ними появляется высокая и какая-то сгорбленная фигура - не совсем человеческая, слишком крупная, со слишком массивной шеей и спиной. Я с трудом сдерживаю возглас.

Женщина, очевидно, мадам Химура, - вовсе не человек. Она... Она - орлица!

Демоны-орлы - редчайший вид крылатых демонов. Большая часть их клана погибла во время Ночной Войны - почти все они состояли в армии Короля. Я еще никогда так близко не видела никого из птицедемонов - тем более чистокровного птицедемона из Лунной касты. Первое, что привлекает мое внимание, - это глаза мадам Химуры: два ярко-желтых полумесяца, наполовину прикрытых птичьими веками. Их пронзительный взгляд пронзает меня насквозь. Белые перья покрывают ее лицо вплоть до крючковатого клюва, к которому сходятся ее высокие скулы. Облик почти человеческий и притом... совершенно противоестественный. Серебристо-серая мантия оттеняет угольно-черное оперение, покрывающее ее тело.

- Итак, - произносит она. - Вот, значит, из-за чего столько шума.

Ее голос резок и пронзителен и больше похож на птичий крик. Она подходит ближе, и я вижу под подошмой ее стопы - они заканчиваются длинными острыми когтями. Одной рукой, покрытой грубой кожей, - человеческой рукой в орлином оперении - она опирается на трость с костяным набалдашником, но, несмотря на трость и сгорбленный силуэт, она выглядит необычайно сильной и энергичной, от нее исходят волны власти.

- Сколько тебе лет, девочка? - резко спрашивает она, моргая птичьими глазами.

- Сем... семнадцать.

- Когда ты родилась?

- В первый день Нового Года.

Она прищуривается.

- Под знаком быка, значит. Под знаком упрянца. И под новогодней золотой луной. Должно быть, луна и подарила твоим глазам этот цвет.

- Может быть, и луна, - говорю я, чувствуя, как щеки заливают жар. - Знаю точно, что это был не демон.

Перья ее сердито топорщатся. Только что оперение на руках было гладким - и вдруг руки превращаются в настоящие крылья, так резко приподнимаются перья на ее коже.

- Всякий, у кого есть хоть немного мозгов, ни на миг не усомнится, что ты насквозь бумажная, глупая девчонка. Даже твоя походка выдает служанку. Ни один демон не мог бы вести себя столь жалко. Кроме того, твою истинную сущность окончательно раскроет

завтрашняя инспекция. От наших инспекторов ничего не спрятать, даже если ты пробовала прикрыть свое убожество заклинаниями. А теперь развернись! – рывкает она.

Я подчиняюсь, кожей чувствуя ее пристальный взгляд.

– Госпожа Эйра сказала, что у тебя нет никакого опыта придворной жизни. И никаких связей при дворе.

Я киваю.

Она резко подается ко мне и хватает меня за подбородок.

– Ты не должна отвечать своим начальницам жалкими мотаниями головой, девчонка! – Ее дыхание обжигает мне лицо. – Если я задаю тебе вопрос, изволь отвечать – «Да, мадам Химура» или «Нет, мадам Химура», ясно тебе?

– Да, мадам Химура.

– Ты владеешь какими-то умениями, кроме умения злить старших?

Я отвечаю чуть слышно:

– Да, мадам Химура. Я неплохая травница, еще умею прибираться в доме, еще...

– Травница? Уборщица? Ха! – она прерывает меня смехом, похожим на клекот. – Ты находишься при королевском дворе, девчонка. Твои умения здесь пристали разве что горничным и прислужницам. Владеешь ли ты какими-либо искусствами *нюй* – женскими искусствами, – которые тебе потребуются как Бумажной Девушке? Только они здесь и нужны. Разве цветок поливает себя сам? Конечно, нет. О нем заботятся садовники. Работа цветка в том, чтобы быть настолько прекрасным, насколько это возможно. Я правильно понимаю, что подобными искусствами ты не владеешь? – Она щелкает клювом. – Бесплезная девчонка.

Я стискиваю зубы, чтобы не наругать ей в ответ. Она пренебрежительно говорит об умениях, которым научили меня родители и Тянь. О том немногом, что осталось мне от мамы.

Женщина-орлица склоняет голову на плечо, перья ее слегка взъерошены.

– А, я вижу. Ты много о себе воображаешь. Думаешь, что ты выше этого. Думаешь, что успех у тебя в кармане. Посмотрим, как ты запоешь, когда начнутся занятия. Сама увидишь, насколько трудно овладеть пренебрегаемыми тобой искусствами. Что бы ты о себе ни думала, я вижу в тебе жажду. Желание доказать миру, на что ты годишься. Твоя энергия *ци* весьма сильна – может быть, даже слишком сильна. За тобой надо как следует присматривать, иначе ты будешь сжигать все, к чему прикоснешься. – И вдруг неожиданно она спрашивает: – Ты чиста?

Я удивленно поднимаю брови.

– В каком смысле – чиста?..

– В смысле секса. В тебя когда-нибудь входил мужчина?

Я вспыхиваю, опуская глаза.

– Н-нет.

Я стою потупившись и чувствую на себе ее взгляд. Что она видит во мне своими яркими орлиными глазами? Девочку, настолько испуганную, что она вынуждена сжимать кулаки, чтобы не дрожать слишком сильно? Или что-то глубже? Ту девушку, которой, по мнению генерала Ю и госпожи Эйры, я могла бы стать?

Проходит, по моим ощущениям, целая вечность – и наконец женщина-орел поворачивается к госпоже Эйре.

– Позовите Лилл, – приказывает она. – Пусть отмоет ее как следует и выдаст ей чистую одежду. Пока что достаточно будет простой *юкаты*.

Госпожа Эйра возвращается через пару минут, ведя за собой ту самую девочку из касты Стали, которая открывала нам с генералом двери. Девочка широко улыбается мне, но улыбка ее мгновенно угасает под взглядом мадам Химуры.

- Лилл, вымой и одень Леи, - приказывает она, - а потом приведи ее к остальным девушкам.

Не оглядываясь на нас, она быстро выходит из комнаты, цокая когтями по полу.

- Подождите! - кричу я ей вслед.

Мадам Химура резко разворачивается, и я съеживаюсь под ее орлиным взглядом.

- Извините, я только хотела спросить... Это значит, что я принята? Что теперь я - одна из Бумажных Девушек?

Мадам Химура хмурится.

- Надеюсь, на уроках ты не будешь подобным образом кричать на своих наставников, - бросает она и уходит.

Но госпожа Эйра улыбается мне доброй улыбкой.

- Да, Леи-чжи. Ты принята.

Глава шестая

Лилл, юная служанка, готовит ванну и, не умолкая, расспрашивает меня о прежней жизни. Из какой я провинции? Есть ли у меня братья и сестры? Какая у меня мама – такая же красивая, как я? Я не привыкла раздеваться перед чужими, но для Лилл происходящее порядке вещей. Она помогает мне снять одежду, погрузиться в ванну, растирает меня губкой, пахнущей душистыми травами, расчесывает мне спутанные волосы. Ее болтовня помогает расслабиться. Она чем-то напоминает Тянь, только гораздо моложе и не такую сварливую.

Когда я наконец совершенно чиста и причесана, Лилл одевает меня в простую льняную юкату песочного цвета. Под грудью кимоно перехвачено широким поясом.

– А остальные девушки, – спрашиваю я, когда она отступает на шаг, чтобы проверить, насколько хорошо сидит на мне одежда. – Какие они?

– Тоже очень красивые, – улыбается Лилл. – Но, боюсь, они будут сильно ревновать. Никого из касты Бумаги боги не благословили такими прекрасными глазами, как у вас! – Она сгребает с пола мою грязную одежду. – Я это выкину, вы не против?

Благословили... благословение. Я привыкла то и дело слышать эти слова. И никогда они не казались мне правдивыми – особенно после того, что случилось с мамой. А теперь звучат и того хуже. Именно глаза – причина того, что меня оторвали от семьи, похитили из дома. Какое уж тут благословение! Скорее боги меня прокляли.

И тут я вспоминаю кое-что важное.

– погоди! – кричу я вслед служанке. Она изумленно оборачивается. Я выхватываю у нее свои штаны и шарю в карманах – и нахожу то, что нужно: вспышку золота, подвеску в форме яйца.

– О, это же ваш медальон со Дня Благословения! – восклицает Лилл, распахнув глаза.

Я киваю. Я никогда не расставалась с медальоном, носила его на шее, привыкла к его успокаивающему прикосновению к груди.

– А когда он должен открыться? – с любопытством спрашивает Лилл.

Губы пересыхают. Я надеваю цепочку на шею и опускаю золотое яичко за воротник.

– Уже через четыре месяца.

– Вот здорово! Может быть, там написано, что ваша судьба – это любовь! – восторженно восклицает девочка. – Любовь нашего великого Короля!

Она так искренне улыбается, что я невольно отвожу взгляд.

Мы с Лилл возвращаемся в дом. Полированные деревянные панели украшают коридор, все сверкает чистотой, красотой и изяществом. Даже воздух словно бы пахнет богатством и роскошью – в нем витают тонкие сладкие ароматы. Мой прежний дом был противоположностью этому месту, такой простой, полный земных, обычных запахов: запахов трав, корней, земли, дерева...

Запах дома. Моего родного дома.

Мы подходим к раздвижным дверям с изображением речного пейзажа. Лилл останавливается. Из-за дверей слышны раздраженные голоса.

– Девять девушек? – восклицает один из голосов – высокий и резкий. – Девять? Где такое слышано? Восемь, только восемь! Нас всегда было восемь, такова традиция!

– Продолжай в том же духе, Блю, и я с удовольствием вышвырну тебя из группы, чтобы число оставалось правильным.

– Хотела бы увидеть, как вам это удастся, мадам Химура! Вы забыли, какое влияние при дворе имеет мой отец? Не думаю, что он позволит вам так просто мной распорядиться.

- Кто это? - шепчу я.

- Госпожа Блю, - так же тихо отвечает Лилл. - Ее отец - один из немногих придворных из Бумажной касты. - Голоса за дверью стихают, и девочка спрашивает: - Вы готовы войти?

Я глубоко вздыхаю... и киваю.

Она ободряюще улыбается, раздвигает двери и с поклоном пропускает меня вперед со словами:

- Имею честь представить госпожу Лей-чжи!

Первым делом на меня накатывает запах. Аромат благовоний, поднимающийся от ароматических палочек, и нежный запах чайных листьев. Служанки, одетые в кимоно и сари пастельных тонов, плавно кружат у низкого столика, грациозными движениями разливая чай по чашечкам. Если бы такие покупательницы переступили порог нашей лавочки, я была бы поражена их красотой и изяществом... Но тут присутствуют те, кто их затмевает.

Те, кому они прислуживают.

Бумажные Девушки.

Восемь фигурок - совершенных, будто выточенных из драгоценных камней - сидят на коленях вокруг стола в центре комнаты. Мой взгляд перелетает от одной к другой, от одного яркого платья к другому. Вот девушка из южной провинции - у нее смуглая кожа цвета жженого сахара, на ней ярко-оранжевая *кэбая*, волосы завязаны в высокий хвост на затылке, перевитый нитями бус. Рядом сидит красавица с холодным лицом и короткой стрижкой. С другой стороны - хрупкая маленькая девушка в платье цвета голубоватого льда. Напротив - очень милая веснушчатая малышка с ярко-рыжими волосами, которая сразу же улыбается мне, хотя улыбка выходит нервной. Рядом с ней - близнецы, худенькие, с идеально прямой осанкой, как две одинаковые куклы. Их крохотные губки бантиком оттенены малиновым - под цвет изящных платьев *ципао*.

Потом мой взгляд падает на девушку, которая отдыхает отдельно от группы. В отличие от остальных, она сидит в расслабленной позе, не на коленях, а слегка боком, вытянув стройные ноги. Ее юбка-*жуцюнь* и блуза скроены из черной ткани, по которой бегут серебристые нити вышивки, напоминающей о звездах в ночном небе. Волнистые длинные волосы спадают почти до пояса.

Она - единственная, кто при моем появлении не оглядывается, чтобы посмотреть на меня. Только утомленно приподнимает одно плечо. Когда, наконец, она удостоивает меня внимания, наши глаза встречаются - и ее взгляд словно пригвозждает меня к месту, столько в нем напряжения. А потом ее глаза - миндалевидные и какие-то кошачьи - снова смотрят в сторону.

Я шумно выдыхаю - надо же, я и не заметила, что на пару мгновений забыла, как дышать!

- Значит, это она? Наша знаменитая и несравненная Девятая?

Это говорит девушка, чей голос я слышала из-за двери. Блю. Высокая, с узкими плечами и гладкими блестящими волосами цвета воронова крыла. Черты ее лица такие же резкие, как голос: острые скулы, похожие на обоюдоострый клинок, узкие глаза, чью форму подчеркивает черная тушь, особенно выделяющаяся на бледной коже. Глаза ее ярко сверкают. Она одета в изумрудно-зеленое платье с очень глубоким вырезом, открывающим ложбинку между грудями.

- Ну что же, - усмехается она, откидывая волосы на спину. - Если бы служанка тебя не представила, я бы легко перепутала тебя саму со служанкой! - Она звонко смеется, но ее смех резко обрывает пощечина мадам Химуры.

В комнате повисает тяжелая тишина.

Несмотря на то что женщина-орлица так сильно сутулится, она все равно кажется вдвое

больше любой из нас. Грозной тенью она нависает над Блю.

- Я отлично помню, девочка, кто твой отец, - щелкает она клювом. - Когда тебя выбрали, он лично пришел ко мне и просил, чтобы тебе не делали никаких поблажек из-за его положения при дворе. Так что лучше оказывай мне положенное почтение, ради твоего же блага. - Она окидывает остальных грозным взглядом. - Ко всем прочим это тоже относится. Здесь не имеет значения ни ваше происхождение, ни благосостояние ваших семей. Мне неважно, выросли вы, купаясь в золоте или побираясь на улицах. Здесь все вы на одном и том же уровне, а я на несколько уровней выше. - Она машет рукой в мою сторону. - А теперь поприветствуйте Леи-чжи.

Девушки приветствуют меня поклонами. Голова Блю склоняется чуть ниже, чем остальные семь голов.

- Я уже изложила вам причину, по которой она здесь. Повторять я не собираюсь. Госпожа Эйра сейчас покажет вам комнаты, где вы будете спать, и приставит к каждой из вас личную горничную. Немного отдохните и ждите, когда я снова вас позову.

- Да, мадам Химура, - дружно звенят голоса девушек.

Я присоединяюсь. Оглянувшись через плечо, я замечаю, как Блю смотрит на меня темным и недружелюбным взглядом.

Госпожа Эйра провожает нас к спальням, которые находятся в северо-восточной части дома. По дороге она объясняет, что здание, в котором мы находимся, называется Бумажным Домом. Мы будем жить тут в течение года, пока несем службу королевских наложниц. Покои самой госпожи Эйры и мадам Химуры тоже находятся в Бумажном Доме, а также здесь расположена общая спальня горничных - и еще множество внутренних двориков, кухни, гостиные и комнаты для занятий. Бумажный Дом - это самое сердце Женского Двора, а его южные и западные корпуса примыкают к покоям придворных дам, ванным комнатам, чайным и гардеробным. А с севера и востока Бумажный Дом окружают сады.

Наши спальни расположены вдоль длинного коридора. Хотя в комнатах царит идеальная чистота и порядок, они выглядят не совсем так, как я ожидала. Обстановка тут самая простая: на полу - матрас, у стены - сундук для одежды, в небольшой нише стоят подставки для ароматических палочек и жаровня.

- Не очень-то у нас много личного пространства, - фыркает Блю, проводя наманикюренным ноготком по дверному косяку. Двери сделаны из рисовой бумаги, тонкой и пропускающей свет из коридора.

- Личного пространства здесь не предусмотрено, - отзывается госпожа Эйра. - Отныне ваши жизни принадлежат королевскому двору, девочки. И чем скорее вы это осознаете, тем лучше.

Голос у нее добрый и спокойный, но Блю все равно морщится.

- Это для того, чтобы мы не вздумали водить любовников? - шепотом спрашивает кто-то из девушек.

Вперед выступает веснушчатая девушка, которая приветствовала меня улыбкой. Она выглядит юной - младше всех присутствующих. Слишком юной, чтобы находиться здесь. У нее круглое личико и красивые зеленые глаза. Теперь, когда я вижу ее глаза вблизи, меня поражает их цвет - он в точности такой же, как у полей вокруг нашей деревни, когда они сверкают под солнцем после муссонных дождей. Я улыбаюсь ей в ответ на ту улыбку. В конце концов, хотя Блю и единственная, кто вслух не одобрил моего присутствия, от остальных девушек трудно ожидать восторга по поводу моего присутствия: я невольно стала их лишней соперницей в борьбе за благосклонность Короля.

Хотя я бы предпочла, чтобы нас было даже не девять, а, например, миллион. И чтобы у всех без исключения были золотые глаза, как у меня.

- Наверное, - отвечаю я на предположение зеленоглазой.

- Не то чтобы я собиралась, - шепотом продолжает та. - У меня их никогда еще не было. Я имею в виду - любовников, а не собственных покоев, хотя дома и спальня у меня была общая с сестрами. А у тебя?

- Была ли у меня своя спальня?

- Нет же! Я про любовника, - хихикает та.

Я отрицательно качаю головой, и ее это почему-то ободряет.

- Вот здорово, а я боялась - вдруг я одна окажусь такая. Госпожа Эйра сказала, что я тут самая младшая. Мне пятнадцать. Вот я и думала, что, наверное, окажусь единственной в группе, у кого нет... гм... никакого опыта. - Она снова нервно хихикает. - Извини, я забыла представиться! Я - Аоки.

- А я - Леи.

- Да, про тебя я знаю. Ты же девятая, про тебя все слышали. - Она бросает быстрый взгляд на девушку с иссиня-черными волосами и добавляет: - Хотя, может, тебе и недолго оставаться девятой. Не знаю, как долго она тут продержится, если продолжит так запросто грубить мадам Химуре. И не скажу, что я огорчусь, если ее выгонят.

Я фыркая, но быстро обрываю смех, когда Блю сердито оглядывается на нас.

Мадам Эйра по очереди разводит нас по спальням и велит оставаться в них в ожидании наших горничных. Моя комната - в самом конце коридора, напротив спальни Аоки. Я с тяжелым сердцем переступаю порог, а рыжая девочка радостно вбегает в свою комнату.

- Я ужасно волнуюсь! Наверняка сегодня не смогу уснуть! - возбужденно говорит она мне от своей двери. - Как же все это замечательно, правда?

- Э-э... - я не знаю, что сказать, и стараюсь растянуть губы в улыбке. Но улыбка тут же тает, стоит мне закрыть за собой дверь. Я стою в центре комнаты. Она выглядит ровно так, как я себя чувствую: голой, лишенной почти всего. Я медленно обхожу спальню по периметру, ведя рукой по стене. Дома, в нашей лавочке, я знала на ощупь каждую мелочь, каждый след от сучка на деревянной стеной панели. У каждой трещинки, пятнышка, неровности была своя история, связанное с ней воспоминание. Наш дом был подобен книге, по которой можно прочесть все о моем детстве. А эта комната совершенно пуста и безлика. Страница, на которой не написано ни слова.

Дверь приоткрывается - и я подпрыгиваю от неожиданности. В спальню врывается Лилл.

- Госпожа Эйра назначила меня вашей горничной, госпожа! - восторженно выпаливает она. - Как раз не хватало одной, а я ведь целый год ждала повышения из служанок!

Я не могу сдержать улыбки.

- Тогда давай я тебе поклонюсь и поздравлю тебя с повышением, - я низко кланяюсь, касаясь лбом пола. - Чем могу служить, госпожа Лилл?

Девочка безудержно хихикает.

- Ой, госпожа, пожалуйста, не шутите так! Если мадам Химура заметит, ее хватит удар!

Я приподнимаю бровь.

- Ты уверена? Тем больше причин так шутить!

Пока Лилл помогает мне переодеться на ночь, я понимаю, что страх и напряжение немного отступили, давая место другим чувствам. Я и представить не могла, что здесь будет можно найти друзей, однако Лилл, Аоки и даже госпожа Эйра неожиданно дали мне надежду на то, что все может оказаться не так уж плохо.

По дороге во дворец я приготовилась к скорби. К слезам. К тому, что мне придется делать то, чего я не хочу - хуже того, чего я боюсь. К боли, к тоске по дому. Я готовилась только к плохому, представляла все самое ужасное, что может ждать меня во дворце.

А вот к доброте я оказалась не готова.

Но все равно доброта новых знакомых, шутки с Аоки и Лилл ощущаются какими-то глубоко неправильными, как... как худший вариант предательства.

Этой ночью я ложусь в постель, ощущая кожей непривычную прохладу шелковых простыней, и прижимаю к груди свой медальон Дня Благословения. Это единственное, что осталось у меня от дома, от прежней жизни. К глазам подступают слезы, и я зажмуриваюсь, чтобы их сморгнуть. И пытаюсь представить себе, что делают сейчас папа и Тянь, как они справляются без меня. Внутри что-то болит и ломается. Само это слово - «дом» - отзывается болью, как тупой кинжал, вонзившийся в живот.

Слово «Дом» - это песня. Зов, на который я больше не могу ответить.

- Скоро вы привыкнете, госпожа, - сказала Лилл, оставляя меня на ночь. - К тому времени, как откроется ваша подвеска, вы уже сами будете знать свою судьбу.

Но я не могу отделаться от ощущения, что моя судьба теперь принадлежит кому угодно, кроме меня самой.

Глава седьмая

Когда звучит утренний гонг, я уже довольно давно не сплю. Мне снова снилась мама. Тот день, когда ее забрали демоны. Так странно проснуться здесь, вдали от дома, в месте, куда, возможно, когда-то привезли и ее! Не знаю почему, но мне кажется, что я чувствую тень ее присутствия. Оно похоже на отзвук сердцебиения: каждый шаг отдается мыслью, что этих же половиц могли касаться ее стопы. Вид из окна вызывает ощущение, что она тоже могла это видеть. Пока я здесь, во дворце, непременно нужно найти способ узнать, что с ней случилось! Даже если это единственная польза от моего присутствия здесь – тем больше причин использовать шанс. Еще на шаг приблизиться к правде. Как это было бы хорошо – быть оторванной от одного из родителей для того, чтобы отыскать другого на противоположном краю света!

За окном встает солнце, и последние капли ночного дождя быстро высыхают под его лучами. Мое окно выходит на северо-западную часть Женского Двора. Я ожидала увидеть маленькие садики, о которых упоминала госпожа Эйра, но при свете дня вижу огромный парк с деревьями, прудами, покрытыми цветами лужайками, покатыми холмами, изящными садами камней. Между деревьями видны изогнутые крыши пагод, похожие на крылья. Парк простирается так далеко, что я едва могу различить дворцовые стены, однако они все равно притягивают мой взгляд – сплошная линия черного камня, словно нарисованная быстрыми, сердитыми ударами кисти.

В воздух взмывает птичья стая. Я слежу за ее полетом над деревьями, пока птицы не исчезают в небе за стенами дворца.

Я отворачиваюсь от окна. Неважно, насколько красива золоченая клетка – она все равно остается клеткой. Тюрьмой.

Слышится деликатный стук в дверь. Входит Лилл – куда более восторженная и радостная, чем это нормально для раннего утра.

– Доброе утро, госпожа! – восклицает она с порога. – Хорошо ли вам спалось?

– Да, хорошо, – лгу я в ответ.

Она сияет улыбкой.

– Прекрасно! Потому что вас ожидает очень хлопотливый день! – Она берет меня за руку и тянет за собой из комнаты. – Нам нужно успеть подготовиться.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, идя за ней по коридору.

– В бани Женского Двора, госпожа, – отвечает она.

– Э-э... Но я принимала ванну вчера вечером. Думаешь, за время ночного сна я успела испачкаться?

Она качает головой.

– Таково правило. Бумажные Девушки должны принимать ванну каждое утро. Госпожа Эйра говорит, что это важный символ очищения на грядущий день. Чтобы избавиться от негативной энергии *ци*, которая могла остаться от дурных сновидений.

– Для этого мне не хватило бы и целого озера, – шепчу я себе под нос.

Мы заворачиваем за угол, и меня обдает волной теплого воздуха. Я заслоняюсь рукой от солнца. Мы входим в круглый крытый двор, уставленный глубокими деревянными ваннами. Двор окружен живой изгородью из густого бамбука. Я чувствую запах розовой воды, масла иланг-иланга, морских водорослей. Некоторые ванны уже заняты девушками. Большинство погружено в воду по шею, но от каждого движения сквозь воду видны всполохи наготы, которая притягивает мой взгляд – вот обнаженная грудь, вот изгиб крутого бедра... К щекам приливает волна жара.

К счастью, Лилл ведет меня к самой дальней ванне, полускрытой от прочих облаками пара. Я раздеваюсь, и она помогает мне забраться в воду.

- Не волнуйтесь, - смеется она, когда я вынырываю из горячей воды, отдуваясь и часто моргая. - Вы привыкнете.

После ванны мы снова возвращаемся в мою комнату, и Лилл сушит мне волосы хлопковым полотенцем. А потом одевает меня в простое однотонное кимоно - темно-синее, как ночное небо. Она опускается на колени и помогает обуть башмачки - легкие, из тонкой ткани, больше похожие на носочки - такую обувь носят все женщины во дворце. Она уже заканчивает меня обувать, когда из-за двери слышится цоканье когтей по дощатому полу.

- Поторопись! - зовет из коридора мадам Химура. - Все уже ждут!

Лилл посылает мне последний ободряющий взгляд - и я, вскинув голову, выхожу в коридор... и немедленно спотыкаюсь о порог. Хватаюсь за дверной косяк, чтобы удержаться на ногах.

Девушки хихикают. Мадам Химура молча смотрит на меня.

- Это все... туфельки, - выдыхаю я, выпрямляясь. - Я к ним не привыкла.

- Еще бы, когда тебе было привыкнуть? - холодно отзывается мадам Химура - и со вздохом отворачивается, жестом приказывая нам следовать за ней. И шагает вперед, не дожидаясь нас. Даже стук ее трости по полу кажется неодобрительным.

Аоки быстро подходит ко мне и семенит рядом, подхватив под руку.

- Мне тоже ужасно неудобно в этой обуви, - шепчет она мне на ухо.

Большинство девушек уже проследовало за мадам, и только две медлят - это Блю и та самая девушка с замкнутым и гордым лицом и кошачьими глазами. Глаза девушки-кошки на миг встречаются с моими. Я не могу понять, что говорит ее взгляд, но кровь в жилах словно начинает течь быстрее, как будто тело прошивает разряд тока, и это, кажется, гнев. Я отвожу глаза, чувствуя, как горит лицо.

Девушка-кошка уходит вслед за прочими, и Блю, поравнявшись со мной, бросает мне через плечо:

- Знаешь, я передумала. Хорошо, что ты здесь среди нас, Девятая. - Ее голос звучит гладко, как шелк, но под шелком таятся яд. - Ты прекрасно нас всех оттеняешь. В твоём присутствии даже крошка Аоки выглядит грациозной.

С этими словами, коротко рассмеявшись, она уходит.

Нас приводят в ту же самую приемную, где мы были вчера. Раздвижные двери широко открыты, впуская золотой солнечный свет и шум садовой листвы на ветру.

Мадам Химура приглашает нас внутрь и без каких-либо объяснений уходит. Мы сидим и ждем, пока цокот ее когтей по полу не затихает вдали, после чего дружно заговариваем - конечно же, о предстоящих испытаниях.

- Хотела бы я знать, в чем они будут заключаться, - вздыхает Аоки, прикусывая нижнюю губу. - Надеюсь, что не будет всяких... телесных осмотров. А то у меня есть несколько шрамов. Леи, как ты думаешь, меня не отошлют обратно, если найдут шрамы? - ее глаза наполняются слезами. - Как будет ужасно, если меня вышвырнут раньше, чем я хотя бы увижу Короля!

Я беру ее руку и ласково пожимаю.

- Ну что ты, что ты! Все будет хорошо, Аоки. Тебя ведь уже выбрали в Бумажные Девушки. Значит, ты полностью подходишь.

- Но вдруг я сделаю что-то не так, и они изменят мнение? Вдруг они сравнят меня с остальными и поймут, что выбрать меня было ошибкой... Вдруг...

- Расскажи, как происходит процесс избрания, - перебиваю я ее. - В чем он заключается?

Аоки умолкает и недоуменно моргает.

- Так значит, ты... ты и правда не проходила всех этих процедур?

- Нет, конечно. Моя деревня очень далеко от королевской провинции и не принимает ни в чем участия. Просто мы живем... на отшибе.

Я предпочитаю не добавлять подробностей к своим объяснениям. Не упоминать, что мы просто не желаем иметь ничего общего с Королем и его двором. Что нам совершенно не хочется ничего знать о Короле, пока он нас не трогает.

Глаза Аоки расширяются.

- А я думала, в этих церемониях принимают участие все провинции! - она раздражается долгой тирадой о процедуре выбора Бумажных Девушек - и ее, кажется, немного отпускает. Пока она говорит, то не так сильно волнуется.

Аоки рассказывает, что церемония избрания начинается каждый год в первый день шестого месяца. Она разделена на две половины. Первая часть длится около месяца: семьям предлагают представить своих дочерей - которые должны происходить только из Бумажной касты и быть не моложе пятнадцати лет - придворным распорядителям провинции. Задача распорядителей - отобрать кандидаток с учетом их родословной, социального положения и владения искусствами *ньюй*, а также, разумеется, внешности. По всему королевству также рассылаются разведчики, призванные подыскивать подходящих кандидаток из семей, которые не хотят сами представлять девушек на суд распорядителей. Удивительно, сколь многие из Бумажных Девушек были отобраны именно таким путем - хотя, может быть, и не очень удивительно. Большинство Бумажных кланов не слишком любит Короля и не ищет способов выслужиться.

На исходе месяца распорядители составляют списки рекомендованных кандидаток, из которых выбирается сотня девушек. Этот список, в свою очередь, представляют Королю, и он вычеркивает тех, кто, по какой-либо причине, ему не подходит. А имена тех, кто кажется ему достойными, напротив, подчеркивает. В результате остается тридцать девушек, которых приглашают ко двору для финальных смотрин.

Аоки рассказывает, что ее родители - простые крестьяне, выращивающие рис на окраинах провинции Шому. Смотрины при дворе стали ее первым путешествием, когда она оставила родительский дом и свою деревню.

- Я была сама не своя - может, поэтому меня и выбрали! Я ведь обычно много болтаю, а тут была совсем тихая, и, наверное, они подумали, что это признак сдержанности и достоинства. Но на самом деле я просто все время сжимала зубы, чтобы меня не стошнило от страха! - Голос ее становится серьезным. - У меня дома никто поверить не мог, когда, в конце концов, нам пришло письмо о том, что я принята. Письмо с печатью самого Короля! Да что там, я до сих пор не могу в это поверить, - выдыхает она. - Все жду - вот кто-нибудь войдет и скажет, что это ошибка, и мне тут не место.

- Глупости, - твердо говорю я. - Тебе тут самое место, ты этого заслуживаешь. Как и остальные избранницы.

Девочка благодарно улыбается.

- И ты тоже, Леи! Ты даже больше прочих этого заслуживаешь - видишь, какое для тебя сделали исключение!

И, несмотря на то, что меня тошнит от себя самой за такие мысли, я чувствую себя польщенной.

Снова стук когтей. Дверь открывается, и служанка объявляет, что к нам пожаловала мадам Химура. Мы мгновенно замолкаем.

Мадам Химура раздраженно машет рукой.

- Блю! Ты идешь первой.

Блю поднимается с выражением превосходства на лице. «Конечно, я и должна во всем

быть первой», написано на нем.

Мы с Аоки переглядываемся, борясь с подступившим смехом.

Я думала, инспекция не будет долгой, и мадам Химура вот-вот вернется за следующей девушкой, но проходит два часа, а ее все нет. Наконец вызывают вторую девушку – и снова два часа ожидания. Служанки приносят нам обед, и я набрасываюсь на него, как волчица, глотаю, почти не жуя. Последний раз я нормально ела ужасно давно, но дело не только в этом. Дворцовая еда исключительно вкусна. Нам принесли чашечки кокосового риса, нарезанные кусочками манго и перчики, маринованного угря, *кеббе* с острым соусом, угольную рыбу с орешками – и еще много разных блюд, которых я раньше никогда не пробовала.

К вечеру в комнате ожидания нас остается двое – я и девушка с кошачьим взглядом.

– Лучшее оставляют на закуску, верно? – пытаюсь я пошутить, обращаясь к ней.

Она моргает, бросает на меня взгляд – и снова молча отворачивается. На меня накатывает жар гнева, под которым что-то скрывается... да, жажда ее внимания. Не знаю, почему, но мне хочется, чтобы она на меня посмотрела, поговорила со мной.

Я злюсь на себя за такие глупости. Усилим воли отвожу взгляд, уставившись на поднос с чаем и рисовыми шариками *моти*. Я хватаю с подноса один шарик – и от неловкого движения блюдо сладостей переворачивается, шарики раскатываются по полу.

Девушка-кошка рядом со мной фыркает от смеха.

Я вскидываю на нее глаза. Наконец-то она смотрит на меня, приподняв свои идеальные брови, и улыбается уголками губ. А потом, будто спохватившись, снова придает лицу непроницаемое выражение.

– Должно быть, здешние палочки для еды отличаются от тех, что приняты в Сяньцзо, – говорит она холодным голосом.

Ее голос я слышу впервые. Он ниже, чем я ожидала, и чуть хриловатый. В нем слышатся интонации, выдающие аристократку: подъем на гласных звуках, четкое произношение.

– Да, – бормочу я чуть слышно. – У нас другие палочки. Такие, которые удобно воткнуть в глаз любому, кто над тобой изде...

Глаза ее широко распахиваются.

– Что-что?

– Ничего! – огрызаюсь я.

К счастью, в следующую секунду открывается дверь, и мадам Химура вызывает мою собеседницу на инспекцию.

Через два часа, наконец, наступает моя очередь. Мадам Химура отводит меня в маленькую комнату, посреди которой стоит странный уродливый стол.

– Доктор Уо, – окликает мадам высокое существо, которое стоит у стола.

Я понимаю его природу по запаху раньше, чем он оборачивается ко мне. Острый животный мускусный запах. Демон-кабан. Он смотрит на меня черными маленькими глазками, на поросшем бурой, местами седой щетиной рыле рядом со ртом торчат два клыка.

– Это Лей-чжи, – указывает на меня мадам Химура. – Та самая девушка, которую привезли позже. Она не проходила официальную церемонию избрания, так что, пожалуйста, осмотрите ее еще тщательнее, чем остальных.

Она отходит в сторону, к низкому столику, и служанка спешит налить ей чаю.

Огромные ноздри на пятаке доктора слегка раздуваются.

- Конечно, мадам.

Он нагибается ко мне, внимательно вглядываясь, и я сжимаю зубы, противясь желанию отшатнуться. А потом – раньше, чем я успеваю понять, что происходит, – он развязывает мой пояс.

- Что... что вы делаете? – выдыхаю я. Воспоминание о прикосновении чешуйчатых лап Сита пронизывает меня насквозь, и я невольно пытаюсь запахнуть полы одежды.

- Не мешай доктору, девочка, – недовольно каркает мадам Химура. – Дай ему как следует тебя осмотреть.

- Но...

- Эйприкот! Иди и помоги.

Служанка подскакивает с места и бросается ко мне. Ее руки ласково обвивают мои запястья.

- Прошу вас, госпожа, – шепчет она чуть слышно. – Просто потерпите, скоро все кончится.

Но я не могу перестать бороться, вырываюсь, пока меня раздевают догола. Сперва одежда, потом белье. Наконец я остаюсь совершенно обнаженной и пытаюсь прикрыться руками, глаза мои горят от слез.

- Ложись на стол, – приказывает доктор.

Низко опустив голову, я подчиняюсь.

- Подержи ее, – бросает он служанке, и та прижимает мои руки к столу, хотя это совершенно не обязательно – я и так лежу спокойно, неважно, что руки доктора ощупывают меня в самых интимных местах. В ушах во время осмотра звенят слова госпожи Эйры: *«Отныне ваши жизни принадлежат королевскому двору... И чем скорее вы это осознаете, тем лучше»*.

Похоже, на столе доктора я по-настоящему начинаю это осознавать.

Прочие части инспекции сливаются в сплошное мелькание. Предсказатель судьбы копается в моем будущем. Придворный астролог составляет гороскоп. Имперский шаман проверяет меня на предмет магии, которую я предположительно могла использовать, чтобы улучшить свою внешность. Потом следует еще один осмотр у доктора – на этот раз эксперта по энергии *ци*, который, к счастью, не требует от меня раздеться догола.

В свою комнату я возвращаюсь только после полуночи – и с изумлением обнаруживаю, что Лилл преданно меня ждет и не ложится спать. При виде меня она восторженно подскакивает.

- Госпожа, наконец-то! Я так волновалась!

- Что-то случилось?

Лилл опускает голову.

- Я думала, вы слышали, как и все остальные. Госпожа... одна из кандидаток не вернулась с инспекции. Похоже, она наложила на себя заклятие, чтобы попасть в число избранных, и имперский шаман его обнаружил. – Дрожащим голосом она добавляет: – Вы пропали так надолго, что я испугалась – вдруг и с вами что-то... пошло не так.

Я качаю головой.

- Все в порядке, просто меня инспектировали чуть дольше, я ведь не проходила церемонии выборов.

Я тут же думаю об Аоки. И о девушке-кошке. Что, если...

- Кто из девушек не вернулся?

- Госпожа Жюэ, - отвечает Лилл. - Та, что из провинции Китори. Она была такая милая.

Смазанное воспоминание вчерашнего вечера: миниатюрная девушка в бледно-голубом кимоно, сидящая на коленях у чайного столика. В животе у меня словно что-то переворачивается.

Я ведь даже не успела с ней словом перемолвиться.

- И что... с ней за это сделали? - спрашиваю я тихо, не уверенная, что и впрямь хочу знать ответ.

- Ничего хорошего, - так же тихо отзывается Лилл. Глаза ее странно блестят.

Больше мы с моей горничной никогда не говорили о Жюэ из провинции Китори.

Глава восьмая

Я надеялась, что Блю перестанет называть меня Девятой хотя бы теперь, когда нас снова традиционно восемь, однако при встрече следующим утром Блю первым делом окликает меня этим обидным прозвищем.

- Девятая, ты меня просто разоряешь, - медовым голосом произносит она, едва я вхожу в дворцовые бани. - Я ведь поспорила, что ты первой отсюда вылетишь.

Я замираю, но Лилл тянет меня за рукав.

- Госпожа, просто не обращайтесь на нее внимания, - шепчет она и пытается увести меня к свободной ванне, но я не двигаюсь с места.

Блю лежит в ванне на спине, вытянув руки вдоль тела. Грудь ее всплыла на поверхность и торчат из воды. Я не хочу смотреть на них, но не могу оторвать глаз: они такие красивые, небольшие, совершенной формы, с розовыми выступающими сосками, которые кажутся острыми. Впрочем, Блю вся какая-то острая, состоящая из сплошных углов.

Да, и ум у нее такой же острый... и очень острый язык.

Я встречаюсь с ней взглядом, прищуриваюсь.

- Надеюсь, ты проиграла не слишком много. Потому что, судя по словам мадам Химуры, твой отец не очень-то собирается помогать тебе выплачивать долги.

Болтовня и смех, только что звеневшие в банном дворе, мигом утихают. Единственные звуки - это щебет птиц, гнездящихся в зарослях живой изгороди, и плеск воды, потому что девушки садятся в своих ваннах, желая посмотреть, что происходит.

Блю кривит губы.

- Не пытайся делать вид, что тебе хоть что-нибудь известно о моей жизни, Девятая. Откуда бы дочке мелкого лавочника из Сяньцзо знать о моей семье? Особенно дочке лавочника, чья жена сбежала из дома, чтобы стать шлюхой?

Я отшатываюсь от ее слов, как от пощечины.

- *Что* ты сказала?

- Ничего особенного. Слухи во дворце распространяются быстро. Привыкай.

Блю поднимается из ванны, словно забыв, что она совершенно голая. Впрочем, нет - не забыв: отлично осознавая, что она голая. Блю демонстрирует свою наготу с гордостью, глядя на меня с презрением, словно ждет, что я застесняюсь и отведу взгляд.

- Жаль, конечно, что твоя мамаша не может сейчас тебя видеть, - цедит она сквозь зубы. - Она бы гордилась, что дочка пошла по ее стопам, только куда лучше устроилась.

Сама того не осознавая, я бросаюсь на нее, рыча от ярости. Пальцы скрючиваются, превращаясь в подобие когтей, я почти успеваю ее достать, вцепиться ей в лицо, как вдруг пара сильных рук оттаскивает меня прочь и удерживает на месте.

- Пусти! - кричу я, пытаюсь вырваться, но та, что меня держит, куда сильнее. Ее кожа пахнет чем-то свежим и нежным, может быть, морем. Я тут же понимаю, кто меня схватил.

Девушка-кошка.

Лицо Блю, на котором на мгновение проступила паника, снова становится спокойным и насмешливым.

- Превосходно. Отличные манеры для одной из Бумажных Девушек, Девятая.

- Хватит, - обрывает ее девушка-кошка. У нее низкий, громкий голос, будто созданный отдавать приказы. - Перестаньте обе, пока вас не услышали мадам Химура или госпожа

Эйра.

Я жду, что Блю будет спорить, среагирует на тон девушки-кошки, – но она просто пожимает плечами.

– Ты права. Незачем тратить время наших наставниц на такие мелочи.

Руки снова сжимаются в кулаки.

– Ничего себе мелочи! Ты обозвала шлюхой мою мать!

Блю поворачивается ко мне, но девушка-кошка обрывает ее:

– Блю! Прекрати.

Блю резким движением подхватывает банный халат, который ей уже протягивает горничная, и молча уходит, оставляя за собой мокрые следы.

Наконец девушка-кошка отпускает меня.

– Не нужно было мне мешать! – огрызаюсь я. – Она заслужила, чтобы я ей глаза выцарапала!

– Возможно, – отзывается она холодно и разворачивается, чтобы уйти, и вдруг добавляет: – Мне просто надоела ее ухмылка.

Я смотрю ей в спину, пока она уходит. Мокрые волосы спадают до самой талии, темные и волнистые, похожие на шелковую завесу. Банный халатик сполз с одного плеча, открывая миндально-белую гладкую кожу. Я прозвала ее про себя девушкой-кошкой за форму глаз, за кошачий независимый ум, который светится в ее взгляде, но и движения ее полны кошачьей грации. Я не могу оторвать глаз от ее покачивающихся бедер.

– Госпожа! – ко мне подскакивает Лилл и хватается за руку. – Вы в порядке?

– Кто эта девушка? – спрашиваю я растерянно.

Она следит за моим взглядом, и отвечает:

– Вы про госпожу Майну? Я думала, вы о ней уже слышали!

– С чего бы? – я поднимаю бровь.

– Она – дочь главы клана Ханно, все о ней знают.

Я вспоминаю двух высоких царственных всадников в голубых плащах, которые встретились нам по дороге во дворец. Неудивительно, что даже Блю слушается девушку-кошку! Если она из клана Ханно – да еще и дочь их главы, – понятно, почему она тут всеми командует.

– Майна, – шепчу я себе под нос, словно пробуя имя на вкус. Оно кажется странным, слишком мягким. Майна – это ведь небольшая птичка с громким голосом, у нас в Сяньцо их множество. Они даже не очень яркие – коричневые перья, желтый носик... Такое имя совсем не подходит молчаливой, сильной и яркой девушке, больше похожей на дикую кошку, которая охотится за такими пичугами.

После завтрака госпожа Эйра зовет нас на первый урок. Лилл старательно готовит меня к выходу. Она расчесывает мне волосы и затягивает их в аккуратный двойной пучок, облачает меня в золотистый *жуцюнь* – запахивающееся платье с широкими рукавами в складку и юбкой до пола, перехваченное на талии длинным поясом со свешивающимися спереди концами.

– Лилл, зачем все это? – недоумеваю я. – Я ведь даже из дома выходить не собираюсь! – Я удивленно наблюдаю, как моя горничная несколько минут разглаживает бант на поясе. – Мне обязательно выглядеть настолько идеально?

Она скидывает на меня глаза, тон ее внезапно становится непреклонным.

- Госпожа, вы теперь Бумажная Девушка. Никогда нельзя знать наверняка, что вас сегодня ждет. С кем вы можете встретиться, кто будет оценивать ваш внешний вид. Вам важно добиться расположения придворных, если хотите найти путь к сердцу Короля-Демона, - с улыбкой добавляет она.

- Можно подумать, что у него есть сердце, - шепчу я себе под нос, стараясь, чтобы Лилл не расслышала.

Когда я наконец являюсь в покои госпожи Эйры, остальные девушки уже там. Они сидят на коленях вокруг низкого столика, на котором стоит жаровня. На жаровне кипит чайник. Стены покоев задрапированы красивыми тканями - шелком, бархатом, вышитым атласом, и все эти полотнища слегка колышутся под легким ветерком, проникающим в открытые двери в дальней части комнаты. Я замечаю за дверями зелень небольшого внутреннего садика, пронизанную нежным утренним светом.

- Леи-джи, как ты прекрасно сегодня выглядишь! - улыбается мне госпожа Эйра и указывает на место у стола рядом с Аоки. - Хочешь немного ячменного чая? Я добавила в него некоторые особенные травы. Я понимаю, что вы, девушки, во время вчерашней инспекции перенервничали, а этот чай обладает успокаивающим эффектом.

Я тоже присаживаюсь на колени, следя за тем, чтобы не помять подол своего прекрасного платья. И у меня вырывается смешок. Всего несколько дней назад я сидела в бочонке и драила его изнутри от жирных пятен, и меньше всего на свете думала об этикете и хороших манерах!

Госпожа Эйра поднимает бровь.

- Что тебя так рассмешило?

- О, ничего особенного, - выдавливаю я, стараясь не расхохотаться. - Просто... просто вспомнилось одно событие из недавнего прошлого.

Я чувствую движение среди девушек. Должно быть, они подумали о безобразной сцене в банном дворе. Но я меньше всего на свете хочу, чтобы рассказы об этом дошли до слуха госпожи Эйры! Сомневаюсь, что умение драться входит в список необходимых для Бумажной Девушки искусств. *Эй, Король, оцените! Посмотрите, как я отлично выполняю удар ногой с разворотом!*

- Я... все время спотыкаюсь из-за новых туфель, - выпаливаю я первое, что приходит мне в голову.

Госпожа Эйра понимающе кивает.

- Это не страшно. В свое время мне тоже понадобилось несколько недель, чтобы привыкнуть к этой обуви. Не знаю, девушки, кто из вас в курсе моего происхождения, - большинство из вас происходит из аристократических семей. Вы с детства приучены к придворной жизни. Но я провела свои ранние годы иначе - в красильне моего отца, где красили ткани для кимоно. Когда я впервые попала во дворец, я была немногим грациознее утки, напившейся sake.

- Кто бы мог подумать, - говорит Блю своим обычным шелковым и одновременно ядовитым голосом. - А отец говорил мне, что вы в свое время были любимой наложницей Короля!

Аоки кашляет, хотя ее кашель больше похож на фырканье. Бросив на Аоки уничтожающий взгляд, Блю продолжает:

- Разве не лично Король назначил вас наставницей Бумажных Девушек, чтобы мы могли научиться быть столь же изящными и искусными во всем, как вы?

- Не уверена, что стоит подражать мне *во всем*, - с легким смехом отзывается госпожа Эйра. - Однако важно понимать, что мое преображение стоило мне немалого труда, и я готова поделиться с вами опытом. Возможно, именно поэтому я так серьезно воспринимаю работу наставницы. Каково бы ни было прошлое любой из вас, здесь и сейчас вам всем придется начать с нуля. Мы с мадам Химурой составили для вас расписание уроков. Уже в следующем году вас заменит другая группа девушек, но вы в

любом случае останетесь при дворе и будете выполнять здесь какую-нибудь работу, поэтому для вас особенно важно как можно лучше овладеть искусствами *нюй*.

Одна из девушек спрашивает:

- Простите, а у нас будет свободное время? Моя кузина работает во дворце, в Городском Дворе, я обещала родителям, что постараюсь ее навестить.

Эту девушку зовут Ченна. Она смуглая, в тот вечер, когда мы встретились, она была одета в оранжевую *кэбая*. А сегодня на ней желтое сари, оттеняющее чайный цвет ее кожи и угольную черноту блестящих глаз.

- У вас будет немного времени на отдых в промежутках между уроками и придворными мероприятиями, - кивает госпожа Эйра. - Но для вас чрезвычайно важно понимать, что свободного времени в вашем понимании - времени, которое вы можете потратить на себя - у вас отныне нет и не будет. Вы не должны по собственной воле покидать Женский Двор, это недопустимо. - Голос ее снова смягчается, она изящным движением опускает ладони на столик. - Поймите меня правильно. В качестве Бумажных Девушек вы можете жить вполне счастливо, уверяю вас. Но теперь вы - части огромного механизма дворцовой жизни. Мы все здесь обязаны играть предназначенные нам роли.

Она начинает читать нам лекцию о некоторых - о, боги, каких же многочисленных! - дворцовых правилах и законах. В их число входят мелочи, о которых мне бы не пришлось в голову задуматься: о глубине поклона при встрече с разными дворцовыми служителями, о скорости, с которой прилично передвигаться в разных частях дворца...

- Еще немного, и она начнет нас учить, с какой скоростью и в каких позах нам следует испражняться, - шепчу я на ухо Аоки - и та с трудом сдерживает смех.

После первого урока мы идем обедать. За столом мы непринужденно болтаем, а служанки едва успевают наполнять наши тарелки и бокалы. Похоже, ячменный чай госпожи Эйры и вправду действует, потому что я наконец перестаю нервничать и по-настоящему расслабляюсь.

Это мой первый шанс приглядеться к остальным девушкам, познакомиться с ними. Кроме уже известных мне Аоки, Блю и Майны тут есть Ченна родом из Уадзу, столицы южной провинции Цзяны: она - единственная дочь богатого владельца шахт. Она мне сразу понравилась. Ченна кажется немного замкнутой, но вовсе не застенчивой, и очень честной и прямой. Кто-то из девушек спросил ее, скучает ли она по своей семье, по дому, и она без промедления ответила: «Да, конечно!»

Близнецов зовут Чжэнь и Чжинь. Их точеные черты и алебастровая кожа настолько похожи, что вряд ли я скоро научусь их различать. Я слышала их рассказ о своей семье - они назвали Ченне фамилию важных аристократов из Хана, и по реакции Ченны я сразу поняла, что это известный и древний род. Неудивительно - аристократических семейств из Бумажной касты так мало, что их имена на слуху. В основном высокие посты занимают представители Луны, даже членов касты Стали там мало, они в основном заняты торговлей и промышленностью. Что же до нас, Бумажных, - на нашу долю остается самая грубая работа. Мы - крестьяне, прислужники, ремесленники. Но порой даже наша каста пробирается почти на самый верх: семья Чжэнь и Чжинь, семьи Блю и Майны тому подтверждение. Но это исключение, а не правило.

И все равно всем понятно, что как бы высоко ни поднялось человеческое семейство, демоны по определению стоят выше.

Последняя в нашей группе - Марико, девушка с пышными формами, полными губами и нежным овалом лица. У нее довольно короткая стрижка - симметричные волны каре обрамляют лицо, как два крыла. Похоже, Марико и Блю успели подружиться: они часто склоняются друг к другу и перешептываются, а порой дружно бросают на меня через стол презрительные взгляды. Меня это настолько утомило, что в следующий раз, когда я встречаю их взгляд, то отвечаю им сияющей улыбкой и машу рукой.

Девушки дружно фыркают.

Я оборачиваюсь и встречаю взгляд Майны, у нее веселые глаза, горящие интересом. Но

как только она замечает, что я смотрю, тут же отводит взгляд, и ее улыбка исчезает.

- Что с ней не так? - шепотом спрашиваю я у Аоки, покосившись на Майну. - Или я не заслуживаю ее внимания только потому, что я из Сяньцзо?

Аоки опускает глаза.

- Может быть. Но ты же сама слышала, что говорят о Ханно. - Встретив мой непонимающий взгляд, она поспешно объясняет: - Я о том, что большинство Бумажных кланов ненавидит Ханно за их близость с Королем. Наверное, она думает, что мы ее ненавидим.

Я не сразу понимаю Аоки, но потом до меня наконец доходит. Получается, Майна может так вести себя не потому, что она всех ненавидит, а потому что подозревает нас в ненависти к ней!

После обеда госпожа Эйра ведет нас в свой личный маленький сад во внутреннем дворе. Ее сад очень красив. Деревья и кусты расположены в строгом порядке, желтые цветы сияют среди зеленых ветвей, как маленькие топазы. На ветвях деревьев висят птичьи клетки, и в них щебечут птицы - их голоса почти заглушают журчание ручейка, стекающего в пруд. На маленьком острове в центре пруда возвышается крошечная беседка-пагода. Что-то во всем этом напоминает мне о нашем садике в Сяньцзо - может, высокие живые изгороди, которые некогда как следует постричь, а может, птичье пение и тепло солнечного света на лице - и меня накрывает острой тоской по дому.

Тянь.

Бао.

Папа.

Глаза щиплет, и я поспешно отхожу от девушек, по узкой каменной дорожке уходя в дальнюю часть садика - мне срочно нужно побыть в одиночестве. Я присаживаюсь на длинную каменную скамью под высокой магнолией, бело-розовые цветы которой создают надо мной мягкую прозрачную крышу. Послеполуденный воздух кажется густым, он наполнен ароматами цветов и теплого дерева, в нем звенят мелодичные девичьи голоса. Две девушки появляются из-за угла - это Ченна и Аоки, я узнаю их по голосам и прислушиваюсь к разговору.

- Значит, ты тоже о них слышала? - спрашивает Ченна.

- Я думала, что они обитают на севере. Ну, понимаешь, это же самое обычное место для повстанцев. Как всегда - Нозэй, Сяньцзо, еще Шому...

- Все периферийные провинции, короче говоря.

- Но ведь наш Король-Демон сам родом из Цзяны...

- Тем больше причин жителям Цзяны его ненавидеть.

- А ты знаешь кого-нибудь, кто... - Аоки умолкает, не договорив, и Ченна отвечает не сразу:

- Нет, конечно, люди Короля никогда не нападают на столицы. Но по дороге во дворец, когда меня сюда везли, я видела у северной границы один город... ну, бывший город. Там почти ничего не осталось, пепелище.

- Я тоже видела такие места.

- Думаешь, это как-то связано с... Порчей?

- Может быть...

Они проходят мимо, не заметив меня, но мои мысли уплывают вслед за ними. Я понятия не имею, что такое эта Порча, но ясно же, что они говорят о набегах солдат-демонов - вроде того, что много лет назад постиг нашу деревню. А выжженную дотла деревню я тоже видела по пути сюда. Значит, такое происходит по всей Ихаре. Генерал Ю говорил,

помнится, что та деревня в Сяньцзо привечала повстанцев. Наверное, другие селения пострадали по той же причине? И что он имел в виду, когда сказал госпоже Эйре про «тяжелые времена, которые нас всех ожидают»? Он хотел сказать, что повстанцы действуют все смелее – или что эта самая Порча, чем бы она ни была, набирает силу?

– Ну и что ты об этом думаешь, дорогая?

Голос госпожи Эйры выводит меня из забытья, и я поспешно встаю со скамьи, чтобы поклониться. Госпожа жестом указывает мне, что это не обязательно, и смеется.

– О чем?.. О... о набегах демонов? – спрашиваю я, садясь рядом с ней – и запоздало осознаю, что она не могла слышать разговора Аоки и Ченны и не знает, о чем я думаю.

– Нет, что ты, – улыбается она. – Я спрашиваю всего лишь о моем саде. Он тебе нравится?

– Он прекрасен, – искренне отвечаю я.

– Я очень рада, что мой сад тебе по душе. Порой, в летнюю жару, я предпочитаю ночевать в нем – там, в пагоде.

– Он напоминает вам о вашей родине? – догадываюсь я. – О доме, где вы жили до того, как оказались во дворце?

Она кивает.

– Да, именно так. У нас была похожая пагода. Мы с двоюродными братьями и сестрами очень любили сидеть там своей компанией, болтать обо всем на свете, делиться слухами и шутить – после того, как до ознобакупаемся в реке. Мы всегда подолгу купались после того, как пачкались красками для кимоно в нашей красильне. – Она раскрывает свои идеально чистые ладони и смотрит на них долгим взглядом. – Мне до сих пор порой снится, что я не могу отмыться от краски дочиста. Когда я просыпаюсь и вижу чистейшую кожу своих рук, я... порой хочу заплакать. – Она тихо смеется и качает головой. – Ностальгия подобна болезни.

– Вы скучаете? – быстро спрашиваю я. – В смысле... до сих пор скучаете по дому?

Пара минут молчания. Потом она отвечает:

– Леи, теперь мой дом – королевский дворец. И тебе нужно начать воспринимать его так. И будет намного легче.

Я отвожу глаза.

– Нет. Мой дом в Сяньцзо. Дом моих родителей. Я его люблю. И так будет всегда.

Даже после того, как маму забрали, мы с папой все равно продолжали ухаживать за домом. И Тянь нам помогала. Дом оставался домом. Мы создали новую семью, пусть уже не прежнюю, но все равно настоящую. Наш дом оставался живым. Как я могу от него отречься?

Я вспоминаю обет, который дала себе самой по пути во дворец. Нет, я никогда не отрекись от дома, от надежды туда вернуться. И вернусь – чего бы мне это ни стоило.

– Госпожа Эйра, – восклицаю я, пораженная новой идеей. – Скажите, а я могу написать им письмо? Моему отцу и Тянь? Просто чтобы сообщить им, что со мной все в порядке. Ничего лишнего. Обещаю.

Сначала мне кажется, что она ответит отказом. Но потом она улыбается.

– Конечно, Леи. Ты можешь написать им. Это прекрасная идея. Я прослежу, чтобы тебе дали бумагу и тушь.

Я отвечаю на ее улыбку, стараясь сохранить остатки достоинства вместо того, чтобы заключить ее в пыльные объятия. Я представляю, как папа и Тянь получают мое письмо, как будут читать его вместе... Даже на другом краю королевства они смогут узнать наверняка, что я жива и здорова, прикоснуться к бумаге, к которой прикасалась я,

ощутить мое присутствие в каждой фразе в этом листе.

- Главное - обязательно приноси мне свои письма, чтобы я сама их отправила, - говорит госпожа Эйра. - Я обеспечу тебе самого лучшего посланника, который непременно их доставит по адресу.

Я поспешно киваю.

- Конечно, госпожа. Благодарю вас. Вы даже не представляете, как много это для меня значит.

Она улыбается уголками губ. Но прежде, чем она отворачивается, я замечаю тень в ее прекрасных глазах, легкое облако скорби.

Глава девятая

Когда наутро я просыпаюсь, Бумажный Дом гудит, как улей. Пронизанный лучами солнца воздух полон звуков: топот ног служанок в коридорах, распоряжения, которые передаются из комнаты в комнату. Воздух пронизан возбуждением и радостью, как электричеством. Это напоминает мне деревенские новогодние праздники, когда улицы увешаны яркими флажками, всюду горят огоньки и праздничные костры, вспыхивают фейерверки, все, как могут, почитают духов и радуются жизни. Сегодня во всех городах королевства состоятся празднества в нашу честь. Но в нашей деревне мы никогда не отмечали Ночь Снятия Покровов – церемонию официального представления Бумажных Девушек королевскому двору.

Может, в этом году мои односельчане сделают ради меня исключение?

Лилл в таком восторге от предстоящей церемонии, что не умолкает ни на секунду.

– С тех пор, как меня приняли в служанки, у меня еще ни разу не было шанса навестить родителей, – без умолку трещит она, пока я принимаю ванну. Ее лохматые оленьи ушки трепещут от радости. – Родителям и представить трудно, что я теперь настоящая горничная Бумажной Девушки! Ох, госпожа, как бы я хотела быть рядом с вами на церемонии! Вы наверняка их увидите, только не узнаете. Они будут мной гордиться! Как представлю, что у них будут за лица, когда я им расскажу...

Трудно не поддаться всеобщему возбуждению, хотя, конечно, я предвкушаю не встречу с Королем, а процессию перед церемонией. Это мой первый шанс увидеть остальную дворцовую территорию. Может, даже получится выведать что-то о маме!

Согласно традиции, для церемонии каждую из нас одевают в серебряное платье. В нашей культуре серебро имеет много символических значений: сила, власть, богатство. Но также – из-за своей близости к белому, цвету траура – серебро порой может считаться приносящим беду. Все просто: покоришься Королю – и будешь вознаграждена, посмеешь перечить – и будешь страдать.

Так как Лилл только вчера назначили горничной, за ней присматривает одна из старших горничных – Чихо, девушка-ящерица из Стальной касты. Лицо и тело у нее человеческие, только руки покрыты плотной серой чешуей. Чихо носит из комнат в комнату, поучая Лилл, хотя у нее и своих забот хватает, она тоже одевает свою госпожу. Наконец Лилл предлагает ей одевать нас одновременно, чтобы не приходилось столько бегать. Я не помню, чья именно горничная Чихо, так что когда она появляется на пороге моей спальни в сопровождении Майны, я обмираю. Меня почему-то охватывает страшное смущение.

Хотя Майна еще не причесана, не вполне покрашена и одета в банный халат, она выглядит потрясающе. Горничная наложила ей на скулы темные румяна, подчеркивающие блеск глаз и красоту губ. Ее длинные волосы перекинуты через плечо и волной сбегает на грудь. Переступая порог, она приподнимает полу длинного халата, я невольно слежу за этим движением – и беззвучно ахаю от изумления.

Стопы Майны выглядят так же, как мои. Ее пятки загрубели, как будто ей много приходилось ходить босиком. Это ноги девушки, привыкшей к работе, не ожидаешь увидеть такие у изнеженной дочери главы клана Ханно.

Поймав мой взгляд, она поспешно отпускает полу халата, и ткань снова спадает до земли.

– Ну вот, – обращается Чихо к Лилл, – давайте продолжим.

Майна опускается на колени рядом со мной, избегая смотреть мне в лицо. Я испытываю детское желание закричать на нее, любым способом привлечь ее внимание. Я вспоминаю слова Аоки о том, что Майна, возможно, думает, что мы все ее ненавидим. В таком случае она выбрала не самый действенный способ вызвать нашу приязнь, не так ли?

Макияж занимает около часа. Первое, что я делаю, когда Лилл наконец отступает от меня, закончив с моим лицом, – поднимаю руку, чтобы потереть глаза, и бедняжка Лилл

едва в обморок не падает от паники. Веки кажутся тяжелыми, липкими. Требуется собрать волю в кулак, чтобы не прикасаться к лицу.

Чихо обходит меня кругом, выискивая недочеты в работе Лилл, и наконец признает:

- Довольно хорошо.

Я бросаю взгляд на Майну. За все это время она не произнесла ни звука. Наконец она поднимается, чтобы уйти, и я не выдерживаю:

- Скажи что-нибудь! Как я выгляжу?

Я тут же сожалею, что позволила вырваться этим словам. Майна оглядывается через плечо, ее темные глаза встречаются с моими.

- Не совсем готовой, - роняет она и вслед за своей горничной выходит из комнаты.

Я дергаюсь, как от пощечины. Щеки заливают жар.

Лилл тоже уходит - и через несколько минут возвращается, неся шелковый сверток.

- Ваше платье, - почти благоговейно произносит она, протягивая сверток мне. - Придворному портному передали результаты инспекции и мерки, приказав изготовить для каждой из вас уникальный наряд. Это такой способ сообщить, откуда вы родом и какова ваша внутренняя сущность. Чтобы Королю она стала сразу видна. - Глаза девочки сияют. - Ну же, госпожа! Открывайте скорее!

Я закатываю глаза, утомленная ее восторгами, и разворачиваю шелковую ткань. Под ней ярко сверкает серебро. Я осторожно приподнимаю платье за плечи, расправляю его и опускаю на пол.

Это самое потрясающее платье *ципао*, которое я видела в жизни. Длинное, облегающее, без рукавов, с высоким воротником, вертикально прошитое тонкими серебряными нитями, блестящими на свету, как струи бегущей воды. Ткань кажется почти невесомой. Единственное украшение платья - небольшие лунные камни и опалы на груди и вдоль линии бедер.

Невероятное платье. *Королевское* платье. Платье, которое достойно того, чтобы его носила, например, Блю. Или Майна.

Но не я!

Лилл взвизгивает от восторга, так что у меня уши закладывает.

- Ох, какая же красота! Давайте скорее наденем!

Ципао идеально облегает фигуру, как вторая кожа. Материя такая легкая, - легче паутинки. Я чувствую в ткани нежное тепло магии. Какие бы заклинания ни были наложены на это платье, один из их эффектов - мягкое сияние при каждом моем движении, бледное, как лунный свет.

При виде выражения лица Лилл я поднимаю бровь.

- В кои веки ты молчишь и ничего не говоришь.

Она хихикает.

- Госпожа, пользуйтесь случаем. Я не знаю, как долго это продлится.

Последние приготовления - и мы отправляемся к выходу из Бумажного Дома, откуда начнется торжественная процессия. При приближающемся шуме множества голосов у меня сдают нервы. По пути меня приветствуют поклонами горничные и служанки, одни осыпают меня из корзинок красными лепестками - на удачу, другие сыплют под ноги блестящую соль. Мы уже почти у выхода - и я замечаю знакомый всполох рыжих волос.

- Аоки!

Девушка оборачивается – и широко улыбается мне.

– Леи! О, ты выглядишь просто... просто...

Я слышу в ее голосе нотку зависти.

– Ты выглядишь великолепно, – быстро говорю я ей. – Какое прекрасное кимоно!

Кимоно и впрямь красивое, из тонкой легкой ткани, расписанной узором из серебряных листьев. Я прикасаюсь к платью Аоки – и листья под моими пальцами словно бы шелестят на ветру, переплетаются меж собой. Снова магия!

Аоки вспыхивает от удовольствия.

– Горничная сказала, что все эти платья создали так, чтобы подчеркнуть внутреннюю сущность каждой из нас. Звучит глупо, но я и правда почувствовала себя немножко как дома, едва надела кимоно. Как будто в нем заключена частичка моей деревни. Но ты... ты выглядишь совсем не по-деревенски, – она протягивает руку ко мне – и тут же ее отдергивает. – Ты похожа на королеву!

От ее слов меня пробирает дрожь. Вот уж на кого я не хочу быть похожей ни за что на свете.

Вместе мы идем по коридорам и выходим на передний двор, под яркий солнечный свет. Нас приветствуют восторженные крики толпы. Улицы под галереями – галереями и крытыми мостиками могут пользоваться только придворные женщины – полны народа.

Аоки хватает меня за руку и указывает вниз. По одной из улиц приближается караван паланкинов, украшенных лентами. Шелк цветных лент трепещет на ветру. Паланкины несут мускулистые демоны-антилопы, одетые в *бацзюй* королевских желто-золотых цветов, а на их рогах при каждом шаге звенят золотые колокольчики.

Они останавливаются перед нами. Мадам Химура выходит вперед и громко объявляет, перекрикивая шум толпы:

– Приветствуйте госпожу Аоки-чжи из Шому!

Слуга помогает Аоки подняться в паланкин. Она бросает на меня взгляд через плечо – ее зеленые глаза широко распахнуты, не знаю, от восторга или от страха – или от того и другого вместе. Перед тем как сесть, она быстро сжимает мне пальцы.

Мадам Химура вызывает Блю. Потом – Ченну. И, наконец, меня.

Я шагаю вперед, опустив голову, словно стараясь скрыться от множества взглядов. Демоны-антилопы опускают паланкин, и слуга помогает мне сесть. Внутри паланкин похож на повозку, в которой вез меня генерал Ю: все обито бархатом, все благоухает, деревянные панели отполированы, кругом шелковые подушки. Нервы мои натянуты, как струны. Та повозка увезла меня из дома, из прежней жизни. Какой окажется моя новая жизнь, в которую я сейчас въеду в паланкине? Одета в роскошное платье *ципао*, несомая вперед слугами-демонами, я чувствую себя красиво сервированным блюдом, которое торжественно несут на ужин Королю, и по спине бегут мурашки.

Меня подают к столу, и рано или поздно Король захочет меня съесть.

Глава десятая

Окна закрыты длинными занавесями, так что впервые я вижу дворец сквозь просветы в шторах: серией коротких вспышек, сменяющих друг друга образов, цветными бликами, размытыми в движении. Предзакатное солнце окрашивает все вокруг в золото и бронзу. Это похоже на сон – и на вид, и по ощущениям, как будто я смотрю чужими глазами.

Вчера госпожа Эйра показывала нам карту дворца. Я пытаюсь ее вспомнить и наложить на то, что вижу, чтобы определить, куда мы едем. Дворец напоминает соты со множеством ячеек. Это дворы двух видов: Внешние – где располагаются мастерские, служебные помещения и жилые кварталы, и закрытые Внутренние Дворы, куда имеют допуск только приближенные к Королю придворные.

Женский Двор находится в северо-западной части дворца. Наша процессия движется на юг, минуя Городской Двор со множеством лавочек, ресторанов и рынком, а потом мы едем на запад, через Церемониальный Двор, пересекаем большую площадь за главными воротами, куда привез меня генерал Ю, и попадаем на Рабочий Двор, где дымятся трубы кузниц и дубилен. Дальше – в западную часть дворца. Мы минуем Служебный Двор – небольшой город, где живут слуги, горничные и низшие придворные чины, и Военный Двор – тренировочные плацы и казармы.

Изо всех дворов мы обходим стороной лишь два. Двор Призраков – дворцовое кладбище в северо-западной части территории. Посещать место захоронения в праздник – дурной знак. Также не заносят нас на Храмный Двор, расположенный в центральной части дворца, за внутренним кольцом стен. Имперских шаманов запрещено беспокоить кому бы то ни было. Место их обитания считается священным, и доступ туда возможен только с королевского дозволения.

К тому времени, когда церемониальная процессия заканчивается во Внутренних Дворах, уже сгущаются сумерки. После шума толпы и праздничной атмосферы Внешних Дворов тишина шокирует. Я смотрю в окно с растущей тревогой, губы пересохли, ладони от волнения стали влажными.

Мы почти прибыли.

Внутренние Дворы – это лабиринт улиц, освещенных фонариками, красивые площади, мощенные белым камнем, и аккуратные садики на крышах зданий, возносящихся над кронами деревьев. Свет звезд отражается во вьющейся ленте воды: это Аната, Дорога Бесконечности. Поток изгибается по всему Королевскому Двору, образуя правильную восьмерку. Вот оно, сердце королевства, и вот он, поток, призванный излить на Короля милость богов. Внутренний дворец отрезан от остального мира высокими стенами, а руслу реки придали такую удивительную форму шаманы с помощью магии. По мере нашего приближения к цели я чувствую усиливающуюся пульсацию магии в воздухе – она поднимается от воды, словно электризуя атмосферу.

Последняя часть нашего путешествия – переход через пересечение четырех рукавов реки, через центр восьмерки, образованной потоком. Через реку перекинут каменный мост. На нем толпятся восторженные наблюдатели. Они осыпают нас красными цветами, ветер подхватывает лепестки, и они ложатся на воду, окрашивая реку в цвет крови.

– Благословение на вас!

– Слава Богоподобному Властелину!

Крики толпы по большей части радостные, благословляющие, но мне тяжело находиться среди такого количества демонов. Я отодвигаюсь от окна и задергиваю занавески. Мы почти миновали мост, когда внезапный тяжелый удар перекашивает мой паланкин.

Меня подбрасывает, и я раскидываю руки, чтобы не выпасть наружу. Еще один удар – и паланкин накреняется так, что мне трудно в нем удержаться. Я больно ударяюсь о его стенку, судорожно ища, за что бы ухватиться, – еще чуть-чуть, и я бы выкатилась на мост под ноги толпе. Демон-антилопа резким движением поправляет паланкин, и я отдергиваю занавеску, пытаюсь понять, что происходит.

Дыхание перехватывает.

Человеческая женщина, явно из Бумажной касты, на ее теле нет ни шерсти, ни перьев, ни когтей. Она безуспешно пытается вырваться из рук демонов, прижавших ее к земле. Стражники держат крепко, так что она бессильно бьется и не может освободиться. Ее одежда порвана, но все равно видно, что это служанка. Непонятно, как ей удалось пробраться во Внутренние Дворы. Она отрывает голову от земли, и мы встречаемся глазами. Я сама не знаю, что ожидаю увидеть в ее взгляде – может быть, сострадание, которое свойственно ощущать в отношении существа из своего народа... Но нет – ее глаза полны огня.

- *Дзарджа!* – яростно кричит она мне в лицо. – Грязные шлюхи! Вы – позор нашей касты...

Стражник вскидывает тяжелую дубинку над ее головой.

Я спешу отвернуться, но мне не хватает секунды. Ужасный звук – хруст проломленного черепа – громом отдается в ушах, а взгляд этой женщины за миг до смерти будет преследовать меня всю жизнь: это чистая, беспримесная ненависть.

- Госпожа, вы в порядке? – в окне паланкина появляется рогатая голова, и я подскакиваю от неожиданности.

- Да, – лепечу я.

- Прошу прощения за досадную помеху. Больше никаких инцидентов не будет, обещаю, – и стражник кланяется, собираясь уйти.

- Подожди! – кричу я, и он оборачивается. – Эта женщина... скажи мне... Почему...

Выражение его лица-морды слегка меняется.

- Вы хотите знать, почему мы ее убили?

Я киваю.

- Да.

- Это была рабыня, – отзывается он. – Рабам не разрешается переступать границу Внутренних Дворов. К тому же она угрожала испортить королевскую собственность.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы осознать: речь идет обо мне. Это я – *королевская собственность*.

- Но вы же могли просто арестовать ее! Не обязательно было... убивать...

- Дворцовой страже разрешено убивать представителей Бумажной касты на месте преступления, без суда, – объясняет стражник, приподняв бровь. – Это все, госпожа?

От его тона сводит скулы. Я уже готова кивнуть, но решаюсь задать еще один вопрос.

- Нет, постой. Она... она обозвала меня – и нас всех – каким-то словом. *Дзарджа*. Что это значит?

Демон морщится.

- Это ругательство. Очень грубое.

- Что оно означает?

- «Предатель», – отзывается он, и отпускает занавеску, так что та снова закрывает мне вид. Ленточки шелестят на ветру.

Дзарджа.

Это слово звучит в моих ушах весь остаток пути. А еще я вижу перед собой глаза той женщины – полные горячей ненависти. Как легко стражник лишил ее жизни, одним движением руки, одним ударом... Перед глазами встает лицо мамы. До сих пор я была настолько сосредоточена на том, каково ей было на пути сюда, что совсем забыла думать

о том, как она умудрялась выживать здесь.

Через несколько минут мы входим в высокие ворота. Вернее, в череду высоких ворот, одни встают за другими. Толпа рассеивается, а вместе с ней – ужас происшедшего. Его смывает волна страха, настолько сильного, что сердце пропускает половину ударов.

Мы прибыли. Мы на месте.

Это место – широкая мощеная площадь, поперек которой идет длинная дорожка. Перед нами – огромная крепость, словно вырубленная из массива черного камня. На ветру вьются знамена, украшенные королевским гербом – бычьим черепом. На каждом балконе, по всему периметру здания стоят ряды стражи с оружием на изготовку.

Где-то внутри этой черной крепости ждет Король-Демон.

Наша процессия останавливается у подножия мраморной лестницы, ведущей к арке входа. С лестницы, навстречу нам разворачивается, сбегая по ступеням, золотая дорожка, похожая на волшебный водопад. Слуга помогает мне выйти из паланкина. Струя золота обращает камень под ногами в сверкающий металлический ковер, и я вместе с другими девушками ступаю на него, оглянувшись через плечо. За моей спиной по золотой дорожке бегут мягкие волны.

Когда мы входим во дворец, кажется, что вокруг воцаряется полная тишина. Но, может быть, мне это только кажется – просто при нашем приближении стихают голоса, и это молчание полно благоговения. Путь во дворец представляет собой лабиринт. Гулкие переходы, узкие коридоры, внутренние крытые дворики с садами, чьи крыши изнутри украшены картами звездного неба. Высокие лесенки, которые ведут нас с этажа на этаж. Наконец мы оказываемся в высокой арочной галерее, которая кончается плотной завесой, и стража оставляет нас перед ней, не давая никаких объяснений.

Тишина становится еще более плотной. Мы стоим цепочкой, в алфавитном порядке. Перед собой я вижу толстую косу Ченны, лежащую между ее лопаток; сегодня коса перевита гирляндами маленьких серебряных цветов, которые сияют, как крохотные звездочки. Плечи Ченны дрожат – она часто дышит, мелко вдыхая.

– Боги, – стонет Марико за моей спиной. Я оборачиваюсь к ней: она согнулась пополам, лицо белое, как бумага. – Кажется, меня сейчас стошнит.

Я хочу взять ее за руку, поддержать – но она отталкивает меня.

– Я не нуждаюсь в помощи деревенской девчонки!

– Как хочешь, – огрызаюсь я. – Тогда блуй сколько тебе угодно.

Над согнутыми плечами Марико я вижу Майну, которая встречается со мной взглядом – и я замираю.

Она выглядит просто невероятно. Никогда в жизни я не видела такой красоты. Она словно сошла с картины великого художника и кажется не живым человеком, а совершенным произведением искусства. Ее платье *ципао* скроено совершенно иначе, чем мое: у меня высокий воротник – а у нее, наоборот, глубокий вырез, открывающий ложбинку. У моего платья – разрез вдоль бедра, а ее платье идеально обтягивает, подчеркивая длину и стройность мускулистых ног. Мое из легкой, тончайшей ткани, а у ее платье ткань очень плотная, блестящая глубоким темным серебром, как доспехи, так что она кажется одновременно безумно притягательной и опасной. Я вспоминаю слова Лилл о том, что наши платья призваны подчеркнуть нашу внутреннюю сущность. Какова же сущность Майны, если судить по ее церемониальной одежде?

Как обычно, она первой отводит взгляд. Но, к моему изумлению, не отворачивается. А склоняется к Марико и говорит ей на ухо – так, что слышно и остальным:

– Не знаю о твоём опыте знакомства с жителями деревень, но я никогда не встречала деревенской девчонки, выглядящей, как она. – Потом она поднимает глаза на меня и добавляет с тенью улыбки на губах: – А вот *теперь* ты действительно выглядишь готовой.

Я не успеваю отреагировать – из-за завесы слышится гонг. Я разворачиваюсь и смотрю,

как медленно расходится в стороны занавес.

- Богоподобный Властелин и достойные члены двора, - звучит голос, усиленный магией. - Позвольте представить вам Бумажных Девушек этого года!

Ченна передо мной расправляет плечи. Я тоже стараюсь собраться, делаю глубокие вдохи, чтобы привести себя в порядок, и мы - одна за другой - входим в арку.

Мы оказываемся в широком зале, похожем на пещеру и по периметру окруженном колоннами. Стены затянуты шелком. Похоже, этот зал целиком вырублен в скале черного мрамора, а в центре него расположен небольшой бассейн. Он полон черной водой, в которой отражаются огоньки фонарей, гирляндами свисающих с потолка. Сотни лиц внимательно смотрят на нас с многоярусных балконов по стенам, но лишь одна фигура привлекает все мое внимание.

Король-Демон.

Он восседает на троне у дальней стены чертога, за бассейном, и по сторонам трона стоят трое охранников: белая лисица, пепельно-серый волк и огромный крокодил с кожей цвета тины. Все - из Лунной касты. По сравнению с гигантским крокодилом Король-Демон кажется, можно сказать, стройным. Его тело очень мускулистое, но изящное, в рельефных мышцах человекоподобных рук чувствуется бычья сила. Он одет в черный костюм-ханьфу с золотой оторочкой. Но самое главное мое впечатление от него - это... *энергия*. В нем сокрыта огромная сила, магнетизм, притягивающий внимание. Он - сама власть. Льдисто-голубые глаза обрамлены длинными черными ресницами. Между его ушами вздымаются острые толстые рога совершенной формы, их кончики окрашены золотом.

Не знаю почему, я представляла себе, что Король-Бык окажется старым. Усталым, покрытым боевыми шрамами. Но Король выглядит совсем молодым, на вид ему вряд ли намного больше двадцати лет. И как ни тяжело мне это признавать, Король-Бык весьма красив. Бычьи черты полностью гармонируют с его человекоподобным телом, длинная челюсть и широкий рот практически совершенны в своей брутальности, а поросшая бурой шерстью шкура отличается гладкостью, каждая шерстинка блестит темным блеском.

Рот Короля разъезжается в широкой ленивой усмешке. Он наклоняется вперед, опираясь на подлокотники трона.

- Приветствую вас, мои новые Бумажные Девушки. Добро пожаловать во дворец.

Голос его глубок и тяжек, как ночь.

Мы поспешно падаем на колени и прикасаемся лбами к полу. Мрамор холодит ладони. Я чувствую на своей коже взгляд Короля - так отчетливо, как ощущала бы прикосновение.

- Приветствуйте госпожу Аоки-чжи из Шому! - восклицает распорядитель.

Я слышу шорох одежды - это Аоки поднимается на ноги. Ее робкие шаги по каменному полу, плеск воды - очевидно, она входит в бассейн. Госпожа Эйра говорила нам, что такова часть церемонии. Погружение в воду символизирует очищение наших тел перед первой встречей с Королем. Вода в бассейне зачарована так, чтобы не намочить нашей одежды и не смыть макияжа. Через мгновение я уже слышу, как Аоки прерывающимся голосом приветствует Короля.

- Какая милая, - бормочет он себе под нос. - Что за славный носик у этой малышки.

Что-то внутри меня переворачивается от такого описания. Он воркует над ней, словно рассматривая игрушку, с которой будет приятно позабавиться, прежде чем отшвырнуть ее прочь, когда она надоест.

Собственно, это чистая правда, напоминая я себе, стиснув зубы. Мы все для него - именно игрушки.

Чуть больше времени Король тратит на Блю, которая идет следом за Аоки. Потом - Ченна, а потом - слишком скоро - наступает моя очередь.

Я поднимаюсь, колени дрожат. В чертоге оглушительно тихо. Я иду вперед, стараясь двигаться легко и изящно, как госпожа Эйра, но мне кажется, что мои ноги стучат, как ослиные копыта. Глаза мои прикованы к полу, но я все равно чувствую взгляды толпы. *Дзарджа*. Это слово снова и снова звучит в моей голове, отдаваясь там, как пульс, и я не могу перестать его слышать. Неужели я правда такая? Неужели в глазах демонов, смотрящих на меня со всех сторон, я и правда – девчонка, предавшая свой собственный народ?

Когда я дохожу до подножия лестницы, я облегченно выдыхаю и делаю шаг вперед, в воду бассейна... И тут я наступаю на подол собственного платья.

Толпа гостей дружно ахает, когда я спотыкаюсь и падаю в воду ничком. Вода мгновенно облекает меня, ее холод обжигает. Я готовлюсь отплеиваться, задышаться, но неожиданно оказывается, что я могу вдыхать заколдованную воду так же легко, как воздух, и я, справившись с паникой, поднимаюсь на ноги и иду. Темная влага обтекает меня, как дым, расступаясь. Я выхожу на сушу перед Королем и падаю перед ним на колени, не смея поднять глаз.

- Ве... великая честь для меня служить вам, Богоподобный Властелин, – запинаясь, говорю я слова, которым научила нас госпожа Эйра.

Тишина.

А потом стены чертога содрогаются от королевского смеха.

- Взгляните только на эту бедняжку! – хохочет он. – Разодета как королева – а сама двух шагов пройти не может, ноги заплетаются! Мадам Химура, сколько чашек саке вы влили ей в глотку для храбрости?

Служанка подбегает ко мне и помогает подняться. Едва держась на ногах, я удаляюсь, не в силах поднять головы, с пылающими щеками, и смех Короля отражается от каменных стен.

Глава одиннадцатая

- Мариико от страха едва не стошнило ему под ноги.

- Но ведь не стошнило!

- А Чжэнь, мне кажется, неправильно поклонилась. Да-да, оттуда, где я стояла, ее поклон выглядел неуклюже.

- Аоки, я упала в полный рост, просто свалилась. Перед всем королевским двором.

Она делает паузу.

- Ну да, не поспоришь. Ужасно, что так получилось.

Я пытаюсь улыбнуться, и Аоки гладит меня по плечу. Солнечное утро следующего дня. Мы вдвоем сидим на ступеньках женских бань, где в такой ранний час еще пусто.

- Хотя на что я жалуюсь? - говорю я. - Хорошо, что так получилось. Теперь он точно очень скоро меня призовет к себе. Может, и вообще никогда не призовет.

Аоки широко распахивает глаза.

- Ты что, этого не хочешь?

- Нет! - поспешно отвечаю я - может быть, даже слишком поспешно. И понижаю голос. - А ты... неужели хочешь?

- Я сама не знаю. Но ведь он наш *Король*, Леи. Наш повелитель. Быть его наложницей - великая честь.

Я отвожу взгляд.

- Не нужно мне такой чести. Я бы лучше жила дома, в Сяньцзо.

- Но ведь теперь твоя семья обеспечена на всю жизнь, разве ты этому не рада? - нахмутив брови, спрашивает девочка.

Я вспоминаю, что Аоки, как и я, из бедной деревни. Ей знаком голод, тяжелый труд, укусы холода, боль во всем теле после трудного дня... боль, проникающая до костей.

Но все равно... Это было мое дело - заботиться о родных, о папе и Тянь. Мое, а не Короля.

Дзарджа.

Деньги Короля - грязные деньги. Кровавые деньги.

- Не беспокойся, - продолжает Аоки, стараясь меня утешить. - Я уверена, он скоро забудет, что случилось тем вечером.

Со времени церемонии проходит неделя. А потом - еще одна. К концу третьей недели Король все еще ни разу не призвал меня к себе.

Часть меня - большая часть - испытывает по этому поводу облегчение. Но к нему примешивается стыд, а также острое чувство провала, позора, неудачи.

Мадам Химура каждый день напоминает мне о моей ошибке.

- Послушай, тебе нужно поскорее найти способ напомнить ему о своих золотых глазах, пока я тебя не выкинула за ворота. Ты только зря занимаешь место во дворце.

Однажды мне снится сон о Ночи Снятия Покровов. Во сне я, как тогда, спотыкаюсь и падаю, но когда поднимаюсь из зачарованного бассейна, на королевском троне сидит генерал Ю и широко улыбается.

- Смотри, что ты натворила, - он поднимает руки, из его лап свисают отрубленные

головой папы и Тянь, кровь потоками стекает на мраморный пол. – Лови! – он бросает голову мне, и я с отчаянным криком просыпаюсь.

Ничего на свете я не желаю так отчаянно, как сбежать из дворца куда угодно, как можно дальше. Вернуться домой. Но всякий раз, стоит мне хотя бы подумать об этом, угрозы генерала Ю звенят у меня в ушах. А вместе с ними звучит удар дубинки стражника, проламывающий череп рабыни на мосту, и я говорю себе, что попытка бежать приведет только к одному: у меня просто не останется дома, куда можно вернуться.

Дни идут своим чередом, занятые дворцовой рутинной. Жизнь здесь – это череда ритуалов. Удивительно, как быстро я встраиваюсь в дворцовый ритм, будто мою прежнюю жизнь стерли губкой с дощечки для письма, и поверх написали новую. Занятия, дворцовые слухи, трапезы и церемонии... Я ни на миг не забываю своего намерения разузнать, что случилось с мамой, но у меня просто нет ни минуты свободного времени, чтобы этим заняться. К тому же я понимаю, что такое нельзя осуществить незаметно, и угроза генерала Ю снова и снова всплывает в моей памяти.

Каждый день начинается с утреннего звона гонга. Наши горничные встают еще раньше, чтобы наполнить для нас ванны и разжечь курильницы, и сладкий запах благовоний наполняет дом, постоянно витая в воздухе прозрачной легкой дымкой. Лилл провожает меня в бани, а после ванны облачает в простое кимоно или *юкату* из хлопка, зачесывает мне волосы назад и собирает их в тугий узел на макушке. Это наша повседневная прическа, хотя некоторые девушки – а именно Блю и Марико, что совершенно не удивительно – то и дело распускают волосы, когда мадам Химура не видит. Майна поступает иначе: она собирает в узел часть волос, а остальным позволяет свободно спадать на плечи, обрамляя лицо. Однажды я случайно услышала, как мадам Химура ее за это распекает.

– Зачем ты это делаешь? – спрашиваю я Майну однажды вечером, за тихим ужином в покоях госпожи Эйры.

Майна не оборачивается.

– Что именно? – холодно спрашивает она.

– Зачем ты так причесываешься? Ты же знаешь, что тебе за это попадет. – Почему-то я уверена, что у поведения Майны есть более глубокие причины, чем глупое тщеславие Блю и Марико. Майна, в отличие от них, не носитя со своей красотой, принимает ее как данность и словно бы вовсе ее не замечает.

Майна чуть медлит перед тем, как ответить.

– Мой отец как-то сказал мне кое-что важное, – наконец говорит она. – Он сказал, что даже маленькие акты сопротивления лучше, чем совсем никаких. – Искоса взглянув на меня, она добавляет: – Ты в курсе, что сейчас держишь свои палочки для еды так, будто хочешь воткнуть их кому-нибудь в глаз?

Я поспешно поправляю палочки, не обращая внимания на смешки со стороны Блю и Марико.

После мытья, одевания и укладки волос мы завтракаем – обычно на завтрак у нас рисовые шарики, маринованные овощи и соленая рыба, а еще кусочки питахайи и манго. Потом утренние занятия. Уроки призваны отточить наши искусства *нюй*, от придворного этикета до каллиграфии и игры на музыкальных инструментах.

После того, как я опозорилась в Ночь Снятия Покровов, большинство наставников не ожидает от меня особенных успехов. Одна наша наставница сразу меня невзлюбила и постоянно это демонстрирует: госпожа Тунга, пышная дама с широко посаженными глазами, которая учит нас этикету. На этих занятиях мы учимся самому разному – от изящной походки, которая пристала Бумажной Девушке, до способа правильно опуститься на колени в узком кимоно. Госпожа Тунга обожает приводить меня в пример того, как не нужно делать. Она может заставить меня ходить по залу перед другими девушками со специальным грузом, зажатым между колен, и на моем примере объяснять остальным все возможные ошибки.

- Нет, нет, Леи-чжи, двигай бедрами! Помните, девушки, что я говорила вам на прошлой неделе? Нужно представить себе невидимую нить, идущую от ваших ног до самой макушки. Нить следует держать натянутой, но в то же время не слишком растягивать ее, чтобы она не порвалась. Подбородок чуть выше! И не размахивай так руками, в конце концов, ты не демон-птица, у тебя не получится взлететь! Теперь слегка отклонись назад и позволь бедрам двигаться свободно... я сказала, свободно, а не так! Ты же ими вращаешь, будто перепила sake! После того, что случилось с тобой в Ночь Снятия Покровов, ты не хочешь произвести при дворе подобного впечатления, поверь мне! Девочки, девочки, успокойтесь, хватит хихикать. Итак, Леи-чжи, попробуй пройти чуть быстрее. Ах! При этом не роняй груза, неужели непонятно? Майна-чжи, будь добра, займи ее место и покажи всем, как это следует делать.

Уроки танцев не слишком отличаются от занятий по этикету. Их ведет мадам Чу, почтенная пожилая демоница-лебедь. Потускневшие от возраста перья сплошь покрывают ее высокое стройное тело и слегка шуршат при резких движениях, когда она показывает нам фигуры танцев. Это совершенно не те танцы, к которым я привыкла дома, в деревне: на наших праздниках мы просто от души веселились, расслаблялись, как могли, кружились парами и в хороводах, чувствуя небывалую свободу. Придворные танцы похожи на работу идеально отлаженного механизма. Техника очень важна, каждый разворот, каждое движение руки или ноги выверено до мелочей.

Изо всех нас одной только Майне удастся исполнять эти танцы так, чтобы выглядеть естественно. Хотя она - лучшая ученица на всех без исключения уроках, на танцевальных занятиях она преобразается, словно оживает. Ее тело как будто создано для движения, и все сложные фигуры в ее исполнении выглядят полными жизни и простоты. В танце она напоминает мне птицедемонов над горами - тех, за которыми я так любила наблюдать, уходя в поля за деревней. Грациозных, сильных, таких свободных... Когда Майна танцует, с ее лица уходит обычное отстраненное и холодное выражение, оно становится почти счастливым, смягчается, и от нее как будто исходит тепло - ничего подобного я раньше не чувствовала и сейчас не могу подобрать для этого названия.

После утренних занятий мы возвращаемся в Бумажный Дом на обед - обедаем мы либо у госпожи Эйры, либо у мадам Химуры, рассказывая им о своих успехах. Потом - снова уроки, вплоть до заката. К вечеру я настолько выматываюсь, что мечтаю только о сне, но вечера у нас тоже часто бывают заняты. То и дело устраивают придворные банкеты, церемонии, на которых необходимо присутствовать, балы.

Каждый вечер я с ужасом жду, что вот-вот объявят, что бал почтит присутствием Король-Демон. Когда он все-таки не появляется, я держусь за свое облегчение, как воин - за рукоять меча.

В спальню я обычно возвращаюсь глубоко за полночь. Несмотря на усталость, мы с Аоки находим время немного посидеть у меня или у нее в комнате, поболтать и попить чаю с засахаренным инжиром и сладкими рисовыми шариками-*моти*, которые тайком приносит для нас с кухни Лилл. Эти украденные минуты радости - наше утешение после выматывающих занятий, после тревог, что мы понапрасну занимаем место во дворце, потому что ни одну из нас Король еще ни разу не призвал к себе. И лекарство от страха при мысли, что, возможно, завтра он все же призовет кого-то из нас. Все это отступает, и я засыпаю с улыбкой на губах и теплым чувством глубоко в груди - чувством, подозрительно похожим на счастье.

Проходит месяц, но мне едва удастся улучшить результаты обучения. Когда моя очередная попытка исполнить сложную фигуру танца с веерами, который мы сейчас разучиваем с мадам Чу, заканчивается тем, что веер вылетает у меня из рук и врезается наставнице ровно между глаз - причем она не видит в произошедшем ничего смешного, - мадам Чу велит мне задержаться после урока.

- Но ведь... у нас обед... - лепечу я без особой надежды.

Она гневно взмахивает оперенной рукой.

- Вечером состоится банкет, не так ли? Так что даже полезно пропустить перекус. - А потом, повысив голос, она окликает: - Майна-чжи, тебя я тоже попрошу остаться.

Майна замирает на пороге. Остальные девушки спешат прочь.

- Мадам Чу, что-то не так? - спрашивает Майна, оборачиваясь.

- Позанимайся с Леи-чжи, Майна. Может, у *тебя* она хоть чему-то научится, - и женщина-лебедь выплывает из класса, сердито топорща перья.

В классе повисает неловкая тишина.

- Ладно, - говорю я, пытаюсь разрядить атмосферу. - По крайней мере, нам предстоит провести целый час без Блю.

Майна не смеется, но лицо ее немного смягчается.

- Итак, - произносит она, подходя ко мне. - В чем проблема?

- Э-э... во всем?

Она приподнимает бровь.

- Очень дельное замечание. Можно подробнее?

Я вздыхаю.

- Послушай, я сама не знаю. Просто мне трудно. Я не так хорошо контролирую свое тело, как ты.

По ее лицу пробегает тень.

- Вот, значит, как выглядит мой танец? Как будто я хорошо контролирую свое тело?

В ее голосе звучит обида.

- Нет! - быстро поправляюсь я. - В том и дело, что ты контролируешь свое тело, но это не заметно! Ты двигаешься совершенно естественно!

Майна берет веер и раскрывает его.

- Ладно. Давай начнем с самого простого.

Она расслабляется, принимает непринужденную позу и слегка сгибает колени, придавая бедрам изящный изгиб. А потом закрывает глаза и подносит обе руки к левому боку. И грациозным неуловимым движением - каковы, впрочем, и все ее движения в танце, - выбрасывает руки вперед, раскрывая веер перед грудью, словно взмахивает крыльями.

- И это ты называешь самым простым? - я качаю головой.

Она протягивает мне веер, и наши пальцы на миг соприкасаются.

- Попробуй повторить.

Я стараюсь повторить ее исходную позу, но она сразу поправляет меня.

- Нет, нет, не так. Ты двигаешься слишком резко. Попробуй делать это более вдумчиво, осознавая каждое движение. Смотри, - она указывает на мои ноги. - Ты даже стоишь неправильно, из такой позиции нужного взмаха не получится.

Меня передергивает от раздражения.

- Ну, извини. Не думала, что придется учиться правильно *стоять*. Мне казалось, наши обязанности перед Королем в основном исполняются *лежа*.

Повисает неловкая пауза. Майна сжимает губы.

- Не обязательно говорить об этом именно так.

- Но это правда, разве нет? Зачем все это нужно? - я гневно обвожу руками танцзал. - От нас ведь требуется только одно!

И я вообще никогда не хотела такой судьбы. Эта мысль жжет меня изнутри, и я ничего не могу с ней поделать.

- Год в роли Бумажных Девушек это не всё. Нужно думать о будущем, - жестким голосом говорит Майна. - Год пройдет быстро, и тебе все равно придется остаться при дворе и найти себе какое-то занятие. Чем бы ты могла тут заниматься? Кем хотела бы стать?

- Уж точно не танцовщицей!

Майна не может сдержать смеха, но потом снова становится серьезной.

- Ты должна хотя бы попытаться. Стоит сосредоточиться на каком-то деле, и ты увидишь, что оно удастся тебе лучше и лучше. Но если не дать себе ни единого шанса, точно ничего не получится.

Я открываю рот, чтобы огрызнуться, но слова не приходят на ум. Потому что она права. Я не то что не пыталась сосредоточиться - вообще не думала о своих занятиях, совершенно не старалась. Хотя я смогла привыкнуть к рутине дворцовой жизни, мое сердце далеко отсюда.

Да и как могло быть иначе? Мое сердце по-прежнему дома, в Сяньцзо, рядом с папой и Тянь, оно стремится к прежней жизни, к которой я мечтаю вернуться.

Я делаю еще несколько попыток повторить за Майной движения танца, а она меня поправляет. Я пытаюсь следовать ее указаниям, сосредоточиться на взмахе рук, на развороте бедер, но ничего не выходит.

В какой-то момент она берет меня за запястье и поворачивает мою руку в нужное положение, и это интимное прикосновение к моей коже так поражает меня, что я роняю веер.

- Сосредоточься! - сердито восклицает она.

Я стискиваю зубы.

- Я стараюсь.

- Нет, ты не стараешься.

Я отступаю на шаг, к лицу приливает жар.

- Ладно, ты права, возможно, я и правда не хочу научиться. Возможно, я вообще ничего этого не хочу, и мне все здесь противно.

Повисает долгая пауза. Наконец Майна говорит:

- Думаешь, я этого хочу?

Ее голос звучит холодно, как обычно, но все же немного иначе. За внешней резкостью слышится непривычная мягкость. Может быть, даже боль.

- Ни одна из нас не выбирала такой судьбы. Мы все принимаем ее ради блага наших семей, потому что иначе Король...

Она резко замолкает, и недосказанные слова повисают в тишине между нами.

Я думаю об угрозе генерала Ю. Возможно, я не единственная, кто выслушал подобные угрозы. Возможно, деньги и прочие блага, которые изливаются на семьи Бумажных Девушек, - это не только награда, но и напоминание. О том, что Король купил верность их дочерей дорогой ценой, и если эти самые дочери посмеют нарушить договор...

- Ладно, - говорю я, поднимая веер с пола. - Давай попробуем еще раз.

Полчаса спустя - спустя еще десяток падений веера от моих неловких движений - мы с Майной возвращаемся в Бумажный Дом. Из покоев госпожи Эйры слышатся приглушенные голоса девушек, шаги служанок, разносящих еду. Аппетитные запахи вызывают в животе голодное урчание.

Майна собирается войти, но я на миг задерживаю ее.

- Спасибо, - тихо благодарю я. - Ты права. Я просто не старалась. - Я медлю, не понимая, зачем это говорю. Мы ведь даже не подруги. - Мне кажется... мне постоянно кажется, что, находясь здесь, я предаю свою семью. Как будто мне должно быть стыдно чему-то здесь радоваться.

Глаза Майны странно мерцают.

- Не думаю, что хотя бы одна из нас действительно способна радоваться, находясь здесь.

- Серьезно? Знаешь девушку по имени Блю?

Она вскидывает бровь.

- Да. Она, похоже, и правда *наслаждается* происходящим.

Майна быстро переступает порог, и я иду за ней. Коротко поклонившись госпоже Эйре, я сажусь рядом с Аоки.

- Привет, - шепчу я подруге.

Но она не поднимает глаз. Ее лицо искажено страхом, взгляд устремлен на что-то маленькое, что она сжимает в руке. Я слежу за ее взглядом - и все понимаю.

Бамбуковая табличка. Красная тушь на ней похожа на брызги крови.

Аоки-чжи.

Я смотрю на подругу, но та кажется совершенно потерянной, отстраненной.

- Ты в порядке? - спрашиваю я.

Она чуть заметно кивает.

Почти каждый день после церемонии Снятия Покровов королевский гонец за обедом доставляет нам табличку, на которой написано имя одной из нас. Это официальное королевское повеление посетить ночью его опочивальню. До сих пор на табличке еще ни разу не появлялось имя Аоки. Как и мое.

Чжэнь подает голос через стол.

- Аоки, ты рада? - она улыбается доброй улыбкой. - Наконец-то! Твой первый вызов! Это же замечательно!

Пальцы Аоки слегка дрожат. Не отрывая взгляда от таблички, она снова едва заметно кивает.

Слышится взрыв смеха. Это, конечно же, Блю.

- Кажется, наша крошка Аоки станет женщиной! - мурлычет она. - Всего в пятнадцать лет! - Она оглядывает стол, нарочно избегая смотреть на меня. - Похоже, теперь среди нас не останется девственниц?

- Ты забыла про Леи, - ядовито поправляет ее Марико.

Блю удивленно распахивает глаза, будто только что вспомнив о моем существовании.

- И в самом деле. Я постоянно про нее забываю!

Мои руки под столешницей сжимаются в кулаки. Но прежде, чем я успеваю подать голос, госпожа Эйра поднимается на ноги.

- Меня Король впервые призвал к себе через два месяца после церемонии, - мягко говорит она, ободряя меня ласковой улыбкой.

Лица Блю и Марико дружно вытягиваются.

- С некоторыми девушками Король предпочитает не торопиться, - госпожа протягивает Аоки руку. - Пойдем, милая, я помогу тебе подготовиться.

Аоки часто моргает, будто госпожа Эйра на нее накричала. Метнув на меня перепуганный взгляд, она едва слышно шепчет - так, что ее слова слышны только мне:

- Я... я сама этого хотела.

Я не знаю, кого из нас - меня или себя саму - она пытается убедить.

Ночью я не ложусь и борюсь со сном в ожидании возвращения Аоки. Чтобы скоротать время, я принимаюсь писать очередное письмо домой.

Дорогой папа,

со времени моего первого письма прошел уже месяц, а я еще не получила от тебя ни единой весточки. Надеюсь, вы с Тянь не отвечаете только потому, что наша семья прославилась по всему Сяньцзо, и в лавке нет отбоя от покупателей, так что тебе сейчас не до писем своей дочке (ты ведь еще не забыл, что у тебя есть дочка, верно?). А может, Тянь тебя совсем загоняла с работой (это еще более вероятно!). В любом случае, пожалуйста, напиши мне хоть пару строк. Я по вам обоим очень скучаю.

Жизнь во дворце расписана чуть ли не поминутно. Чтобы просто выйти из спальни, нужно соблюсти множество правил. Вообще тут все происходит по правилам. Тянь бы одобрила, она такое любит. А вот еда тут очень скучная. Я бы всю ее променяла на тарелку свинины в домашнем соусе.

Люблю вас всем сердцем,

Кисть порхает над бумагой, я борюсь с желанием писать еще и еще. Но госпожа Эйра ясно дала понять, что я не должна упоминать деталей дворцовой жизни. Да я и сама не хочу, чтобы папа и Тянь знали, как тяжело мне тут приходится. Поэтому я откладываю кисть и жду, пока тушь высохнет, а потом ласково касаюсь письма кончиками пальцев. Я провожу рукой по каждому символу, представляя, что их совсем скоро будут касаться папа и Тянь. Потом подношу письмо к губам, целую, скатываю листок и перевязываю ленточкой. Завтра утром я передам его госпоже Эйре для отправки.

Уже очень поздно. Комнату освещает лишь фонарик в углу. За окном хлещет дождь, длинные струи стекают по стеклу. Я сижу на своем матрасе, подтянув колени к груди, и думаю, что написала уже девятое письмо, но до сих пор не получила ответа.

Умом я понимаю, что не стоит искать дурных предзнаменований на пустом месте. Молчанию моих родных можно найти множество простых бытовых объяснений! Но я все равно не могу не тревожиться. Вдруг мадам Химура узнала о письмах и не дает их отправлять, чтобы наказать меня за позор в Ночь Снятия Покровов? У меня сводит желудок от чувства вины, когда я вспоминаю слова Майны на сегодняшнем занятии. Если бы я действительно старалась на уроках, может, тогда бы...

И тут я слышу снаружи легкие шаги.

Позабыв тревоги, я вскакиваю, откидывая волосы с лица, и спешу к двери. По коридору движется фигура девушки. Она ступает чуть слышно, почти беззвучно.

Аоки вернулась!

Я завязываю пояс халата и отодвигаю дверь. В коридоре холодно, воздух влажен от дождя, пол холодит босые ноги.

- Аоки! - тихо окликаю я, но девушка не останавливается.

Я спешу за ней. Она сворачивает за угол и выходит, закрыв за собой дверь, наружу - в большой сад, расположенный за Бумажным Домом. Я бегу за ней, но у двери останавливаюсь. Бумажным Девушкам не разрешается выходить по ночам, да и вообще выходить из дома без сопровождения. К тому же, если бы Аоки хотела, чтобы я за ней пошла, она бы оставила дверь открытой.

Но любопытство берет верх, и я раздвигаю дверь. Сразу за домом – аккуратно подстриженная лужайка и сад камней, а дальше – густой сосновый лес. Крыши пагод ярко блестят под луной. Я замечаю удаляющуюся фигурку за миг до того, как она исчезает под темной лесной сенью.

И это не Аоки.

Это Майна!

После дождя вышла луна, и в ее свете Майну нельзя перепутать ни с кем на свете. Высокая, широкоплечая, со спадающей на спину волной волос, с грациозной кошачьей походкой...

Я смотрю на темную стену деревьев, между которыми только что растворилась Майна, и по телу пробегают волны страха... и гнева. Если кого-то из нас поймают ночью бродящей по дому, это будет стоить ей пощечины и пяти минут нравоучений от мадам Химуры, но девушку, посмевавшую выйти наружу – одним богам известно, куда и к кому – явно ожидают более серьезные последствия.

И это после того, как Майна говорила мне об ответственности перед семьей, об осторожности!

Я на цыпочках возвращаюсь в спальню, но не могу уснуть. Перед глазами вновь и вновь предстает Майна, которая входит в лес, легко и быстро шагает между деревьями, улыбается при виде того, с кем у нее назначено ночное свидание... В моем воображении это безликий мужчина, похожий на высокую тень. Он раскрывает объятия, и она прижимается к нему всем телом, тает под его прикосновениями, и в глубине моего сердца при этих мыслях шевелится что-то темное и бесформенное.

Глава двенадцатая

До утра мне так и не удается поговорить с Аоки. Она появляется рядом со мной на крытой галерее и молча шагает, не поднимая головы, когда мы идем к озеру в южной части Женского Двора, спеша на занятие по управлению энергией *ци*. Наш наставник, Мастер Тэкоа, ждет нас на берегу. Это прекрасное солнечное утро, как часто бывает после ночного дождя. Сверкающие капли висят на кончиках листьев и карнизах, все еще темных от влаги. Однако при свете солнца особенно ясно видно, насколько измучена Аоки. Веки ее распухли, как будто она долго плакала.

Прежде, чем я успеваю хоть что-то сказать ей, вмешивается Блю.

- Крошка Аоки! - насмешливо восклицает она. - Ну как самочувствие после первой ночи? - Она ослепительно улыбается и бросает взгляд на Марико. - Удивительно, что ты вообще можешь ходить... Я боялась, что Король тебя раздавил.

Марико хихикает, но остальные девушки в этом не участвуют.

- Оставь ее в покое, - обрываю я Блю, беря Аоки за руку.

Блю поднимает брови.

- Девятая, что с тобой? Разве тебе не хочется узнать пикантные подробности? Очень странно! Я-то думала, коль скоро в твоей собственной жизни недостает *пикантности*, ты...

- Ты думала полную чушь, - перебиваю я, желая заткнуть ее как можно скорее. - Впрочем, ничего нового, с тобой это часто бывает.

Тут я замечаю, что Майна, идущая последней, кривит губы.

Блю не обращает на меня внимания.

- Ну же, Аоки, не стесняйся, расскажи нам подробности. Тут все свои.

- Да, поделись с нами! - подпекает ей Марико. - Очень больно было? Король был с тобой нежен? Или предпочел, как с ним случается, силу и натиск?

На щеках Аоки вспыхивают красные пятна.

- Это... личное, - слабо защищается она.

- Личное? Да что ты! - перебивает ее Блю с неожиданной резкостью. - Ты разве забыла, что нам говорила госпожа Эйра? Личного здесь не предусмотрено, наши жизни принадлежат королевскому двору. - И, хотя она явно издевается, в ее голосе слышатся нотки горечи. Или мне просто кажется?

- Пошли, - тяну я Аоки за руку. - Не обращай внимания. Идем со мной.

Прежде, чем я успеваю обдумать свой план, я уже разворачиваюсь к Майне.

- Ты не могла бы передать Мастеру Тэкоа наши с Аоки извинения за то, что мы пропускаем его урок? Скажи ему, что у нас обеих... особые женские дни.

Майна на миг отводит взгляд, а потом кивает.

- Спасибо, - от души благодарю я.

- Не за что, - тихо отвечает она.

Нет, я-то знаю, *есть* за что! Если Мастер Тэкоа решит проверить причину нашего отсутствия на занятии, ему будет несложно узнать, что Майна солгала. И ее накажут вместе со мной и Аоки. Но я рассчитываю, что Мастеру Тэкоа станет неловко выяснять даты наших месячных, мужчины обычно стесняются подобных тем. Мастер Тэкоа - наш единственный наставник мужского пола. Король дал ему особое разрешение входить в пределы Женского Двора, потому что на этом настояла мадам Химура, утверждая, что он

лучший во всем Хане учитель, когда дело касается энергии *ци*.

Остальные девушки все еще смотрят на нас, и на их лицах отражается сострадание. Хотя Блю и Мариико ведут себя мерзко, все прочие любят Аоки, и я вижу, что они разрываются между желанием ее утешить и страхом выступить против Блю.

Наконец от группы отделяется Ченна.

- Знаешь, - негромко говорит она, - когда у меня была первая ночь с королем, я потом проплакала до рассвета.

Глаза Аоки расширяются.

- Правда?

Та кивает.

- Все в порядке, Леи, - говорит Майна. - Ступайте. Уводи ее.

Наши взгляды встречаются, и у меня в груди словно что-то вспыхивает. Впервые Майна назвала меня по имени. В ее устах оно звучит удивительно мягко и красиво... как звук упавшей на землю капли дождя. Я снова думаю о том, как вчера ночью она уходила из Бумажного Дома по траве ночного сада. О том, ради чего она могла уходить... ради *кого*.

Я отвожу взгляд.

- Благодарю.

Мы с Аоки усаживаемся на пустой веранде ближайшего чайного домика. Веранда выходит в сад камней, в котором сейчас работает старая садовница в соломенной шляпе, сметая метелочкой пыль с камней. Когда мы садимся на скамью, она даже не оглядывается на нас.

Какое-то время мы с подругой сидим молча.

- Ты не обязана мне ничего рассказывать, если не хочешь, - нарушаю я молчание. - Я просто подумала, что тебе сейчас будет приятно побыть в стороне от остальных.

Аоки кивает.

- Спасибо тебе. - К глазам ее подступают слезы. Она вытирает их рукавом кимоно. - Ужасно глупо, - всхлипывает она. - Это ведь все равно должно было случиться... И не то что бы я не хотела! Я хотела. Я имею в виду, он же Король... Но все-таки... - она прерывисто вздыхает. - Я и подумать не могла, как это тяжело.

Я обнимаю ее за плечи.

- Ничего удивительного, что ты потрясена, - тихо говорю я. - Это ведь твой первый раз. Конечно, тебе непросто.

Она моргает мокрыми ресницами.

- А ты боишься? Ну, своей очереди?

- А ты как думаешь? Я должна бояться?

Аоки не отвечает. Она смотрит в глубину сада полными слез глазами.

- В нашей деревне был один мальчик, - говорит она наконец. - Его звали Джюн. Мы с ним вместе работали на рисовых полях. Мы не особенно-то и разговаривали, но всякий раз, когда я его видела... когда оказывалась с ним рядом... мне сразу становилось очень тепло, даже жарко, а еще я так нервничала, что не могла толком ничего выговорить. Он мне улыбался, а я краснела, как дурочка. Когда он смотрел на меня, это было как... как стоять под лучами теплого солнца. - Голос ее дрожит, по щекам струятся слезы. - Вот я, глупая, и надеялась, что с Королем будет что-то похожее.

- Может быть, потом станет лучше, и ты сможешь почувствовать что-то похожее, -

говорю я, смахивая ее слезы кончиками пальцев. – Может быть, некоторым девушкам просто нужно время, чтобы привыкнуть.

– Может быть, – шепчет она.

Но я слышу по голосу, что она сама в это совсем не верит.

Весь остаток дня Аоки остается печальной и подавленной. Я и не подозревала, насколько мое собственное настроение зависит от нее, от ее веселой болтовни, взрывов смеха. Я пытаюсь, как могу, развеселить ее, шепчу ей на ухо шуточки, стою очередной наставнице на секунду отвернуться, приношу ей пирожные *тайяки* с ореховым кремом – ее любимое лакомство. Но Аоки отвечает, что она не голодна, и это меня особенно пугает. В нормальном состоянии Аоки способна съесть десяток таких пирожных и попросить еще.

Погода словно бы отражает ее настроение – после обеда она портится, небо затянуто серыми тучами, собирается дождь. Мы спешим на последний сегодняшний урок, и едва успеваем вбежать в Бумажный Дом, как разражается гроза.

По пути в туалет я налетаю на Ченну. Она кивает мне и пытается пройти мимо, но я задерживаю ее на секунду.

– Слушай, спасибо тебе, – искренне говорю я. – Ну, за то, что было утром.

– Не за что, – улыбается она. – У меня есть маленькая двоюродная сестренка. Аоки мне иногда очень ее напоминает. Я знаю, что Аоки уже пятнадцать, но иногда кажется, что она младше.

Я киваю.

– Если бы еще Блю и Марико наконец оставили ее в покое!

– В таком же покое, в каком они оставляют всех остальных?

Лицо Ченны серьезно, и поэтому я не сразу понимаю, что она пошутила. Но наконец шутка доходит до меня, и я смеюсь.

– Да, ты права. Боюсь, этой парочке такая задача не под силу.

– На самом деле, – продолжает Ченна, – Марико не так уж плоха, когда она одна, без Блю, и не пытается ей подпевать. Но на твоём месте я бы не придавала словам Блю особого значения.

У Ченны такой вид, будто она что-то знает, но не решила, поделиться этим знанием или нет.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

Она медлит с ответом.

– Я не люблю за глаза обсуждать других людей, но... после того, как Блю постоянно... ты знаешь, кто ее отец?

Я качаю головой.

– Не особенно. Какой-то важный придворный чин?

– Не просто важный придворный чин. Он – единственный советник Короля из Бумажной касты. Даже членов клана Ханно до сих пор не допускали в королевский Совет! Все знают, как подозрителен Король, когда дело касается Бумажных кланов. Может быть, боится, что однажды они объединятся против него. Но отец Блю – особое дело. Он был изгнан из своего клана много лет назад.

– За что?

Она пожимает плечами.

- Ходят разные слухи. Но, в любом случае, сейчас он занимает важный пост при дворе, а так как он стоит вне кланов, Король доверяет ему больше любого другого представителя нашей касты.

- Но какое отношение это все имеет к Блю?

- Все только и говорят, что ее отец предложил ее Королю, чтобы получить повышение, - объясняет Ченна. - Лорд Гару был главным советником Короля, но он умер в начале этого года, и Король до сих пор не назначил преемника. - Она склоняет голову к плечу. - То, что отец Блю протолкнул ее вперед в этих выборах Бумажных Девушек, не кажется случайностью, верно?

- То есть он ради карьеры продал собственную дочь, - уточняю я.

- Сама Блю тоже так поступила бы, ни на миг не задумавшись, - отвечает Ченна.

У меня от ее слов мороз по коже. Да, я слышала от Тянь, как члены аристократических семей Бумажных кланов подкладывают дочерей в постель Королю, чтобы добиться своих целей, но одно дело - истории, а другое - слышать, как Ченна говорит об этом в открытую, просто и честно...

Вряд ли это очень приятно - когда родной отец подсовывает тебя в виде взятки. Даже такой девушке, как Блю, это вряд ли нравится.

- Ченна, - решаю я спросить, пока она не ушла. - А откуда ты обо всем этом знаешь?

Она сжимает губы.

- Король иногда любит поговорить. Особенно когда выпьет слишком много саке.

Я вспоминаю обещание, которое дала себе самой, попав во дворец. Похоже сказать мне правду о судьбе моей мамы может единственное существо на свете, которое я не хочу об этом спрашивать.

За ужином мадам Химура сообщает нам, что сегодня вечером мы все участвуем в танцевальном представлении.

- Сам Король почтит представление своим присутствием, - со значением говорит она, сверля меня взглядом желтых глаз. - Так что, будьте любезны, покажите себя в лучшем свете. Никаких ошибок.

При упоминании Короля меня бросает в дрожь. Я смотрю на Аоки, но она будто не слышит - сидит спокойно, ковыряет еду палочками, опустив глаза.

Когда мы поднимаемся, чтобы уходить, я замечаю, что Блю слегка отстала от группы. Я медлю на пороге, притворяясь, что поправляю туфельку.

- Что такое? - каркает мадам Химура, обращаясь к Блю.

Голос девушки совсем тих.

- Я... я хотела узнать, будет ли присутствовать на вечернем представлении мой отец.

- В мои обязанности не входит помнить наизусть список гостей, девочка.

- Но...

- Пошли гонца, пусть он спросит.

Блю произносит что-то совсем неразличимое.

Мадам Химура взмахивает оперенной рукой.

- Это не моя забота. Твой отец достаточно занятой человек и имеет право не отвечать на записки. Он ответит, когда сочтет нужным.

Я спешу уйти раньше, чем Блю заметит, что я подслушиваю. Я чувствую горечь,

вспоминая наш недавний разговор с Ченной. Я даже жалею, что знаю обо всем этом, потому что теперь, несмотря на мою неприязнь к Блю, я чувствую к ней кое-что новое, похуже неприязни – жалость.

Вернувшись к себе в комнату, я с помощью Лилл переодеваюсь – на этот раз в бледно-голубое кимоно с розово-бордовым воротником и необычным разрезом на боку, открывающим ногу почти до бедра. Лилл мурлычет себе под нос, похоже, у нее отличное настроение.

– Сегодня вечером, – заявляет она, – вы будете такой красивой, что Король от вас глаз не оторвет!

– Помнишь, что случилось в прошлый раз, когда ты так говорила?

Лилл бросает на меня взгляд, полный ужаса.

– Ох, госпожа, не напоминайте! Это было так страшно! – Она завязывает узел на широком поясе кимоно и добавляет: – Я тут нечаянно подслушала, что один придворный сказал мадам Химуре. – Уголки губ ее наконец снова приподнимаются.

– Ох, нет, – вздыхаю я. – Что на этот раз?

Улыбка Лилл становится широкой.

– На сегодняшнем представлении вам назначили место рядом с Королем!

Я в страхе отвожу глаза.

– Вы что... неужели не рады? – изумленно спрашивает горничная.

Я пытаюсь улыбнуться.

– Конечно, рада. Жду не дождусь.

– Не волнуйтесь, госпожа, – утешает меня Лилл, неверно понявшая отсутствие энтузиазма. – После того, как он увидит вас сегодня вечером настолько прекрасной, он непременно призовет вас в самое ближайшее время! Иначе быть не может!

Я смотрю на потолок и возношу молитвы всем богам, которые готовы меня услышать, чтобы предсказание Лилл ни за что не сбылось.

Танцевальное представление должно состояться в одном из театров Внутренних Дворов, чьи стены из темного дерева блестят от дождя, когда мы выходим из паланкинов. Снаружи шумит буря, изнутри слышатся звуки музыки – грустный перезвон струн *эрху*, трели камышовой флейты *бау*, низкий гул барабанов. Мы цепочкой входим в зал. В его центре возвышается большая круглая сцена, окруженная рядами сидений – мягких подушек. Театр ярко освещен цветными фонариками.

Госпожа Эйра прикасается к моему локтю.

– Ты идешь со мной, Леи, – с улыбкой говорит она и ведет меня в передний ряд. Места вокруг нас занимают придворные – демоны самых разных форм. Я смотрю на сцену и вижу, что она усыпана чем-то белым и сверкающим, похожим на мелкий снег.

– Это сахарная пудра, – заметив мой взгляд, объясняет госпожа Эйра.

– Зачем она нужна на сцене?

– Она будет взлетать под ногами танцовщиц и оседать на нашей коже и одежде. Главное ее назначение – украсить представление, но также она призвана и возбудить чувственность. Мужчины будут знать, что сегодня кожа их возлюбленных будет на вкус еще слаще.

Передо мной проносится ужасный образ: Король, низко согнувшийся надо мной и своим толстым бычьим языком проводящий по моей коже...

– Я... госпожа, я не могу, – вырываются у меня отчаянные слова, все тело сводит при

мысли о прикосновении Короля. – Я просто не выдержу, я...

Она крепко стискивает мою руку.

– Т-с-с, Леи! Никогда не смей произносить вслух ничего подобного. *Никогда*, слышишь? Ты поняла меня? Представь, что кто-то услышит твои слова и передаст их Королю! – она делает паузу. – Запомни, – наконец продолжает она в своей обычной ласковой манере, – даже если нечто на первый взгляд кажется тебе невозможным, сила духа способна преодолеть все.

Это старая поговорка, знакомая каждому ихаранцу. Я повторяю ее про себя, словно пробуя на вкус, ищу в ее словах утешение. По непонятной причине я думаю о Майне. О том, как часто она смотрит в никуда отстраненным взглядом во время трапез и уроков, будто обращает взор в глубину самой себя. Может быть, так она выносит близость Короля – уходя в себя? Защищая свое истинное «я», пряча его глубоко внутри, куда ему не добраться?

Я снова смотрю на Майну, которая сидит по другую сторону сцены, прямо напротив меня, и ожидаю увидеть тот же отстраненный взгляд. Однако у меня перехватывает дыхание: она смотрит прямо на меня. И глаза ее вовсе не отстраненные, а напротив, внимательные и яркие.

В этот миг по театру разносится громкий голос, разрывая наш зрительный контакт.

– Достойные члены двора, – провозглашает распорядитель, – приветствуйте Богоподобного Властелина, нашего повелителя!

Придворные падают на колени и сгибаются в поклонах. Мои щеки все еще горят после того, как наши с Майной глаза встретились. Я прижимаю к полу горячий лоб. Сначала единственными звуками, которые доносятся до моего слуха, остается шуршание ткани и стук дождя по крыше. А потом слышится тяжелый стук копыт. Король-Бык идет.

Шаги приближаются и замирают совсем рядом со мной. Я чувствую жар, исходящий от тела Короля-Демона, когда он опускается рядом со мной на колени. Он не прикасается ко мне, но его взгляд ощущается как прикосновение, его присутствие так же ощутимо, как тяжелые тучи, затянувшие небосвод, а его запах – тяжелый и острый запах быка – даже сейчас, десять лет спустя, пугает меня до оцепенения.

– Богоподобный Властелин, – шепчу я чуть слышно, вторя голосам придворных. Я слышу, как прочие поднимаются с пола и снова рассаживаются по местам, а через несколько секунд музыканты возвращаются к игре. Я тоже медленно распрямляюсь, сажусь на колени, но не могу оторвать взгляда от пола, чувствуя, что Король смотрит на меня.

– Леи-чжи, – старательно выговаривая мое имя, зовет он. В голосе его слышна тень насмешки. – Неужели я постоянно буду встречать тебя лежащей лицом вниз, на полу?

– Да, если вы сочтете, что таково мое место, – отвечаю я, стараясь, чтобы голос не слишком дрожал. И поспешно добавляю: – Мой Богоподобный Властелин.

Он раскатисто хохочет, и гул его смеха пробирает до костей. Но когда он снова заговаривает, его голос серьезен.

– Я узнал от придворных, что боги благословили тебя необычным цветом глаз. Покажи мне твои глаза.

С гулко бьющимся сердцем я поднимаю взгляд. Льдисто-голубые холодные глаза Короля встречаются с моими.

Он замирает. Не от изумления, уж тем более не от страха: нет, он весь каменеет, как кошка, которая заметила подходящую мышь. Как ветер, который утихает перед штормовым порывом. Его неподвижность словно бы передается другим – все в зале останавливается, все взгляды сосредотачиваются на нас двоих, следя, как голубые глаза встречаются с золотистыми.

Рот Короля разъезжается в довольной усмешке.

- Значит, они не преувеличивали, - бормочет он.

Я склоняю голову.

- Вы мне льстите, Богоподобный Владыка.

- По-настоящему польстить тебе я еще только собираюсь.

Я вскидываю глаза.

- Только... собираетесь?

- Ты, должно быть, волновалась, отчего я до сих пор не вызывал тебя к себе. Так ведь? - Он нагибается ко мне, так что наши лица почти соприкасаются, и проводит рукой по моей щеке. - Разве тебе не рассказывали, Леи-чжи, что самое вкусное я приберегаю напоследок?

Снова звучит голос распорядителя, провозглашая начало представления. Но Король не отводит от меня глаз, и я не смею взглянуть в сторону. Боковым зрением я замечаю танцовщицу, которая поднимается на сцену и кланяется публике. Короткая пауза, и танец начинается.

Струны звенят, девушка кружится по сцене. Красные шелковые ленты, завязанные вокруг ее запястий, летают по воздуху широкими волнами, взметая облака сахарной пудры. Высоко вскидывая ноги и руки, танцовщица порхает, как птица, окруженная красными всполохами.

Сахарная пудра оседает у нас на коже и одежде. Не разрывая со мной зрительного контакта, Король проводит по моим губам большим пальцем, и подносит его ко рту, пробуя на вкус.

- Сладко, - пыхтит он. - Очень сладко.

Глава тринадцатая

На следующий день бамбуковую табличку с именем, написанным на ней, получаю я.

За столом вспыхивает оживление, девушки разом принимаются говорить. Мадам Химура громко стучит ладонями по столу, чтобы заставить всех замолчать.

- Это что еще такое? Вы решили, что у вас тут посиделки деревенских кумушек за *маджонгом*? - глаза ее гневно сверкают. - Вы что, забыли, кто вы такие? - она указывает на дверь. - Ступайте! Госпожа Тунга ждет вас на урок!

Я поднимаюсь вместе со всеми, но она останавливает меня.

- Нет, Леи, останься.

Остальные, перешептываясь, устремляются прочь из комнаты. Аоки по пути оглядывается и ободряюще улыбается мне, и я отвечаю на ее улыбку, надеясь, что она не заметит, как дрожат мои губы. У самых дверей оборачивается и Майна. И, как прошлой ночью, когда наши взгляды встретились поверх сцены театра, в ее глазах пылает затаенный огонь.

- Удачи тебе, Леи, - говорит она. - Я буду думать о тебе.

Я ахаю от изумления, не веря своим ушам, но голос мадам Химуры отвлекает меня от раздумий.

- Итак, Король в конце концов вызвал тебя.

Я смотрю на свои колени, переплетая пальцы.

- Госпожа Эйра предсказывала, что так и будет, - продолжает наставница. - Похоже, на вчерашнем представлении Король оказался весьма впечатлен тобой. - Ее перья топорщатся. Она обходит стол и присаживается рядом. - Тут нечего стыдиться, Леи-чжи. Бояться своего первого раза - совершенно обычное дело, все девушки боятся. К тому же твоя ситуация не совсем обычная, - она делает паузу. - Твоим первым мужчиной будет сам Король. Это может особенно пугать.

Я прикусываю губу.

- А можно как-то... есть ли какой-то способ...

Она вскидывает оперенную руку.

- Не проси невозможного. Решение Короля не обсуждается. - Этой же самой рукой она неожиданно ласково трогает меня за плечо. - Когда все закончится, тебе непременно станет легче. А со временем ты даже можешь войти во вкус.

Я вспоминаю о залитом слезами лице Аоки.

- Сомневаюсь, - шепчу я чуть слышно.

Мадам Химура отдергивает утешающую руку. Ее голос снова становится привычно резким.

- Впрочем, понравится тебе или нет - совершенно неважно. Это твоя работа. И ты будешь стараться выполнять ее как можно лучше, как и прочие обязанности. И да помогут тебе боги, если я узнаю, что ты стараешься недостаточно. - Она поднимает трость и встает. - Рика! - зовет она горничную, стуча тростью об пол. - Проводи Леи на ее занятие по *йору*!

- Что такое йору? - спрашиваю я.

- Ночные искусства, - коротко объясняет она. - Нужно подготовить тебя к сегодняшней ночи.

Самого слова она не произносит - но оно и так висит в воздухе и кажется мне ледяным и

угрожающим.

Секс.

Наконец-то меня собираются наставлять в том, ради чего существуют Бумажные Девушки. Самому важному в их ремесле. И тому, что меня сильнее всего пугает.

Ночные Дома расположены в юго-восточной части Женского Двора. Они скрыты за высокими стенами и прячутся среди садов, где растет благоухающий жасмин – белый и красный. Здесь живут дворцовые куртизанки. Вскоре после приезда госпожа Эйра устроила нам своеобразную экскурсию, объясняя назначение дворцовых построек. Насчет Ночных Домов она в подробности не вдавалась, только упомянула, что нам строго запрещено туда ходить – кроме тех случаев, когда она или мадам Химура дадут на то особое разрешение. Следуя за служанкой по территории дома наложниц, я размышляю, зачем нужна такая строгость. В Ночные Дома так просто не попадешь – кроме высоких стен их охраняет множество солдат, стоящих на страже у ворот. Осеннее солнце бликует на их кожаных доспехах, в скрещенных на груди руках каждого солдата видна пара катан.

Рика, горничная мадам Химуры, помогает мне выйти из паланкина. Стража не двигается, но я чувствую взгляды, обращенные на меня. Я встречаюсь глазами с высокой охранницей – демоном-львицей. У нее приятное лицо, песочного цвета шерсть, почти такая же светлая, как кожа. Она улыбается мне уголком рта, когда я прохожу мимо, и ее улыбка кажется дружелюбной.

Я перевожу взгляд на охранницу рядом с ней, потом на следующего стража... И оборачиваюсь к Рике:

– Здесь вся стража – женщины?

Рика кивает.

– Конечно. Мужчинам, в том числе охранникам, запрещен доступ в Женский Двор.

– Но... как же посетители?

– Есть боковые ворота, соединяющие Женский Двор с Городским, – объясняет она.

Мы идем по извилистой дорожке через густой сад, на траве лежат пятна теплого света. Здесь, под деревьями, среди цветов, так мирно и уютно. Сад кажется нарочито неухоженным, деревья не подстрижены, среди них – развесистые ивы и густые кустарники с ягодами и цветами, влажно блестящими после ночной грозы. Трава усыпана красными семенами, слышатся птичьи трели, шорох листьев под легким ветерком. Я замечаю алые крыши павильонов, скрытых среди листвы. Мы проходим мимо одной из беседок, и я замечаю в ней какое-то движение. Беседка почти неразличима за высоким и раскидистым деревом гинкго, но я замечаю фигуру женщины, которая облакачивается на перила.

Обнаженную женщину.

Ее длинные черные волосы спадают почти до пола, над головой возвышается пара изящных рогов. Она откидывает голову, слегка меняет позу – и я различаю за ее спиной какого-то демона, покрытого бурой шерстью – кажется, демона-медведя. Он подходит, обхватывает ее за плечи, притягивает к себе – и она, легко перекатившись, садится на него верхом, их бедра ритмично движутся. Я не слышу звуков, но и так понятно, чем они занимаются.

Между ног у меня внезапно вспыхивает незнакомый жар. Я быстро отвожу глаза и спешу дальше, стараясь смотреть под ноги, щеки горят.

Через несколько минут сад остается позади – мы выходим на залитую солнцем площадь, на которой стоит несколько примыкающих друг к другу высоких домов. По стенам ползет красный и зеленый мох. Над дверями трепещут флажки, на каждом из которых запечатлен единственный символ: *йору*. Ночь. Из домов доносятся привычные звуки – голоса, звон посуды, музыка, приглушенный смех.

Из дверей навстречу нам выходит одинокая фигура.

- Вы опоздали.

Это демоница-собака из Лунной касты, невысокая, с пятнистой коричневой шерстью, которая кое-где начала сесть. Она сердито скрещивает руки на груди, окидывая меня взглядом. У нее длинные ноги – нечто среднее между человеческими ногами и собачьими лапами, – которые нетрудно разглядеть сквозь разрезы на ее коричневом длинном платье. И хотя у нее висячие уши, что должно было бы смягчить ее облик, суровый взгляд серых глаз начисто перечеркивает это впечатление.

Рика кланяется.

- Примите наши извинения, госпожа Ацзами.

Я открываю рот, чтобы с ней поздороваться, но она пресекает мою попытку заговорить:

- Твое дело на этих занятиях – не болтать, а слушать, – она хватает меня за руку и ведет за собой в дом. – Ты меня поняла? Только слушать. Надеюсь, ты на это способна? Сумеешь держать свой прелестный ротик на замке следующие несколько часов?

Я слегка спотыкаюсь.

- Д-да, госпожа.

- Что я тебе сказала секунду назад? Только слушать! Ох, девочка, похоже, ты не слишком быстро учишься! Будем надеяться, что у тебя есть таланты, нужные для постели, чтобы компенсировать этот твой недостаток.

Недовольно цокая языком, она ведет меня вверх по лестнице на третий этаж, а потом – по длинному коридору. Я оглядываюсь, чтобы понять внутреннее устройство дома: низкие темные переходы, двери по бокам, тени движущихся фигур за бумажными экранами, и звуки, такие незнакомые, и притом такие... узнаваемые. Тихие стоны. Страстные вскрики.

Госпожа Ацзами стучит в одну из дверей.

- Зелле! Открывай! Твоя Бумажная Девушка явилась на занятие.

Нам отвечает голос, мягкий, как шелк.

- Госпожа, неужели так трудно научиться обращаться ко мне вежливо?

- Неужели так трудно научиться просто делать, что тебе говорят? – рычит женщина-собака и открывает дверь, жестом приказывая мне войти. – У вас три часа. Самые основы. Приступайте.

Она с шумом захлопывает за собой дверь.

Передо мной, опершись на подоконник, стоит человеческая девушка примерно моих лет. Приглушенный свет из-за полуприкрытых ставней окрашивает ее стройный силуэт золотом. Высокий разрез ее атласного платья цвета полночного неба открывает длинные прекрасные ноги.

Она улыбается мне уголком губ.

- Знаменитая Девятая! Давно хотела на тебя посмотреть.

Я слегка морщусь – мне неприятно, что она называет меня прозвищем, придуманным Блю.

- Получить от вас наставления – честь для меня, госпожа Зелле, – говорю я с поклоном.

- Ох, пожалуйста, – она закатывает глаза. – Называй меня просто Зелле. Я еще недостаточно стара для «госпожи». – Она опускается на колени на устланный татами пол и приглашает меня присоединиться. – И ты наверняка тоже устала от всего этого. Госпожа такая-то, мадам ская-то... По крайней мере, моя работа не требует от меня

подобных формальностей. Разве что клиенту это нравится. – Она подмигивает.

Я не знаю, что отвечать. Так что просто осматриваюсь. Комната Зелле очень отличается от моей спальни в Бумажном Доме. На стенах висят картины и свитки с каллиграфическими символами, вокруг множество столиков и комодиков с резными ножками, из красного дерева и тика, с золотыми инкрустациями. Часть комнаты отгорожена шелковой завесой, которая слегка колеблется под ветерком из окна. За завесой видна низкая широкая кровать со множеством подушек и покрывал.

– Ты ведь из Сяньцзо, верно? – говорит Зелле. – Тогда ты, наверное, такого еще не видела.

– Вы о кровати? – я киваю. – Нет, не видела. Дома мы спим на матрасах. И тут, в наших комнатах, тоже нет кроватей.

Она фыркает.

– Это и неудивительно. Слишком удобное ложе могло бы вызывать у вас мысли о любовниках. Хотя многих девушек отсутствие кровати не останавливает.

С озорной улыбкой она смотрит на меня, и я понимаю, что невольно улыбаюсь ей в ответ. Она кажется такой дружелюбной – с этими своими яркими глазами и улыбчивым ртом.

– Ну что же, приступим, – говорит она. – Чему бы мне тебя научить?

– Госпожа Ацзами сказала – основам...

– Основы – это ужасно скучно, – отвечает она со вздохом. – Я, конечно, могу рассказать тебе, как происходит соитие, какие части тела соединяются, какова анатомия и механика секса. Но в чем его *смысл*, вот что важно. Как все это происходит, ты и сама поймешь, когда до этого дойдет дело. Секс – часть нашей природы, он естественен и инстинктивен. В нем главное – расслабиться и дать всему идти своим чередом, не держа в голове список нужных действий. Вот почему я терпеть не могу все эти формальности и этикет. Они только все портят, лишают спонтанности. Убивают страсть. – Она ненадолго умолкает. – Лучше думай о сексе как о простых действиях и ответах на них. Прикасайся и отвечай на прикосновения.

Зелле протягивает руку и берет мою ладонь. Воротник ее слегка раскрывается, обнажая ложбинку между грудей, но она этого не замечает. Она поднимает вверх рукав моего платья и проводит кончиком пальца по запястью, потом выше, до сгиба локтя. При этом ее глаза, опущенные длинными ресницами, ни на миг не отрываются от моих.

Она гладит меня по руке. Медленно. Легко. Дразняще.

Второй раз за сегодняшний день у меня между ног просыпается жар.

– Что ты сейчас чувствуешь? – спрашивает она своим шелковым голосом.

Я сглатываю.

– Я... мне приятно.

Она тихо смеется, но смех кажется добрым.

– Девятая, когда дело доходит до секса, ложь становится невозможной. Твое тело всегда выдаст, что ты чувствуешь на самом деле. – Она прикасается к моей щеке и продолжает: – Ты же чувствуешь, как загорелись щеки? – палец ее скользит по моим губам. – Губы приоткрыты, словно в ожидании поцелуя. – Палец ее опускается ниже, гладит меня и замирает под левой грудью. – Сердце бьется часто. Восторженно. А что бы я обнаружила, если бы прикоснулась к тебе между ног? В этом месте твое тело тоже выдало бы тебя?

Я отвожу глаза, стискивая зубы.

– Здесь нечего стыдиться, Девятая, – говорит она. – Со мной ты можешь быть

откровенной. Секс – это одна из самых естественных вещей на свете, наши тела созданы для него. Они жаждут прикосновений, жаждут ласки. – Чуть тише она добавляет: – Жаждут любви.

– Мое тело совершенно не жаждет встречи с Королем-Демоном.

Эти слова вырываются у меня неожиданно и звучат слишком жестко.

– Я хочу сказать, – пытаюсь я объясниться, – он ведь демон. А я... человек.

Зелле понимающе кивает.

– Многим девушкам трудно понять это – я о влечении к представителям других каст. Но, на самом деле, такое влечение не так уж редко, как тебе кажется. Не так необычно.

– В каком смысле?

– Давай посмотрим на дело так: согласно древним мифам, когда-то Лунная каста произошла от Стальной, а Стальная – от Бумажной. Так что наши различия не так уж глубоки. Мы просто находимся в разных частях одной и той же длинной шкалы, поэтому и выглядим по-разному. – Она пожимает плечами. – Мех, перья – все это лишь небольшие различия. Наша природа происходит из единого корня, и строением тел мы тоже схожи.

– Но демоны выше людей, они – высшая каста, – настаиваю я. – Как они могут вообще испытывать к нам влечение? Зачем мы им?

Выражение ее лица становится жестким.

– Отчасти дело в искушении запретным плодом. В наслаждении от самого факта нарушения правил. Даже здесь, во дворце, полным представителей Лунной и Стальной каст, многих привлекают именно нежные черты человеческих девушек. Это нечто экзотическое и потому желанное. – Помолчав, она продолжает: – Но в основном это влечение коренится в тяге к власти. Демоны могут отнять у нас что угодно – наши дома, наши жизни. Завладеть нашими телами. – На ее лицо снова возвращается прежнее спокойное выражение. – И, конечно, дело еще и в нашей особенной красоте. Я хочу сказать – кто устоит против такого? – она изящным движением откидывает волосы и подмигивает мне. – В любом случае, нас сейчас интересуют не их желания. А то, как помочь тебе без особых неудобств выдержать близость с Королем и чувствовать себя комфортно.

Я неловко ерзаю.

– Я его даже не знаю. Мы разговаривали всего один раз. И то это был не настоящий разговор. Как можно испытать влечение к тому, кого не знаешь?

– И ты, правда, хочешь мне сказать, что никогда не фантазировала о другом человеке только из-за его внешности? – она недоверчиво выгибает бровь. – Нет, не думай, что это пошло и мелко. Внешность – это куда больше, чем просто черты лица и фигура. Внешность – это то, как человек держится, кем он себя чувствует. То, как он двигается. Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Прекрасный возраст. Семнадцать! Гормоны должны играть вовсю. Наверняка порой ты просто смотришь на кого-нибудь и мечтаешь об одном – узнать его поближе. Думаешь, чем можно привлечь его внимание к себе.

Щеки горят. Это же идеальное описание того, как я веду себя с Майной!

Внезапно все мои странные чувства к ней, долгие взгляды, украденные моменты, когда я незаметно слежу за ней боковым зрением, – все это обретает смысл. И то, какой неловкой я чувствую себя в ее присутствии. И то, как я бешусь, стоит мне подумать, что у нее есть любовник. И то, как я слежу за ней в танце – и всякий раз чувствую восторг и странную, почти физическую сердечную боль...

Улыбка Зелле становится шире.

- Вот видишь, твое тело не может лгать. У тебя *кто-то* есть. Кто-то, о ком ты мечтаешь.

Я медлю с ответом.

- Но это... не Король.

- И что с того? Ты не обязана испытывать возбуждение при мысли о мужчине, с которым ты вынуждена спать. Возьми хоть моих клиентов. Большинство из них – правительственные псы, – она фыркает. – Псы в буквальном смысле этого слова. Но у меня тоже есть о ком мечтать, о ком думать, – голос ее становится мягким от этого воспоминания. – Тебе нужно найти способ возбуждать в себе эти чувства, твое настоящее влечение, даже когда ты с мужчиной, который тебе противен. Знаю, это звучит непросто, но как только ты научишься, сразу станет легко. Я покажу тебе. Раздевайся, – внезапно приказывает она.

- Чт-то? – выдавливаю я.

- Девятая, сейчас не время и не место жеманничать. Ты же помнишь, что я – куртизанка? Я видела очень много тел, и мужских, и женских. Кроме того, если тебе не под силу раздеться передо мной, как ты собираешься делать это перед Королем?

Избегая смотреть ей в глаза, я развязываю *оби*. А потом неловко стягиваю кимоно. Я стою нагишом и смотрю на одежду на полу, чувствуя себя такой же уязвимой, какой и выгляжу.

- Боги, – шепчет Зелле. – Это было так же чувственно, как удаление больного зуба. А теперь смотри внимательно.

Она слегка отворачивается, глаза ее словно подергиваются дымкой, взгляд становится отстраненным. А потом она медленно начинает раздеваться, и меня поражает ее полное преобразование. Она превращается во влюбленную женщину, полную страсти. Каждое ее движение исполнено чувственности, призыва. Дыхание учащается от желания, и кимоно скользит с ее плеч. Прежде чем опустить глаза, она бросает на меня застенчивый взгляд, приоткрытые губы зовут к поцелую.

А потом она усмехается обычной усмешкой, и иллюзия исчезает.

- Это было потрясающе! – восклицаю я, пока она одевается.

- Не сомневаюсь. Не стоит ждать меньшего от самой высокооплачиваемой куртизанки во дворце. А теперь одевайся и еще раз попробуй снять одежду. Представь, что перед тобой тот, кого ты страстно желаешь, и ты раздеваешься для вашей первой ночи. Что ты будешь при этом чувствовать? Что вы оба будете чувствовать? Представь вашу взаимную страсть, чтобы разжечь собственную.

Я закрываю глаза и пытаюсь сделать, как она говорит, думая о Майне.

Следующие несколько часов Зелле учит меня кое-каким техникам любви, рассказывает о любимых позах Короля в постели, чтоб я была к ним готова, когда придет время. Заодно она исследует мою собственную чувственность. Порой она бросает на меня такие взгляды, что мне кажется – она видит меня насквозь, читает мои мысли. Знает, о чем я думаю... вернее – о *ком*.

- У нас будут еще занятия? – спрашиваю я, когда урок подходит к концу.

Зелле кивает.

- Да, каждый раз, когда Король будет тебя вызывать. Хотя я не уверена, что мне придется многому тебя учить. Как я уже говорила, секс естествен, просто нужно практиковаться. – Она пожимает плечами. – Однако мадам Химура считает, что уроки со мной будут тебе полезны, а я этому только рада: это моя возможность провести пару рабочих часов без клиентов. – Она мягко улыбается. – С нетерпением жду нашей следующей встречи, и тогда ты мне расскажешь, как прошла твоя сегодняшняя ночь. Думаю, у тебя все получится.

Меня снова бросает в жар при мысли о руках Короля на моем теле. Но этот жар вовсе не

так приятен, как тот, другой.

- Я до сих пор не чувствую себя готовой, - говорю я.

- Я знаю, я сразу вывалила на тебя слишком много информации, - понимающе кивает она. - Ты просто помни, что это твой первый раз, и Король вряд ли ожидает от тебя особой опытности. Напротив, скорее всего, его возбуждает именно твоя невинность. - Улыбка пропадает с ее лица. - Мужчинам это часто нравится. Лишить девушку невинности - все равно что получить над ней особую власть.

- Но почему? - вырываются у меня горькие слова. Жадность мужчин к власти и так отняла у меня все, чем я дорожила в жизни - они забрали мою мать, а через десять лет вернулись за мной, чтобы лишить меня дома. - Им же и так принадлежит вся власть над нами!

Зелле смотрит на меня острым взглядом.

- Разве? Да, им нравится думать, что они тут главные, нравится приказывать нам, брать женщин просто из прихоти. Но разве это настоящая власть? Они могут отобрать у нас и сломать все, что угодно, но есть нечто, над чем они не властны. Это наши *чувства*, - объясняет она, видя мой непонимающий взгляд. - Наши чувства и мысли, Девятая. Да, мужчины платят мне за то, что я отдаю им свое тело, а Король собирается овладеть тобой без твоего желания, но никто из них не способен управлять нашими чувствами. Наши сердца и мысли принадлежат только нам. И в этом наша сила, Девятая. Никогда не забывай об этом.

Я уже стою на пороге, но оборачиваюсь, чтобы задать последний вопрос.

- Насчет моего прозвища...

Зелле кивает, догадываясь, что я хочу сказать.

- Да, я действительно услышала его от Блю. Но вкладываю в него совсем иной смысл.

- Какой именно?

- Я использую его, как комплимент тебе, - говорит она, и снова сияет озорной улыбкой.

Глава четырнадцатая

Вернувшись в Бумажный Дом, я провожу пару унылых часов в компании щебечущих горничных, которые выщипывают мне лишние волоски, полируют ногти и всячески наводят лоск, а потом меня наконец отпускают отмокать в ванне с кокосовым молоком и травами. Молоко должно смягчить мою кожу, придать ей особый аромат. Но от этого я еще сильнее чувствую себя животным, которое готовят к закланию. И пока я плаваю в ванне, меня посещает странное видение – будто благоуханная влага впитывается мне в кожу, проникает внутрь, до костей, заменяя кровь, и я становлюсь белой и пустой изнутри, оболочкой, полной ароматов, которая может исчезнуть при легчайшем прикосновении.

Потом Лилл наряжает меня в красивый *ханбок*. Длинная юбка с черно-кремовой вышивкой подвязана у меня под грудью поверх тонкой туники жемчужного цвета, с широкими ниспадающими рукавами. Волнующая смесь строгости и чувственности. Длинная юбка скрывает ноги, но облегаящая блузка подчеркивает форму груди и покатые нежные плечи. Эта одежда еще сильнее, до дрожи, напоминает мне, зачем я ее надела.

Вернее, *перед чем* я ее надела.

Лилл необычно тиха – должно быть, чувствует мое настроение. Перед выходом она кладет в изголовье моей постели травяной сбор в обертке из листьев.

– Я должна напомнить вам, чтобы вы непременно размешали это в воде и выпили, как только вернетесь, – говорит она, избегая встречаться со мной взглядом. – Обязательно нужно выпить все до дна. Даже если будет невкусно и горько.

Травы для предотвращения беременности. Конечно! Я почти забыла о них, хотя это было одно из первых указаний, данных нам госпожой Эйрой. Хотя вероятность зачатия для мужчины и женщины из разных каст очень мала, особенно если речь идет о мужчине из Лунной касты и женщине из Бумажной, все равно она существует, и, конечно, Королю вовсе не нужно, чтобы его наложницы умирали в родах. И тем более, чтобы они рожали ему бастардов-полукровок. При подобных зачатиях обычно доминирует ген старшей касты, но так бывает не всегда.

Отвага, которую придало мне занятие с Зелле, с каждым мигом убывает – ее тем меньше, чем мы ближе к Королю. Наконец Лилл на прощание желает мне удачи, и я поднимаюсь в паланкин. Возницы, демоны-антилопы, быстрым шагом проходят по погружающемуся в сумерки дворцу и вносят паланкин в Королевский Двор. Ряды охраны, окружающие королевские покои, внушают мне такой же страх, как и в первый раз. Это сплошные доспехи, блеск оружия, острые рога. Войдя, я оказываюсь в комнате, предназначенной для ритуала очищения, на первом этаже. Меня кольцом окружают имперские шаманы, они поют молитвы, и дым благовоний из их курильниц опутывает мое тело струями, похожими на петли веревок.

К тому времени, когда я оказываюсь в покоях Короля, моя паника достигает апогея и ощущается как физическая боль. Все внутри меня кричит – беги, спасайся! Скорее! Но я вспоминаю об угрозе генерала Ю, о напоминании Майны, что наши действия влияют не только на нас, но и на наших родных.

Я должна отвести угрозу от папы и Тянь, должна думать об их безопасности. К тому же мне, возможно, удастся выведать у Короля что-нибудь о судьбе мамы.

Мой эскорт в королевские покои возглавляет демонница – белая лиса, которую я сразу узнаю. Она – одна из охранников, бывших рядом с Королем в Ночь Снятия Покровов. Должно быть, она из числа его личных телохранителей. Ее без оговорок можно назвать красивой – с большими миндалевидными лисьими глазами, густыми ресницами, стройной фигурой, в которой безупречно сочетается человеческая и животная грация. Кожа ее покрыта гладкой шерстью цвета свежего снега.

Мы останавливаемся у высоких дверей из черного дерева, древних на вид. Двери идеально врезаны в массивную каменную арку. Лисица стучит в двери костяшками пальцев, и через несколько секунд они открываются. За ними виден длинный темный

коридор, в конце которого мерцает теплый свет.

Лиса оглядывается на меня.

- Ступай, Король ждет тебя.

У нее высокий ледяной голос, в котором явственно звучит презрение. Очевидно, ей противен сам факт, что ее драгоценный Король снисходит до девушек из Бумажной касты.

Я смотрю в коридор перед собой. Мне ужасно не хочется входить.

Лиса шипит сквозь стиснутые зубы:

- Ты что, раньше никогда не видела двери? Хотя да, конечно. Я забыла, что ты из Сяньцзо. Вы, деревенские *кееда*, очевидно, не можете позволить себе поставить двери в своих хижинах. - Она хватает меня за плечи и шепчет мне в ухо так, чтобы никто другой не мог слышать: - Жалкая шлюха.

С этими словами она толкает меня вперед, в туннель.

Я моргаю, когда за мой захлопывается дверь. В коридоре совершенно темно и отвратительно жарко. Я ковыляю вперед, на красноватый свет в конце туннеля, потом ускорю шаг - и наконец оказываюсь в просторном покое с высокими сводами. Красный свет, как выяснилось, исходит от множества свечей, канделябры с которыми стоят повсюду и даже подвешены в воздухе. От них исходит душное тепло и одуряющий сладкий аромат, от которого меня тут же начинает мутить. А в центре зала на золотом троне в ожидании сидит он.

Король.

Он одет в традиционные черно-золотые одежды, но сейчас его туника не застегнута на груди, так что я вижу коричнево-золотистую шерсть у него на груди и рельефные мускулы. Меня снова поражает, насколько его тело похоже на человеческое, и я вспоминаю слова Зелле о том, как мало на самом деле разницы между нашими кастами. Но потом мои глаза опускаются ниже, к мускулистым лодыжкам, которые оканчиваются серыми копытами, и я словно слышу тяжелый стук копыт десять лет назад, в тот день, когда демоны явились в нашу деревню.

Я падаю на колени.

- Бо... богоподобный Властелин, - выговариваю я, ненавидя себя за то, как жалко дрожит мой голос.

- Спокойнее, спокойнее, Леи-чжи, - говорит он мягко. - Не обязательно соблюдать все эти формальности сейчас, когда нас здесь только двое. - Его голос звучит почти ласково, но я слышу в нем скрытый приказ. Я поднимаюсь с колен, и он жестом подзывает меня к себе, указывая на столик возле трона. - Посмотри, наш главный повар приготовил нам с тобой ужин. Я потратил время на то, чтобы разузнать, какие блюда ты предпочитаешь. - Он улыбается. - У нас с тобой есть кое-что общее - я тоже обожаю засахаренный миндаль.

Стол заставлен лакомствами. Тут и маринованный угорь в желе под соусом *даши*, и блинчики с кимчи, и пальмовые плоды в вине, и жареные сырники *хоа* с сиропом и кокосовой стружкой. В центре стола - стеклянный кувшин с sake и две чашечки. Но, хотя еда выглядит изысканной, меня мутит даже от запаха - все из-за отвратительных благовоний, клубящихся в воздухе.

Низко опустив голову, я сажусь на колени на шелковую подушку напротив Короля.

- Я безмерно польщена вашей заботой, Богоподобный Властелин, - шепчу я. Он громко хлопает ладонью по подлокотнику трона.

- Ты забыла, что я только что сказал? - голос его гулко раскатывается под сводами, как будто меня окружает десяток Королей, и я сжимаюсь от страха. - Все вы, девушки, одинаковы. «Богоподобный Властелин, Богоподобный Властелин». Это утомляет. Иногда

я думаю, что все эти правила этикета придуманы с единственной целью – меня утомлять. – Он наклоняется вперед, сверля меня ярко-голубыми глазами, в золоченых кончиках рогов отражается свет свечей. – Ты знаешь, почему мой предок, первый Король-Демон из Хана, учредил этот титул – «Богopodobный Властелин»?

Я качаю головой.

Король откидывается на спинку трона.

– Понимаешь, другие вожди и предводители кланов остаются в истории под обычными именами, под именем своего рода, чью власть они унаследовали. Это легкий путь к славе, к уважению народа. Однако же это означает, что кто угодно может создать себе великое имя. После своей победоносной Ночной Войны Король-Бык решил полностью поменять эту традицию – вместе со своим именем. Для него это был важный символ, способ навсегда сменить свой статус. Теперь и он, и его потомки стали из обычных смертных всемогущими Королями-Демонами, равными богам, – губы его уродливо кривятся. – Но скажи мне, Леи-чжи, что проку быть богом, о котором его собственный народ ничего не знает? – Он громко фыркает. – Поклоняться такому богу – все равно, что поклоняться призраку.

Я пытаюсь улыбнуться. Ах, как было бы прекрасно, будь ты и правда призраком, в отчаянии думаю я.

– А знаешь ли ты, – продолжает он, – что сыновья королей до восшествия на престол именуется всего лишь по очередности рождения? До того, как я унаследовал власть от моего отца, я звался Третьим Сыном. *Третьим сыном!* – он снова ударяет по подлокотникам, и звук удара раскатывается по залу, как раскат грома. – Это все равно, что называться «третьим по качеству»!

Тон его слегка смягчается, и я слышу в его голосе странные нотки, некоторый надлом, и кроме гнева – тень еще какого-то чувства. Сожаления? Страх?

Прежде, чем я успеваю дать этому чувству определение, Король вновь растягивает рот в широкой неискренней улыбке.

– Ладно, довольно об этом. Давай ужинать.

Я протягиваю руку к кувшину, чтобы налить ему sake, но он опережает меня.

– Нет, Леи-чжи, сегодня ты у меня в гостях. Позволь мне поухаживать за тобой.

Я бледно улыбаюсь, а он разливает sake по чашечкам. Протянув одну мне, он на миг прикасается к моим пальцам, и от прикосновения его волосатых рук меня бросает в дрожь. Король залпом осушает свою чашку. Я пытаюсь подражать ему – нам говорили, что это дань уважения, но не могу сразу выпить так много. Моя чашка опустела наполовину, а горло уже сжимается от крепкого напитка, и я быстро отставляю sake, глаза слезятся.

Он поднимает бровь.

– Ты что, не пьешь?

– Простите, я пью очень редко и по особым случаям. Нам не позволено употреблять алкоголь.

– Порой нарушать правила просто необходимо, – говорит он, снова улыбаясь во весь рот. – Мне вот не позволено покидать Внутренние Дворы без сопровождения стражи. Но у меня есть свои способы нарушить этот запрет.

Это звучит как угроза. Я болезненно чувствую свою уязвимость, моя кожа кажется мне слишком открытой его взгляду, туника – слишком прозрачной. Я перекидываю волосы на грудь, словно пытаюсь ее прикрыть.

– Не нужно.

Я замираю от его приказа.

- Тебе больше идет, когда волосы зачесаны назад. Тогда они не заслоняют всей красоты. И лучше видны твои глаза.

Я опускаю руки, позволяя ему разглядывать меня. Зал неожиданно кажется очень тесным, Король сидит слишком близко, и я едва могу дышать.

Следующие полчаса я пытаюсь хоть что-то съесть, заталкивая в себя крохотные кусочки каждого блюда. Вкуса я почти не чувствую – язык пересох, горло сжимается. Король говорит не умолкая. Сосредоточиться на его словах у меня не выходит, как и на вкусе еды. Я слишком занята борьбой с подступающей тошнотой. А еще лихорадочно думаю о том, как спросить его о маме. Но внимание мигом обостряется, когда Король упоминает генерала Ю.

- ...его подарок. Признаться, я был порядком удивлен. Я не ожидал от него многого, особенно после его провала в битве при Цзяне.

Я проглатываю кусочек пирога, который так и не удалось прожевать.

- Богоподобный Властелин, – выговариваю я, но умолкаю под его гневным взглядом. – Простите... я хотела сказать, мой Король...

Похоже, я угадала с обращением. Он подается вперед, на лице написано удовлетворение.

- Да?

- Насчет генерала Ю. Если вы позволите мне задать вам вопрос... По дороге, когда он вез меня сюда, он упомянул... упомянул одну давнюю экспедицию в мою деревню. Это было десять лет назад. – Я облизываю губы, борясь с дрожью в голосе. Голос предает меня всякий раз, стоит мне заговорить о том дне. – Мне просто интересно, вдруг...

Лицо его каменеет.

- С чего бы тебе это было интересно? – рычит он – прежде, чем я успеваю закончить фразу.

- О нет, я только... Только надеялась...

- Леи-чжи, в королевстве нужно поддерживать порядок. Или ты полагаешь, что я намерен позволять своим подданным вести себя, как им вздумается?

- Нет, конечно же, нет...

- Не смей меня недооценивать. Возможно, я молод, но я отлично знаю, что такое – быть Королем и как править. Я рожден для этого. И мне не нужна Бумажная Девушка, задающая глупые вопросы о вещах, о которых она не имеет никакого понятия.

Под пеленой страха во мне пробуждается гнев. Это я-то не имею *никакого понятия* о тех событиях в моей родной деревне?

Я снова облизываю губы. А потом говорю – очень осторожно, чтобы его не разозлить:

- Простите меня, мой Король. Но... в той экспедиции была увезена моя мать.

Несколько секунд тишины.

- Ну что же, жаль ее, – говорит он наконец.

- Вы не знаете, что с ней случилось? – настаиваю я. – Мне бы так хотелось узнать о ее судьбе. Просто для собственного спокойствия.

Сначала я думаю, что он не собирается отвечать. А потом он слегка склоняет голову, и золоченные рога ловят красный свет свечей.

- Попробуй проверить список куртизанок в Ночном Доме, – предлагает он. – Если ее привезли во дворец, она должна была оказаться именно там.

Я низко кланяюсь – главным образом для того, чтобы скрыть вспышку надежды, охватившей меня при этих словах, и невнятно лепечу слова благодарности.

– Вот видишь, – тихо говорит Король. Я слышу шорох одежды, он поднимается с трона. – Я добр и милостив к своим Бумажным Девушкам, если они милы со мной. А теперь пойдем, Леи-чжи. Пора в постель.

Он протягивает руку, чтобы помочь мне подняться, и у меня нет выбора, кроме как принять ее. Моя ладонь кажется такой маленькой в его лапище. Его огромные пальцы смыкаются вокруг моей руки, и кажется, что пол под ногами качается, и мне страшно вставать. Однако я поднимаюсь, опираясь на его руку вопреки своей воле, потому что боюсь, что ноги меня не удержат.

Его спальня находится дальше в глубине здания, словно еще одна пещера. Большую часть ее занимает огромная кровать, на столбиках по углам висят амулеты и медные колокольчики, о назначении которых я могу только гадать. Потом я понимаю, что спальня вовсе не так велика, какой показалась сначала, – просто и стены ее, и потолок покрыты зеркалами. Зеркала очень разные – есть разбитые и старые, в тяжелых древних рамах, есть треснувшие, есть и гладкие, как неподвижная озерная вода. В них отражается все вокруг, как в гигантском калейдоскопе образов: мерцание свечей, рисунок мышц на голой груди Короля, мое белое от ужаса лицо, которое я пытаюсь отвернуть в сторону.

– Смотри на меня, – низко рычит он.

Я повинуюсь, сердце бешено колотится.

Мозолистые пальцы гладят меня по щеке.

– За пятнадцать лет своего правления я переспал со столькими женщинами, – шепчет он, продолжая движение – вниз по моей шее, к вороту туники, к поясу юбки. – И все равно, всякий раз нахожу в каждой следующей женщине что-то новое. Я пришел к выводу, что от красоты нельзя устать. И что желания невозможно обуздать.

Да, ты прав, думаю я. Мне не под силу обуздать желание оттолкнуть его прочь, завизжать ему в лицо от отвращения. Однако страх приковывает меня к месту.

Он начинает развязывать мой пояс.

– Прошу вас, – выдыхаю я в отчаянии. – Пожалуйста... Не надо...

– Не смей приказывать Королю! – яростно ревет он мне в лицо. И срывает пояс одним движением. Юбка скользит вниз. Из груди вырывается полувсхлип-полувскрик, и я хватаю его за руки, пытаюсь остановить. Он с легкостью отталкивает мои ладони, цепляет пальцем ворот туники и разрывает ее сверху донизу.

Слезы струятся по щекам. Я пытаюсь прикрыться руками, но он без малейших усилий хватается меня и швыряет обратно на кровать. Колокольчики на ее столбиках жалобно звенят. Король начинает раздеваться, и я зажмуриваюсь. Его тело все покрыто шерстью, мускулы бугрятся, как толстые канаты, он страшно твердый – и самая твердая часть его тела сейчас прижимается к моему бедру.

– Интересно, такая ли сладкая, как вчера вечером, – бормочет он.

Я стискиваю зубы, когда его губы прижимаются к моей шее. Он лижет мою кожу языком, шершавым и грубым. Вся кровь моя кипит от омерзения. Я пытаюсь бить его в грудь кулаками, но это бесполезно – он слишком велик, слишком тяжел. Его мокрый рот движется все ниже, к груди. Тело пронизывает острая боль, когда он внезапно кусает мой сосок.

Один из его рогов, острый, как нож, беззвучной угрозой упирается в горло.

Все ужасно. Все просто чудовищно. Мне не помогут наставления Зелле – детские ужимки перед лицом ужасной реальности, куда более отвратительной, чем я могла себе представить. Я отчаянно пытаюсь думать о Майне, но не могу даже представить ее лица. Меня душат слезы, грудь часто вздымается, и теперь я окончательно понимаю, что не

смогу. Не вынесу этого. Если протерплю еще хоть секунду, то просто умру.

Король лижет мой живот, раздвигает ноги. Потом он чуть отодвигается, чтобы сменить позу, центр тяжести смещается – и этого достаточно, чтобы изо всех сил ударить его в грудь и столкнуть с себя в сторону.

Я скатываюсь с кровати и ударяюсь об пол спиной, вскрикнув от боли. Кое-как поднимаюсь на ноги. За спиной слышится яростный рев Короля, от которого я содрогаюсь до костей, но я уже бегу, бегу со всех ног, обгоняя его, вылетаю из спальни, пробегаю гостиную, за мной облаком несется отвратительный дым благовоний. Я несусь по темному коридору, всем телом ударяюсь в дверь, распахивая ее, мчусь мимо охранников и слуг, которые изумленно ахают, не успевая заступить мне дорогу. Моя единственная мысль, единственное желание – скорее, скорее вон отсюда...

Что-то тяжелое с силой ударяет меня по затылку.

Я падаю на пол, и проваливаюсь во тьму.

Глава пятнадцатая

Когда я была маленькой, мама учила меня древнему испытанному способу справляться с тяжелыми ситуациями.

- Все дело в балансе между инь и ян, - объясняла она. - Ты должна просто научиться управлять своей энергией. Когда ты злишься или огорчаешься, на миг остановись и закрой глаза. Медленно вдохни и представь, что ты вдыхаешь яркий золотой свет, такой же прекрасный, как цвет твоих глаз. Вдохни его глубоко, позволь ему проникнуть в твои легкие, наполнишь тебя изнутри. А потом выдохни, представляя, что выталкиваешь из себя тьму, которая была у тебя внутри - твое горе, твой гнев, чем бы это ни было. Представляй, что тьма оставляет твоё тело вместе с выдохом, а её место занимает золотое счастливое сияние. Давай попробуем сделать это вместе.

Примерно так я с тех пор и представляю себе счастье - как легкий золотой свет, нечто, что можно по собственной воле вызвать на защиту от тьмы, отравляющей меня изнутри. Но когда я прихожу в себя, память о руках Короля на моем теле оказывается такой отчетливой, что, кажется, она теперь всегда будет со мной. Это не просто маленькое облачко тьмы, которое можно выдохнуть.

Это бесконечная беззвездная ледяная ночь.

Я прихожу в себя медленно и не могу понять, где нахожусь. Я лежу на матрасе в незнакомой комнате. Кто-то передел меня в ночную рубашку, её чистая ткань холодит кожу. Наверное, я опять оказалась в Бумажном Доме, в какой-то незнакомой его части. Комната маленькая, просто обставленная. Через решетку наверху раздвижной двери-шоджи проникает свет фонаря. В доме тихо, в комнате темно. Ночь еще не кончилась.

Какое-то время я просто лежу неподвижно, чувствуя себя выжатой, опустошенной. Тело глухо болит после удара от падения с кровати, и затылок тоже ноет. Я вспоминаю тот внезапный треск, вспышку темноты. Кто-то из стражи, очевидно, ударил меня сзади.

Вспышка гнева. Понятно, кто это был. Та лиса-охранница, я готова в этом поклясться.

Морщась от боли, я пытаюсь сесть, но что-то не дает мне подняться. Только тогда я замечаю золотые браслеты на запястьях и щиколотках. Они выглядят небольшими и даже изящными, но они такие тяжелые, что я едва могу пошевелить рукой или ногой. Это работа шаманов. Я все-таки умудряюсь сесть, на этот раз осторожно, оставив руки лежать вдоль тела.

В коридоре слышатся быстрые шаги и голоса.

- Прошу вас, дайте ей немного оправиться...

- Вы с самого начала миндальничали с этой девчонкой, и вот чего вы добились! Неважно, что там говорил Король - она заслуживает хорошего урока! Можете себе такое представить - отказать Королю?! Кем она себя вообразила?!

- Она была напугана...

- И что с того? Все они поначалу напуганы, а потом привыкают! Другим это не мешает исполнять свой долг!

Дверь с грохотом отъезжает в сторону, и в комнату врывается мадам Химура. За ней едва поспевают госпожа Эйра. Я вжимаюсь спиной в стену, но женщина-орлица набрасывается на меня, как ураган, одной рукой хватая за ворот сорочки, а другой отвешивая такую пощечину, что голова откидывается назад.

Звук удара раскатывается по комнате.

- Тебе повезло, что он не убил тебя на месте! - кричит она, брызгая слюной мне в лицо. - Тупая девчонка! Ты что, всерьез думала, что тебе удастся отлынивать от работы? Что ты выше этого, что ты особенная? Это мы разбаловали тебя! Как ты посмела? Ты нас опозорила перед Королем - после всего, что он для тебя сделал!

Она снова бьет меня по лицу, металл ее колец раздирает кожу на щеке, я чувствую щекочущую струйку крови.

- Вы ее убьете! - кричит госпожа Эйра.

- Она заслужила!

Еще удар.

Рот наполняется кровью, боль вспыхивает, как молния.

- Вы раните ей лицо!

- Подумаешь! Позову шамана, и он ее живо подлатает! Будет как новенькая, такая же красotka - только, надеюсь, уже не такая дура!

Крыло мадам Химуры взлетает - она снова бьет меня. И снова. И снова. Она бьет меня, пока у меня не темнеет в глазах, и я не начинаю хрипеть и задыхаться. В ушах стоит звон, все вокруг расплывается. Когда я уже на грани потери сознания, она швыряет меня на пол.

Я сжимаюсь в комок, ожидая новых ударов. Но избиение, похоже, закончилось. Я пытаюсь взглянуть вверх сквозь распухшие веки.

- Я... простите меня, - бормочу я разбитыми губами.

- Не смей даже подавать голоса! - раздуваясь от гнева, мадам Химура склоняется надо мной, тычет острым пальцем в грудь. Ее желтые глаза сузились до щелочек. - Просто слушай, я расскажу тебе, что теперь с тобой будет. Единственная причина, по которой Король не приказал убить тебя на месте, - то, что он еще надеется найти тебе применение. Он всего лишь приказал поместить тебя в заключение на неделю, без еды и посетителей. Даже не думай о том, чтобы пытаться сбежать. Зачарованные браслеты не дадут тебе этого сделать, кроме того, комната будет постоянно охраняться снаружи. Через неделю ты вернешься к обычному расписанию. Когда Король пожелает, он снова призовет тебя к себе, и на этот раз ты будешь вести себя как подобает, ясно? - голос ее хлещет, как кнут. - А я еще пыталась тебя утешить и подбодрить. Больше не жди от меня доброты.

И, развернувшись, она с шумом выходит из комнаты.

Госпожа Эйра ненадолго задерживается. Она тихо подходит ко мне и помогает перебраться с пола на матрас. Накрывает одеялом. Кладет легкую руку на лоб, стараясь не задевать следов ударов.

- Ох, Леи, - вздыхает она. - Что же ты наделала?

- Я просто не могла... этого вынести, - шепчу я. Говорить разбитыми губами больно, каждое слово дается с трудом. Я облизываю губы, чувствуя вкус крови.

- Но тебе придется научиться, дорогая моя девочка. У тебя нет выбора.

- Пожалуйста. Скажите мне честно. Потом... станет легче?

Она гладит меня по волосам и отвечает:

- Да. Потом станет легче. Клянусь тебе.

Я смотрю мимо нее, не в силах поверить.

- Эйра! Не отставайте!

Поднимаясь на зов мадам Химуры, госпожа Эйра грустно улыбается мне.

- Мне очень жаль, Леи, - говорит она чуть слышно. - Но я ничего не могу поделать. Не могу послушаться приказа Короля. Тебе придется найти способ справиться с собой.

Я хватаю ее за руку.

- Мой папа... и Тянь... Скажите, госпожа, им ничего за это не будет? Их никак... не накажут?

Она медлит с ответом. Потом говорит:

- Думаю, нет. По крайней мере, при нас Король ничего такого не говорил.

Меня охватывает огромное облегчение. Я спрашиваю:

- Вы не знаете, гонец точно доставил им мои письма? Я пока не получила ни строчки в ответ, а прошло уже больше месяца...

Она мягко забирает у меня свою руку и идет к двери. С порога отвечает:

- Я непременно расспрошу гонца о твоих письмах. А теперь я должна идти.

Дверь за ней закрывается, и я слышу снаружи тяжелые шаги - это стражник заступает на пост.

Я закрываю глаза, стараясь дышать ровно и размеренно. Вдыхай свет, выдыхай тьму, говорю я себе, сосредоточиваясь на вдохах и выдохах. Папа и Тянь в порядке. Им ничего не грозит. А у тебя появился способ узнать что-то о маме. Все не так плохо. Вдыхай свет, выдыхай тьму.

Но как я ни пытаюсь, ничего не получается. Я вдыхаю и выдыхаю сотни раз, но мои легкие все равно наполнены тьмой.

Ночью мне снится дом.

В кои-то веки сон не кошмарный, а тихий и спокойный. Лоскутное одеяло моментов моей прошлой жизни, маленький мир, в котором я жила до отъезда во дворец. Листья, шумящие на ветру в нашем саду. Запах трав. Легкие шаги Тянь по половицам. Покашливание из комнаты наверху... Папа? А может, даже мама, может, ее еще не забрали? Я стою посреди всего этого и ловлю смутное эхо, не в силах сдвинуться с места, и чувствуя теплые слезы в уголках глаз.

Как странно устроено время. В детстве в будни в нашей лавочке бывали такие длинные дни, тянущиеся бесконечно, густые и плотные, как патока. Другие дни - например, праздники и деревенские фестивали - пролетали стремительно, были острыми и хрупкими. Я просто летела по ним вперед, как по тонкому льду, который трескался под ногами, не успеешь оглянуться - а дня уже нет.

Время, которое я провожу взаперти, тянется ужасно медленно. Я даже начинаю забывать, как жила до заключения. Меня постоянно терзает голод. Каждый день мне выдают небольшой кувшинчик воды, и я выпиваю ее так быстро, что даже не успеваю почувствовать облегчения. Вода слегка утишает боль в желудке, но все равно мне постоянно плохо, будто кто-то вырезал у меня все внутренности, и осталась лишь огромная сосущая пустота.

А еще я страшно скучаю. По девушкам. Конечно, не по Блю или Марику - но по всем остальным. С начала жизни во дворце я ненадолго оставалась в одиночестве только по ночам, в остальное время меня всегда окружали женщины. Но даже ночью я слышала звуки из соседних комнат - тихое посапывание спящих девушек, чье-то бормотание во сне, ощущала их присутствие, сны, порхавшие у них под веками. Я даже не подозревала, как нуждаюсь в присутствии других, пока его не лишилась.

Это осознание внезапно приводит меня к мысли, что я, похоже, успела обзавестись здесь домом. Непонятным образом эти стены, эти комнаты стали для меня такими же знакомыми и уютными, как родительский дом в Сяньцзо. А заодно и девушки, которые живут здесь вместе со мной. Хотя я до сих пор не смогла отыскать маму, я нашла тут нечто другое, а именно - друзей. Что-то вроде новой семьи, хотя и странной, и полной недостатков, порой очень раздражающей... но своей.

Но все-таки это семья. И дом.

Чувство вины накатывает на меня с такой силой, что я сгибаюсь пополам и стискиваю

зубы, чтобы не разрыдаться.

На четвертую ночь заключения я пытаюсь заснуть. Весь день стояла ужасная жара, в моей комнате нет окон, а без них ужасно душно. Чтобы хоть немного охладиться, я лежу на полу, расстегнув сорочку и умоляя богов послать хотя бы легчайший прохладный ветерок. Я лежу на спине, глядя на потолок полуприкрытыми глазами. Слышен звон цикад в высокой траве снаружи – единственный звук, нарушающий безмолвие ночи. Так что, когда за дверью раздаются тихие шаги по коридору, я сразу их слышу.

Я с трудом сажусь на полу – мешают тяжелые зачарованные браслеты на руках и ногах. Несколько секунд ожидания. Ничего не происходит. Потом опять легкое движение в коридоре.

Кто-то приближается.

Мое сердце колотится где-то в горле. Вдруг это Король-Демон? Он говорил, что у него есть свои способы проникать всюду... Проникать в Женский Двор... Может, ему не терпится, и он хочет сейчас же силой взять у меня то, в чем я ему отказала? Стиснув зубы от усилия – браслеты-оковы очень тяжелы, – я кое-как поднимаюсь на ноги. Даже если он собирается меня убить, я встречу смерть стоя. Но когда дверь отъезжает в сторону, в нее протискивается кто-то гораздо меньше и изящнее Короля... и в миллион раз прекраснее и желаннее.

– Лей? – шепчет в темноте женский голос.

– Майна... это ты?

Я делаю шаг ей навстречу, но оковы тянут меня к земле, и я снова падаю. Колени подгибаются, и Майна подхватывает меня, не давая удариться об пол. Сильная рука направляет и помогает осторожно сесть. Она не сразу отпускает меня, и я вздрагиваю от ее неожиданной близости. Ее руки держат меня, прикасаются ко мне... от ее кожи и волос исходит чистый запах моря, от которого мне снова хочется дышать полной грудью.

– Что ты здесь делаешь? – шепчу я. – Тут же охранник... он может вернуться в любую секунду...

Она качает головой.

– Нет, у нас есть немного времени.

– Откуда ты знаешь?

– Я следила за ним, – просто отвечает она, словно это какая-то мелочь. Как будто шпионить за королевским стражником – совершенно обычное дело. – Он отлучается по ночам примерно на полчаса или час. – Пауза. – Он встречается со своей девушкой.

– Это одна из наших?

Майна не отвечает. Вместо этого она вынимает из кармана небольшой сверток в банановых листьях.

– На. Ты, наверное, ужасно голодная.

Наши пальцы соприкасаются, когда она передает мне сверток. Я разворачиваю листья – внутри горстка риса, присыпанная жареными орехами, и маленькая жареная рыбка. От запаха риса в кокосовом молоке, горячего и сладкого, рот наполняется слюной. Никогда в жизни я не чувствовала настолько аппетитного запаха.

– Даже не знаю, что сказать, – шепчу я, борясь с желанием немедленно проглотить еду, не жуя.

– И хорошо, – улыбается Майна. – Потому что сейчас тебе не нужно говорить. Тебе нужно есть.

Что-то в ее лице кажется мне новым, незнакомым... И я понимаю, что впервые вижу ее настоящую улыбку. Такую искреннюю, открытую.

Улыбка полностью преображает ее. Маска холодной неприступности, которую она никогда при мне не снимала, исчезает, и лицо озаряется светом – таким прекрасным, что от него слепит глаза. Как сияет ее взгляд... Боги, оказывается, у нее ямочки на щеках...

- Что такое? – спрашивает она, приподнимая бровь.

- Ничего... просто до сих пор я никогда не видела тебя счастливой, – шепчу я, и ее улыбка тут же гаснет. Я каменею. – Я сказала что-то не то? Прости...

Она отводит взгляд.

- Наверное, у меня здесь, во дворце, еще не было причин быть счастливой, – отвечает она. А потом снова смотрит на меня, кивая на еду. – Ешь скорее, а то не останется времени на десерт.

Теперь моя очередь удивленно поднимать брови.

- Ты принесла еще и десерт!

Она кладет мне на колени еще один сверток из листьев.

- Думала, ты им обрадуешься. Я же помню, что провинция Сяньцзо славится этими сладостями, они известны по всему королевству.

Я разворачиваю листья – внутри словно сверкают маленькие самоцветы. Это наши знаменитые кокосовые сладости *квей* – зеленые с белым, яркие и красивые. Последний раз я ела их на завтрак в тот самый день, когда демоны забрали меня из дома.

Эмоции душат меня, так что я даже не могу говорить.

Наконец мне удается прошептать:

- Спасибо.

- Не за что.

- Майна... Ты пробралась сюда посреди ночи, послушалась мадам Химуру, не говоря уж о Короле, только ради того, чтобы принести мне еды, которую ты для меня украдала... и ты говоришь *не за что*?..

Она снова улыбается той самой ослепительной улыбкой, похожей на солнечный свет, освещающей все ее лицо.

- Ну, когда ты описываешь это так серьезно, получается, как будто и правда *есть за что*.

Она тихо смеется, но я не в силах вторить ее смеху.

- Почему ты это делаешь? – спрашиваю я.

- Что именно?

- Носишь маску непроницаемости перед остальными. – Она хочет что-то сказать, но я не даю ей: – Разве тебе не хочется ни с кем из нас сблизиться? Узнать нас?

- Конечно, хочется.

- Тогда зачем ты нарочно отстраняешься?

Она медлит с ответом.

- Перед тем, как попасть сюда, – говорит она наконец, – я обещала себе, что не буду заводить друзей во дворце. Думала, если я от всех закроюсь, будет легче. Легче пройти через... все, через что я должна пройти – в одиночестве.

- Тогда почему ты все же решила помочь мне?

Ее глаза вспыхивают.

- Потому что ты *пыталась*. Ты проявила отвагу. Наши жизни здесь полностью зависят от других, все решения приняты за нас, каждый поворот наших судеб предрешен кем-то еще. Но ты осмелилась поднять голову и сказать «нет». Даже понимая, чем тебе это грозит. Ты - цельная личность, Леи. Ты боролась и дала бой судьбе. Это достойно уважения.

Я опускаю глаза.

- Боюсь, моя попытка ничего не даст. Король... однажды он снова вызовет меня, и на этот раз я уже не смогу ему отказать. У меня не хватит решимости.

- Не стоит недооценивать то, что ты уже сделала, - резко отвечает она. А потом осторожно берет меня за руку.

Странный, неловкий миг. Я настолько смущена, что почти отстраняюсь - от неожиданности больше, чем от чего-либо другого. Но потом мы обе расслабляемся, и наши пальцы переплетаются, и это настолько естественное, прекрасное, необходимое движение, будто мы проделывали это уже тысячи раз. Наши руки так подходят друг другу. В пожатии столько нежности. Пульс Майны учащается, я это чувствую, и моя кровь тоже начинает бежать быстрее.

- Ты воспротивилась Королю-Демону, Леи. Во всем королевстве не так много людей, которые на это осмеливаются... не говоря уже о Бумажных Девушках.

Она размыкает рукопожатие, но моя кожа горит, храня память о ее прикосновениях.

Пока я ем, мы шепчемся. Впервые между нами нет стен, на наших лицах нет масок. Я рассказываю Майне о своем прошлом, а она - о своем: о том, как ее отец обещал отдать ее в наложницы Королю еще до ее рождения. Я не могу себе представить, каково это - расти, зная, что тебя ожидает такое. Никогда не чувствовать вкуса свободы, не думать, что сама со временем выберешь свой путь, не ощущать солнечного ветра воли.

- А как бы ты хотела жить? - спрашиваю я. - Кем бы хотела стать? Ну, если бы тебя не выбрали в Бумажные Девушки?

- Я... я никогда не задумывалась об этом.

- Но ведь чего-то тебе наверняка хотелось просто так, для себя. У тебя есть какие-то желания, увлечения...

- Нет у меня никаких увлечений.

Она произносит это так серьезно, что мне хочется смеяться, но я успеваю взять себя в руки.

- То есть как? У всех на свете есть увлечения! Даже у меня, хотя мне почти все время приходилось проводить в нашей лавочке за работой. Все равно оставалось столько вещей, которыми я с радостью занималась, когда было свободное время. Я обожала играть со своим песиком Бао, готовить вместе с Тянь...

Майна отводит взгляд.

- Дело в том, - произносит она напряженным голосом, - что у меня не было свободного времени.

Не в первый раз я задумываюсь над тем, какой символ был заключен в ее медальоне Дня Благословения. Майне уже девятнадцать, она на два года старше меня. А значит, она уже открывала свой медальон, уже прочла знак своей судьбы. Я пытаюсь представить ее реакцию, когда золотая подвеска раскрыла тайну. Увидела ли она внутри что-то неожиданное, или, напротив, узнала подтверждение своей судьбы, которую и так чувствовала? Знак горького рока или истину, которую она и прежде носила в сердце, всегда ощущала, как боль в глубине костей. Но спрашивать о том, что за знак был скрыт в медальоне Благословения, совершенно недопустимо. Это один из самых личных вопросов, которые вообще можно задать, так что я прикусываю язык и обуздываю

любопытство.

Перед тем как уйти, Майна предусмотрительно собирает пустые банановые обертки и прячет за пазуху. Это мера предосторожности – чтобы мадам Химура ничего не заподозрила.

– Теперь мы можем быть полностью откровенными друг с другом? – спрашиваю я с надеждой, когда она поднимается на ноги.

Тяжкий момент ожидания ответа... Наконец Майна кивает.

Я перевожу дыхание.

– Тогда, я думаю, тебе стоит знать, что я... я однажды видела, как ты ночью покидаешь Бумажный Дом. Это было несколько ночей назад, точно не помню. Ты тогда скрылась в глубине парка.

– Ты *следила* за мной?

Ее голос звучит так резко, что причиняет боль. Я отшатываюсь и быстро отвечаю:

– Нет, конечно, нет! Я случайно увидела тебя с веранды. Я не знаю, куда ты ходила...

– Вот и хорошо, – так же резко бросает она.

У меня загораются щеки.

– Я заговорила об этом только потому, что ты подвергаешь себя опасности. Если бы тебя поймали...

– Я отлично знаю, что может случиться, если меня поймут.

– Ну, тогда я просто попрошу тебя быть осторожной.

– Я всегда осторожна.

Я моргаю.

– Всегда – это значит, что ты постоянно совершаешь такие вылазки?

Она смотрит в сторону, сжав губы, ее спина и плечи каменеют, словно она превратилась в статую.

– Совершаешь и собираешься продолжать, – несчастным голосом говорю я, осознавая правду.

Ее молчание служит мне ответом.

– Ты... ты с кем-то встречаешься в парке? – мне безумно трудно задать этот вопрос, слова словно душат меня изнутри.

– Конечно нет, – быстро отвечает она, глядя мне прямо в глаза.

– Тогда что же ты там делаешь, Майна? Ради чего можно так рисковать? Если мадам Химура узнает...

Между нами повисает молчание.

– Я не могу тебе сказать, – наконец отвечает она. И приближается на шаг. – Прости, Леи. Прошу тебя, просто забудь, что видела меня тогда, и никому об этом не говори. Можешь сделать это для меня? – Так как я молчу, она добавляет уже мягко: – Неужели тебе никогда не приходилось хранить тайны, которые ни за что нельзя раскрывать?

Да! – рвется у меня из груди ответ. Такая тайна – мои чувства к тебе.

Вместо этого я отвожу глаза.

Еще шаг – и Майна оказывается совсем рядом. Ее пальцы снова касаются моих.

- Леи, так ты все осложняешь для меня, - тихо говорит она. - Ты это знаешь?

И, не дожидаясь ответа, она приоткрывает дверь и выскальзывает наружу.

- Нет, - шепчу я ей вслед, снова оставшись в одиночестве, во тьме и духоте. - Это ты...
ты все осложняешь для меня.

Глава шестнадцатая

Лилл с заплаканными глазами приветствует меня, когда я, спустя еще три дня, возвращаюсь из заключения.

Едва я переступаю порог своей комнаты в Бумажном Доме, как она бросается обнимать меня, и ее оленьи ушки щекочут мне щеки.

- Госпожа Леи! Как я рада снова вас видеть живой и здоровой!

- Со мной все в порядке, - смеюсь я, освобождаясь из ее объятий. И стараюсь улыбнуться ей как можно шире. - Знаешь, кого я сегодня утром первым делом встретила? Конечно, Блю! После этого все остальное - пара пустяков. - Она не смеется моей шутке, и я считаю нужным прибавить: - Лилл, я тоже рада тебя видеть.

Она кивает.

- Госпожа, я так волновалась...

- Мадам Химура плохо с тобой обращалась, пока меня не было? - спрашиваю я, заметив темные круги под ее глазами.

Она избегает смотреть мне в лицо.

- Нет, что вы, не хуже, чем обычно.

- Ну что же, - я, чтобы ее приободрить, с деланным отвращением приподнимаю полы своей грязной одежды. - Видишь, в какую неряху я превращаюсь, когда целую неделю вынуждена обходиться без тебя?

Она наконец хихикает.

- Что вы, госпожа, - говорит она, улыбаясь. - Мне не обязательно это видеть! Мне достаточно *понюхать!*

Лилл спешит проводить меня к баням, чтобы я могла принять ванну до того, как проснутся остальные девушки. Во дворе еще горят фонарики. Солнце едва поднялось над горизонтом, и в воздухе еще чувствуется ночная прохлада. За последний месяц - десятый месяц года - порой легко было забыть, что сейчас осень, потому что было необычайно тепло, однако дни стали заметно короче. А по утрам становилось прохладно. От бурлящей воды в ванной поднимается ароматный пар. Лилл ведет меня в мое любимое место банного двора, в дальнем его углу, и там я с блаженным вздохом погружаюсь в воду. Без шаманских браслетов, тянущих меня к земле, я впервые после недели мучений могу расслабиться. Какое наслаждение - с легкостью двигать руками и ногами! Я лежу в воде, улыбаюсь, и волосы плавают вокруг меня темным облаком.

Мы возвращаемся в мою спальню под звон утреннего гонга. Через несколько секунд двери распахиваются - и меня заключает в объятия Аоки, в ночной рубашке, со спутанными волосами.

- Леи! - выдыхает она, сжимая меня так крепко, что я едва могу дышать. Надо же, какая она сильная для такой малышки! - Я так испугалась, когда мадам Химура рассказала нам, что ты сделала! Я думала... ох, лучше тебе не знать, о чем я думала! Когда она сказала, что ты неделю проведешь в заключении, я просто-таки выдохнула, все могло быть гораздо хуже!

- Мне еще повезло, что Король меня не вышвырнул из дворца, - говорю я, когда мы размыкаем объятия.

Губы Аоки сжимаются.

- Да! Это значит, что он по-настоящему сильно желает тебя, - голос у нее какой-то странный, как будто ей перехватывает горло. Но потом она вновь улыбается. - Леи, как тут без тебя было ужасно! Мадам Химура вела себя еще жестче, чем обычно, огрызнулась на любую мелочь...

- Что-что я делала?

Глаза Аоки расширяются. Мы синхронно поворачиваемся. В дверном проеме стоит женщина-орлица, сурово глядя на нас.

- Мадам Химура, - испуганно лепечет Аоки. - Я... я не имела в виду...

Орлица стучит тростью по полу.

- Тихо, девочки! Сейчас слишком рано для болтовни! - она встречается со мной глазами. - С сегодняшнего дня я жду от тебя выдающихся успехов по всем предметам, Лей-чжи. Наставники будут докладывать мне о них после каждого урока. А еще я хочу убедиться, что ты ведешь себя пристойно, и к тебе будет приставлена наблюдательница - одна из вас. Она должна хорошо на тебя повлиять. Следующие несколько недель она будет повсюду сопровождать тебя, и я ожидаю, что ты будешь стараться во всем подражать ей. - Она взмахивает рукой. - А теперь готовьтесь к занятиям! Ты, Аоки, отправляйся сначала в ванну. Твой грязный рот необходимо отмыть с мылом.

Мадам Химура удаляется, и Аоки смотрит ей вслед с выражением страха на лице. А я едва удерживаюсь, чтобы не хихикнуть.

Когда я через некоторое время выхожу из комнаты, одетая в изящное - и что самое главное, чистое - кимоно, я обнаруживаю, что в коридоре меня ждет не кто иная, как Майна.

Щеки вспыхивают от яркого воспоминания о нашей близости несколько ночей назад, о доверительных разговорах и прикосновениях. Майна выглядит точно так, как тогда - с открытым лицом, распущенными волосами, из которых только несколько прядей на затылке собраны в требуемый пучок, кимоно сидит на ней соблазнительно свободно - поясик полураспущен. Моя рука сама собой тянется в ее сторону - резкое, импульсивное движение, которое я пытаюсь скрыть, притворившись, что хотела поправить *свой* воротник.

- Так, значит, это тебя мадам Химура приставила ко мне нянькой!

Она улыбается.

- А кого же еще? Ты же помнишь, что я первая ученица по всем предметам?

Я приподнимаю бровь.

- Даже по поведению? - оглядевшись, чтобы убедиться, что никого из девушек рядом нет, я тихо добавляю: - Полагаю, мадам Химура не знает, что ее лучшая ученица несколько ночей назад ходила на тайное свидание?

- Понятия не имею, о чем ты.

Лицо Майны совершенно серьезно, так что я замираю, боясь, не зашла ли я слишком далеко. Может быть, только для меня события той ночи значат так много, а для нее это не настолько важно? И теперь на ее лице снова появится привычная непроницаемая маска, и она станет такой же далекой от меня, такой же отчужденной, как была прежде?

Но глаза Майны весело сияют.

- До меня также доходили слухи, что с кухни пропало немного еды и сладостей. Удивительное дело, кто бы мог на такое решиться? У тебя есть идеи, куда могла подеваться эта еда?

Я смеюсь от облегчения.

- Наверное, туда же, куда вся еда девается рано или поздно. Кому-то в желудок.

- Надеюсь, обладателю желудка понравились хотя бы сладости.

- Такие чудные сладости кому угодно понравятся.

Майна улыбается и хочет сказать что-то еще, но тут у нее за спиной открывается дверь.

- Леи! - зовет Аоки, выскакивая из своей комнаты и хватая меня за руку. - Пойдем скорее, тебе нельзя опаздывать в первый же день по возвращении!

Майна, удивленно подняв брови, занимает место по другую сторону от меня, и мы втроем спешим по коридору. Хотя мы больше не говорим с Майной о произошедшем той ночью, наш общий секрет ощущается как невидимая нить, связывающая нас, тайно соединяющая наши тела. Какое бы движение она ни совершила - пусть даже самое маленькое, например, откинула волосы или поправила *оби*, - мои глаза инстинктивно отслеживают его, и я спрашиваю себя, чувствует ли она нечто подобное. Эту связь, это притяжение.

Впервые со дня приезда во дворец я позволяю себе думать, что, может быть, мое будущее здесь окажется не столь ужасным. Все, что мне нужно для этого делать - стараться не попадать в неприятности.

«Не смей меня, маленькая негодница! Ты же повсюду ищешь неприятностей на свою голову!»

Я представляю насмешливое лицо Тянь, движение ее хвоста.

«Ну, значит, мы обречены».

Павильон, где проходят наши занятия по энергии *ци*, - красивое двухэтажное здание с красными балками и оранжевой черепичной крышей. Эти цвета кажутся ослепительными на фоне светлой зелени садов. На карнизах трепещут флажки с записями молитв. Павильон стоит в центре круглого мелкого пруда, его гладкая поверхность ярко блестит на солнце. Над водой носятся птички, охотясь за насекомыми и мелкой рыбешкой, их крылья задевают воду, поднимая мелкую рябь.

Мастер Тэкоа ждет нас, сидя на полу в позе лотоса. На нем просторные штаны, худой, но мускулистый торс обнажен. Похоже, он не замечает прохлады. Однажды он говорил нам, что человек, способный хорошо управлять своей *ци*, может по желанию регулировать температуру тела.

- Займите свои места, - произносит он, не поднимаясь.

Мы с Аоки и Майной пришли последними - остальные уже здесь. Никого больше я с утра не видела, они меня тоже, и теперь, когда я вхожу в павильон, взгляды всех девушек устремляются на меня. Я опускаюсь на колени на своем обычном месте. Передо мной сидят Чжэнь и Чжинь, которые оборачиваются и посылают мне одинаковые ободряющие улыбки.

- Ты в порядке? - шепотом спрашивает Чжинь.

В ее голосе слышна искренняя забота, и это меня очень трогает.

- Да. Спасибо, что спросила.

Урок начинается с дыхательных упражнений, призванных направить поток внутренней энергии. Искусство управления энергией *ци* - это медитативное соединение внутренних и внешних потоков жизненной энергии. Голос наставника звучит мягко, но властно. Я стараюсь сосредоточиться на его словах, чтобы отстраниться от внешнего, абстрагироваться от щебета птиц, шелеста листьев, далеких невнятных звуков дворцовой жизни. Уроки *ци* - единственные, которые мне действительно нравятся, потому что на них мы учимся не правилам, не соответствию стандарту, а раскрытию собственного ритма, обретению внутреннего мира и равновесия.

Мы выполняем ряд упражнений *таолу*, а Мастер Тэкоа ходит вокруг нас и наблюдает, как мы справляемся. Обычно он молча наблюдает и молча же поправляет, если кто-то ошибается, но на этот раз он надолго останавливается передо мной, и вдруг раздражается речью.

- Огонь. Столько огня.

Я замираю, не закончив движения. Близнецы удивленно оборачиваются.

- Огонь так горяч, что и лед сожжет дотла. Огонь, который поднимется волной и накроет весь мир...

Его голос звучит все громче, в нем слышатся резкие нотки, каких я никогда еще у него не слышала. Он, не мигая, смотрит на меня, глаза его стекленеют, становясь совершенно черными, лишенными зрачков. От его тела исходят волны холода, заставляющие меня дрожать.

- Что-то не так, - говорю я, видя, как другие девушки оборачиваются к нам. - Кажется, Мастер Тэкоа впал в транс.

Слышится резкий смех, совершенно неуместный в этой ситуации. Конечно же, это Блю.

- Что ты с ним сделала, Девятая? Похоже, ты просто не подпускаешь к себе мужчин, а? В чем твоя проблема? Только не говори, что ты предпочитаешь *девушек*!

Майна тут же встает рядом со мной.

- Блю, закрой рот.

Та моргает от неожиданности.

- О, вы успели подружиться! А я и не заметила!

- Внутри нее огонь, - тем же странным голосом, только еще громче, продолжает Мастер Тэкоа, и Майна не успевает ответить. Воздух вокруг наставника становится ледяным. Больше всего мне хочется укрыться от его пустого черного взгляда, но ноги словно примерзли к полу. - Огонь, который скоро вырвется наружу. Огонь, сжигающий ее и все, к чему она прикоснется. Огонь, слепящий всех, кто на нее посмотрит. Огонь, пожирающий летящих к ней мотыльков.

Блю снова хохочет.

- Нет, Девятая, я не верю, что это он о тебе. Ты не настолько яркая, чтобы привлечь хоть чье-то внимание...

- Красное пламя во дворце! - неистово ревет Мастер Тэкоа. - Красное пламя, разгоревшееся внутри! В ночь огня придет новый огонь, чтобы сжечь его!

Мгновение тишины, напряженной и звонкой.

Потом Мастер моргает.

Тьма в его глазах отступает. Исчезает ощущение холода, исходящего от него волнами, хотя мои руки до сих пор покрыты мурашками.

- Вы все... вы все прервали упражнения, - ошеломленно говорит Мастер Тэкоа, оглядывая нас в недоумении. Мы все покинули свои места и стоим вокруг него с удивленными лицами.

- Мастер, вы в порядке? - спрашиваю я осторожно. - Вы тут... говорили что-то странное про огонь...

Он непонимающе смотрит на меня.

- Ах, да. Конечно. Огонь *ци*, наша внутренняя энергия. Которую наши занятия учат вас контролировать. - Он выходит в центр павильона, солнечный свет очерчивает его силуэт золотом. - На сегодня наш урок можно считать оконченным.

Я пытаюсь возразить, но Майна кладет мне руку на плечо.

- Нет смысла, - шепчет она. - Думаю, он сам не знает, что произошло. Это случилось помимо его воли.

Когда мы покидаем павильон, все обсуждают загадочный транс Мастера Тэкоа. Аоки рассказывает нам с Майной, что ее брат иногда говорил во сне:

- Однажды он обращался ко мне, не просыпаясь, и был твердо уверен, что я жираф и меня зовут Леонард. - Но мы слушаем ее болтовню вполуха.

Ко мне приходит яркое воспоминание о том, что случилось несколько лет назад, когда в нашу деревню явилась предсказательница судьбы.

Это была старая демоница-кошка с седым мехом и слепыми глазами, покрытыми пленкой молочного цвета. Она установила на главной площади свою палатку, поставила в ней столик с отверстием посередине, а внизу пылал очаг. Я совершенно не собиралась к ней заходить - меня послали в магазин, я просто проходила мимо, но не могла не остановиться посмотреть, когда к ней в палатку зашла знакомая девушка. Она опустилась на колени перед столиком предсказательницы и протянула ей несколько монет. Есть много методов, которые используют предсказатели: гадание по чайным листьям, по линиям на руке (или на лапе), по пеплу сожженных записок, по снам... Та предсказательница использовала *остеомантию*. Девушка вырезала свой вопрос на длинной белой кости, потом кость бросили в пламя очага, и я помню, как меня шокировал вид глаз женщины-кошки, когда она вынула кость и стала водить по ней пальцами, читая судьбу по прогоревшим трещинам. Глаза ее, затянутые бельмами, внезапно залила совершенно чернильная тьма.

Я тогда так перепугалась, что бегом помчалась домой, забыв о покупках. Часть меня хотела верить, что мне все это привиделось, что перемена в ее глазах была просто игрой света. Но когда я сегодня заглянула в глаза Мастера Тэкоа, я узнала эту тьму. Должно быть, так бывает с каждым, кто впадает в пророческий транс.

Несмотря на яркое солнце, я содрогаюсь от холода. Если предсказание Мастера Тэкоа истинно, огонь скоро разрушит дворец. Но страшнее всего, что, по его словам, этот огонь уже пылает внутри. Внутри меня.

Глава семнадцатая

Мы сидим на уроке истории и политики. Наставница – мадам Тарадзи, старая демоница-рептилия с бурой чешуей цвета прелой листвы. Ее кабинет находится на первом этаже здания в юго-западной части Женского Двора. Это маленькое теплое помещение с закрытыми ставнями окнами, выходящими на лужайку, где растет высокий раскидистый клен. Его извилистые ветви простираются над домом, как руки кого-то из духов, покровителей земли. В кабинете всегда полутемно, и я часто замечаю, что кто-нибудь из девушек опять дремлет. Мадам Тарадзи – наименее строгая и требовательная из наших наставников, ее глаза всегда полуприкрыты, голос звучит монотонно, к тому же большинство девушек уже так или иначе знакомо с историей нашего государства. Но я всегда слушаю внимательно. Эти уроки – мой единственный способ узнать хоть что-то о жизни за пределами дворца, и я дорожу ими как напоминанием, что жизнь во внешнем мире действительно существует.

Сегодня довольно холодно. Сквозь ставни проникает тусклый сероватый свет, в котором мягко блестит чешуя наставницы. Воздух пахнет пылью. Аоки рядом со мной роняет подбородок на грудь и тихонько всхрапывает, потом вскидывает голову с виноватой улыбкой.

– ...после подавления восстания в Нозй число членов Кошачьего клана сократилось почти вдвое. Дочь Господина Киуры, Госпожа Лова, возглавила клан, когда ей было всего шестнадцать лет, и стала четвертой правительницей в истории клана. В отличие от прочих кланов, Кошки всегда позитивно относились к идее женщин-правителей...

– Генерал Лова.

Я кошусь на Майну, услышав ее шепот. Монотонный голос мадам Тарадзи продолжает звучать, кончик ее хвоста ритмично покачивается в такт речи. Странное ощущение отстраненности, как будто мы находимся в другой реальности. Порой я думаю, что мадам Химура специально назначила ее нашей наставницей, чтобы мы ее не слушали. Вряд ли во дворце хотят, чтобы мы по-настоящему разбирались в истории и политике – разве что немного, чтобы поддержать разговор за званым ужином... Но уж точно не затем, чтобы самим научиться думать на эти темы.

– Что ты сказала? – шепчу я Майне.

Майна оглядывается. Похоже, она и не подозревала, что говорит вслух.

– А, ты об этом. Ничего особенного. Просто Лова выбрала титул «генерал», а не «госпожа». Для нее это очень важно, она требует называть себя именно так.

– Ты с ней встречалась?

Майна кивает.

– Мой отец несколько лет назад участвовал в совете кланов. Король не хотел приглашать Кошачий клан – ты, наверное, слышала об их разногласиях. Кошачий клан всегда выступал против Короля, они даже не пытаются это скрывать. Но отец настоял, что их представитель тоже должен участвовать. Сказал Королю, что это поможет ему следить за ними, не упускать их из виду.

– Какая она? – спрашиваю я с живейшим интересом. – Госпожа... то есть Генерал Лова?

По лицу Майны пробегает тень непонятного мне чувства. Я пытаюсь разобраться, что же это, потому что она выглядит так странно... легкий жар, приливший к щекам, то, что она медлит с ответом...

И тут я наконец понимаю.

Майна *смущена*.

– Она... очень красивая, – отвечает она, и в ее голосе слышится тоскливая нотка. – И очень сильная. Тогда ей едва исполнилось восемнадцать, она возглавляла клан всего два года, остальные главы кланов были как минимум вдвое старше. Но Лова держала себя

так уверенно, никому не позволяла оспорить свое право на титул. Она выглядела хозяйкой положения, не давала никому усомниться, что имеет право здесь находиться.

- И ты... долго с ней общалась? - спрашиваю я, не зная, хочу ли услышать правдивый ответ.

- К сожалению, не очень, - отзывается Майна, и ее голос звучит неестественно, а мне сжимает грудь странное чувство - нечто среднее между печалью и гневом.

Вечером за ужином мадам Химура напоминает, что завтра у нас не будет занятий из-за праздника *койо*. В первый день десятого месяца по всей Ихаре празднуют начало нового сезона - официальное начало осени, окончание лета. Здесь, во дворце, наступление осени ощущается повсюду, о нем поет каждый цветок, каждое дерево. Листья становятся оранжево-красными. Цветы роняют лепестки. За последнюю неделю сады за моим окном преобразились из зеленого моря в огненно-золотое. Уже совсем скоро - неделя, максимум две - это закончится, и начнется ожидание зимы.

- Завтра вечером вас ждет праздник во Внутренних Дворах, - говорит мадам Химура. Ее палочки для еды ловко подхватывают с блюда остатки копченой каракатицы. - Там будет присутствовать сам Король вместе с главными чиновниками, так что, надеюсь, вы проявите себя наилучшим образом, и ваши манеры будут на высоте.

- А что мы будем делать до начала праздника? - спрашивает Ченна.

- До праздника вы остаетесь в Бумажном Доме. Ваши горничные должным образом подготовят вас к торжеству во второй половине дня.

Вот это да! По комнате проносится возбужденный шепот. До сих пор у нас еще не было ни одного свободного дня, и вдруг - почти полный выходной! Мне не меньше других хочется просто отдохнуть, побыть в покое, но я понимаю, что это мой шанс еще раз заглянуть в Ночные Дома. Хотя я приложила немало усилий, чтобы забыть все, что случилось между Королем и мной той ужасной ночью, я все равно не могу позволить себе забыть самое важное: он сказал, что мамино имя стоит поискать в списках куртизанок.

Я дожидаюсь, пока девушки выйдут, и обращаюсь к мадам Химуре.

- Что тебе, девочка? - недовольно отзывается та, нависая надо мной.

- Я просто подумала, мадам, что у меня есть шанс на внеплановое занятие.

Она не достаивает меня взглядом.

- Я не отрицаю, что тебе необходимы дополнительные уроки. Но никто из наставников не будет возиться с тобой завтра - у всех выходной день. Все заняты подготовкой к празднику.

- Даже в Ночных Домах все заняты?

Она резко вскидывает голову.

- Я хотела бы дополнительный урок именно там, - поспешно объясняю я. - Занятие с Зелле. Понимаете, в тот раз... я так ужасно нервничала, что толком ничего не могла запомнить, а после того, что произошло при встрече с Королем... - я пытаюсь придать лицу смущенное выражение. - В общем, я хотела бы немного позаниматься, чтобы исправить свои ошибки.

Ее глаза сужаются.

- С той ночи Король не вызывал тебя ни единого раза. Как знать, сообразовит ли он это сделать.

- В любом случае, он будет присутствовать на празднике, - настаиваю я. - Я могу хотя бы попытаться произвести на него хорошее впечатление.

Мадам Химура изучает меня с непроницаемым лицом. А потом вскидывает оперенную

руку и берет со стола кувшинчик с напитком.

- Полагаю, дополнительный урок с Зелле тебе не повредит, - соглашается она.

Пока она не успела изменить мнения, я поспешно благодарю ее и выбегаю в коридор - чтобы тут же столкнуться с Майной. Наверное, она ждала меня за дверью, она же должна меня повсюду сопровождать. Я врезаюсь в нее всем телом - и отстраняюсь, краснея от смущения. Но ее рука чуть дольше, чем необходимо, остается на моем плече.

- Что все это значит? Зачем ты задержалась? - спрашивает она.

- У меня завтра будет дополнительный урок с Зелле, - объясняю я.

- Зачем?

- Ну, я подумала, что если мне все равно предстоит встреча с Королем...

- Нет, ты не говоришь мне истинной причины.

- А вот и говорю, - огрызаюсь я.

- Леи, не лукавь со мной. Какова настоящая причина? - ее рука снова касается моего плеча. Она говорит тихо, склонившись к моему уху: - Тебе нужно вести себя осторожнее. Если мадам Химура выведает, что ты ей солгала...

Я отстраняюсь.

- Ты - последняя, кто имеет право учить меня следовать правилам и вести себя осторожнее.

Майна напрягается.

- Леи, послушай...

- Все хорошо, - быстро говорю я. - Я знаю, что делаю.

И, опустив голову, я спешу от нее прочь по коридору, пока она не успела задать мне новых вопросов.

- Ты вошла в историю, Девятая, - говорит мне Зелле следующим утром, когда госпожа Ацзами уходит, проводив меня к ней в комнату.

Я вымученно улыбаюсь.

- Правда?

Зелле выглядит так же прекрасно, как и в прошлый раз. Сегодня она одета в песочного цвета юкату чуть выше колен, ее стройные, совершенной формы ноги открыты, на шее блестит ожерелье из золотых листьев. Опираясь на локоть, она смотрит, как я сажусь напротив нее на колени, снимая с плеч теплую шаль. В ее комнате жарко. Ставни наглухо закрыты, чтобы защитить помещение от ветра, в углу мерцают угли в жаровне. Я замечаю, что шелковые покрывала на ее кровати уступили место меховым - это явный признак того, как много времени прошло с моего визита. Целая жизнь... и притом всего несколько мгновений, как будто я ненадолго вышла за порог и снова вернулась.

Зелле усмехается своей озорной усмешкой.

- Ты единственная Бумажная Девушка на моей памяти, которая осмелилась отказать Королю.

Моя улыбка гаснет.

Ее лицо тоже мрачнеет.

- Ох, прости, - говорит она. - Я думала, тебе будет лестно узнать об этом.

- На самом деле мне было бы куда более радостно узнать, что каждая из Бумажных

Девушек хотя бы попыталась ему отказать.

Она смотрит на меня пронизательным взглядом.

- Да, это было бы весьма яркое свидетельство.

Занятие начинается. Сначала мы наскоро пробегаем пройденное в прошлый раз. Я пытаюсь делать вид, что внимательно слушаю, но с каждой минутой все с большим нетерпением оглядываюсь на дверь. Должно быть, я выдаю себя, потому что Зелле в какой-то момент это замечает и в своей непринужденной манере спрашивает:

- Что-то не так, Девятая? Госпожа Ацзами сказала мне, что ты лично настояла на этом занятии, убедила начальницу, что нуждаешься в дополнительном уроке. Если ты вдруг передумала...

- Нет, вовсе нет, - выпаливаю я. - Я просто... можно, я на минутку выйду в туалет? У меня живот болит.

Зелле закатывает глаза.

- Можно, можно. Только постарайся, чтобы госпожа Ацзами тебя не заметила. Мне запрещено выпускать тебя из комнаты до конца занятия.

Я нетерпеливо вскакиваю.

- Спасибо! И... м-м... а где туалет?

- На первом этаже, справа от лестницы.

Выйдя в коридор, я быстрым шагом прохожу мимо ряда дверей, низко склонив голову. В это время суток дом тих и пуст, так что мои шаги звучат слишком громко. На лестнице я сталкиваюсь с очень красивой демонией-пантерой из Лунной касты. Она проходит мимо меня вверх по ступеням, в ее кошачьих ушах блестят алмазы, черно-пурпурное кимоно спадает с одного плеча, поросшего блестящей черной шерстью. Встретив мой взгляд, пантера слегка поводит гладким плечом и чуть заметно улыбается, словно желая сказать: «У меня была долгая трудная ночь».

Когда я спускаюсь на первый этаж, я вовсе не спешу в туалет. Я иду в основной коридор, ведущий наружу. Я никогда еще не видела Ночных Домов, если не считать вида из окна Зелле, но, похоже, планировкой они напоминают прочие здания Женского Двора. А значит, апартаменты главы этой секции, госпожи Ацзами, должны располагаться на первом этаже в задней части дома. Я прохожу мимо нескольких пустых и тихих комнат, мимо нескольких не пустых и не тихих комнат, и наконец добираюсь до двери в самом конце длинного коридора.

Я прижимаюсь к двери ухом. Тишина.

Приготовив на всякий случай приемлемое оправдание на случай, если она окажется внутри, я стучу в деревянную дверь костяшками пальцев. Тишина. Я приоткрываю незапертую дверь, заглядываю в щелку - и снова стучу. А потом переступаю порог.

Как я и ожидала от такой скрупулезной и сварливой особы, в жилище госпожи Ацзами безупречно чисто. Пустые поверхности, идеальный порядок. Окна в задней части комнаты выходят в сад, где под ветром танцуют золотисто-оранжевые листья. В центре комнаты стоит низкий столик, и я понимаю, что это гостиная госпожи Ацзами. Справа я вижу еще одну дверь и прижимаюсь к ней ухом. Убедившись, что и там пусто, я вхожу в комнату, которая, похоже, и есть тот самый кабинет, что я ищу. Вдоль стен стоят ряды закрытых шкафов, в уголке притаилась курильница, из которой поднимается дымок благовоний. Там же, в маленькой нише, стоят статуэтки богов, лежат молитвенные четки.

Я подхожу к ближайшему шкафу и протягиваю руку к его дверце, но тут откуда-то сверху слышится приглушенный звук.

Я замираю.

И снова странный звук, быстрые шаги, тихий смех. Это кто-то из куртизанок и ее клиент. Я быстро оглядываю комнату, в любой момент ожидая появления госпожи Ацзами – нетрудно представить, что она спряталась в одном из шкафов или залезла под татами, – и открываю верхний ящик ближайшего шкафчика, затаив дыхание. Ящик полон свитков, листов бумаги. Я быстро просматриваю их, но, похоже, это счета. Я выдвигаю следующий ящик, потом еще один, и все это время крохотные волоски на шее и на руках стоят дыбом от волнения.

Я уже почти прихожу к выводу, что попытка не удалась и нужно срочно возвращаться к Зелле, пока она не заподозрила меня в чем-нибудь, как в очередном выдвинутом ящике обнаруживается целая коллекция красивых свитков в кожаных чехлах. Изящные надписи на них сообщают, что это и есть списки куртизанок Ночного Двора. На всех свитках проставлены даты. Я лихорадочно копаюсь в них – и нахожу нужный, подписанный датой десятилетней давности.

Еще раз оглянувшись, я быстро достаю свиток из чехла и разворачиваю, едва смея дышать. Вот оно! Если я найду здесь мамино имя, это может значить, что она до сих пор жива – может быть, даже до сих пор живет здесь, в одном из этих зданий!

Сама мысль о том, что мама может находиться так близко ко мне прямо сейчас, сводит меня с ума.

Я пробегаю глазами длинный список имен. Солдаты явились в нашу деревню весной, на землю, подобно снегу, осыпались цветочные лепестки. Имя мамы должно стоять одним из первых. Но я дочитываю список до конца, но так и не нахожу его. Я снова просматриваю свиток, глаза мои щиплет от слез. Нужно просто прочесть еще раз. И еще раз...

– Что ты делаешь?

Я поворачиваюсь, роняя свиток. В дверях стоит Зелле.

– Я... я просто... пыталась кое-что найти, – лепечу я, заикаясь, и промокаю рукавом лицо, мокрое от слез. Я не подозревала, что они так и струятся по щекам.

– Это я поняла, – взгляд Зелле падает на свиток в моих руках. – И что именно ты пыталась найти?

Я едва выговариваю слова – они меня душат.

– Мою мать.

– Твоя мать – это лист бумаги?

Из моей груди вырывается истерический смешок. Я разворачиваю свиток перед Зелле и говорю:

– Я искала ее имя в этом списке. Солдаты-демоны увезли ее из дома десять лет назад, и я думала, что они могли доставить ее сюда, чтобы сделать ее...

Это слово слишком ужасно, чтобы произнести его вслух.

Зелле отводит глаза. По ее лицу пробегает тень.

– Ну, и как, ты нашла ее имя в списке?

Я смотрю на список с глубокой тоской.

– Нет.

И тут снаружи слышится резкий голос госпожи Ацзами. Одним быстрым движением Зелле выхватывает у меня свиток, скатывает его и прячет ловкими пальцами в кожаный чехол, бросает в ящик. А потом она хватается за руку и вытаскивает из кабинета наружу, через гостиную с низким столиком, через коридор – и только тогда в дом входит госпожа Ацзами. Ее висячие собачьи уши приподнимаются при звуке наших шагов.

Серые глаза внимательно смотрят на нас.

- Вы что, уже закончили урок?

Зелле тяжело вздыхает, хотя губы ее слегка улыбаются.

- Госпожа недовольна, когда занятие слишком длинное, госпожа недовольна, когда занятие слишком короткое. Госпожа Ацзами, вы вообще когда-нибудь бываете довольны?

- В твоём присутствии - никогда, - ворчит женщина-собака. И кивком головы приглашает меня выйти. - Ступай, девочка. Твоя горничная ждёт снаружи.

На пороге я оборачиваюсь - хочу хотя бы жестом или улыбкой поблагодарить Зелле за то, что выгородила меня... Но Зелле уже нет в коридоре, она поднялась к себе.

Глава восемнадцатая

Королевские празднества *койо* состоятся во Внутренних Дворах, в той части, где река изгибается в длинном неторопливом повороте. На одном берегу возвышаются раскидистые деревья, другой берег украшает мощеная набережная с крытой галереей. Когда наши паланкины останавливаются, я откидываю занавеску и вижу море цветных огней: над рекой сверкают освещенные фонариками мосты, по воде снуют открытые лодки, украшенные свечами, и на крышах пагод и павильонов тоже качаются подвесные разноцветные фонарики. Даже деревья над водой украшены маленькими светильниками, и в их свете листва сияет всеми красками осени. Звучит музыка, звенит смех, перекликаются веселые голоса гостей, но слова неразличимы среди праздничного шума.

Как же здесь красиво! Похоже, я в жизни не видела ничего красивее. Однако я не могу просто наслаждаться этой красотой, в голове беспрерывно прокручивается список имен, в котором нет имени моей мамы. «И что, ты нашла ее имя?» – снова и снова звучит в ушах голос Зелле, мягкий, но печальный.

Разве я не должна испытывать облегчение? Мою мать не привезли в Ночные Дома, не заставили стать куртизанкой. Но Король говорил, что это единственное место, где следует искать женщин, увезенных солдатами, единственное место во дворце, где она могла оказаться, а значит, мою мать вовсе не привозили во дворец, а значит...

– Что с тобой? – спрашивает Аоки, нарушая ход моих мыслей.

Я вздрагиваю. Да, в самом деле, я неподвижно замерла у паланкинов, а рядом топчется пара слуг, ожидая, когда мы обратим на них внимание.

– Что-то плохое случилось на занятии с Зелле? – не отстает Аоки.

– Боюсь, воспоминания о том, как скверно все тогда сложилось с Королем, оказались слишком яркими, – вымученно улыбаюсь я. – Но со мной все в порядке. Правда.

Мы медленно идем к реке, другие девушки нас обгоняют. Мадам Химура указывает им на одну из самых широких платформ на реке, где устроен чайный павильон. Мягкий янтарный свет озаряет шелковые подушки и деревянные столики.

– Я все переживаю, не виновата ли я в том, что с тобой случилось, – внезапно говорит Аоки несчастным голосом. – Ну, ты помнишь, после своей первой ночи с ним... я была так напугана, что, может быть, невольно напугала и тебя. Вдруг это моя вина в том, что ты оказалась не готова...

Я качаю головой.

– Нет, нет, конечно. Мне было больно видеть тебя в таком состоянии, но к тому, что случилось со мной, это не имеет никакого отношения. – Я бросаю на нее осторожный взгляд. – А ты с тех пор... встречалась с Королем?

Аоки отвечает не сразу.

– Да, несколько раз.

– И как, стало легче?

К моему изумлению, она уверенно кивает. Слова льются неудержимым потоком:

– Знаешь, я думаю, я тогда так перепугалась из-за того, что это был первый раз. Я ведь совсем не знала Короля, почти не разговаривала с ним, а потом все случилось так быстро, и потом он сразу отослал меня прочь. Как будто я сделала что-то не так. Но с тех пор все стало намного лучше! – Опустив глаза, она смущенно добавляет: – С Королем я чувствую себя особенной, очень важной.

Мурашки пробегают по моей спине.

– Он меня и о тебе спрашивал, – продолжает она. – Ему было очень неприятно, ты ранила его своим отказом. Он и сейчас еще обижен, но, думаю, он готов забыть, как ты его обидела. – Она осторожно косится на меня. – Леи, он говорил мне, что вскоре собирается

снова тебя вызвать.

Ночь и так довольно прохладная, но от слов Аоки воздух леденеет. Вокруг нас кружат штормовые осенние ветра, и я потуже запахиваю на груди меховую накидку. Я смотрю на чайную платформу, где уже собрались остальные девушки. Там же я вижу и Короля – огромную темную фигуру в черно-золотом ханьфу. Вот он, откинув голову, хохочет над какой-то шуткой, которую Блю нашептывает ему на ухо. Его смех звучит как раскаты грома, вибрируя электричеством, издавывая пробирая меня до костей.

Я останавливаюсь, не в силах идти дальше, и Аоки, хмурясь, оборачивается.

– Я не могу, Аоки, – в моем голосе слышится гнев. Слуги, сопровождающие нас, почтительно держат дистанцию, а праздничный гомон и музыка создают достаточно шума, чтобы я могла позволить себе говорить вслух, но я все равно еле слышно шепчу. – Я не могу этого вынести. Я больше никогда не позволю ему ко мне прикоснуться.

Глаза ее расширяются.

– Ты что, собираешься продолжать отказывать ему? Но Леи, это же наша работа! Она вовсе не такая уж тяжелая...

– *Не такая уж тяжелая?* Вспомни, как ты чувствовала себя в первый раз!

– Но я же сказала – потом становится легче! Я даже думаю... – она смущенно заканчивает фразу после паузы: – Я даже думаю, что мне это начинает нравиться. Чувствовать особое внимание Короля... – глаза ее затуманиваются и странно блестят. – Скольким людям во всей Ихаре выпадает такая честь?

– Сотням девушек, которых он укладывает в свою постель, – резко отвечаю я.

На щеках Аоки выступают красные пятна.

– Ты могла бы, по крайней мере, испытывать благодарность за все, что Король для тебя сделал, – сухо говорит она.

– За все, что он для меня сделал?! – я больше не могу сдерживаться. – Аоки, очнись! Он лишил нас домов и семей!

Она скрещивает руки на груди.

– Теперь у нас есть новый дом, лучше прежнего! Подумай только, Леи, наш новый дом – Сокрытый Дворец! А сколько девушек по всему королевству вынуждены зарабатывать на хлеб проституцией или выходить замуж за всяких уродов, просто чтобы выжить...

– И чем их судьба отличается от нашей?

Мы замолкаем и стоим друг напротив друга, обмениваясь яростными взглядами. Звуки праздника льются на нас, как пестрый дождь.

Аоки первая нарушает молчание.

– Извини, – говорит она. – Я не должна была тебя попрекать.

Я беру ее за руки и пытаюсь улыбнуться.

– И ты меня извини. Если тебе теперь в радость близость с Королем, я только счастлива за тебя, Аоки! По крайней мере, ты можешь получать от этого удовольствие. Просто я так не могу.

– Может, если ты познакомишься с ним поближе, ты тоже...

Я яростно трясу головой.

– Нет. Этого недостаточно!

Бросив через плечо осторожный взгляд, чтобы убедиться – слуги стоят достаточно далеко, она шепотом спрашивает:

- У тебя что, есть... кто-то *другой*?

Перед глазами возникает лицо Майны - ее прекрасная улыбка, ямочки на щеках, яркие кошачьи глаза...

- Нет, - лгу я в лицо подруге. - Конечно же, нет.

По лицу Аоки разливается облегчение.

- Сама не знаю, почему спросила такую глупость! Где бы ты могла встретить мужчину в Женском Дворе? У нас же совершенно не в кого влюбиться! - она хихикает. - Ну, разве что в Мастера Тэкоа.

Я строю гримасу.

- Ну что ты! Я все же не настолько безнадежный случай.

Смеясь, мы вместе шагаем наконец в сторону сияющей огнями реки.

- Госпожа Аоки-чжи, госпожа Леи-чжи! - объявляет о нашем прибытии слуга, когда мы проходим по короткому крытому мостику на плавучую платформу.

Все разговоры тут же стихают. Я чувствую на себе взгляды всех присутствующих, приближаясь к Королю. Сама я стараюсь смотреть только себе под ноги, вернее, на шлейф длинного кимоно Аоки, идущей передо мной. Она первой приветствует Короля и отступает в сторону, и я опускаюсь на колени - настолько изящно, насколько позволяет мое довольно короткое платье, - и касаюсь пола ладонями и лбом.

- Мой Король...

Мгновение тишины. А потом его голос:

- Встань.

Я подчиняюсь - медленно, едва дыша, так сильно бьется сердце, словно распирая изнутри грудную клетку. Наконец я собираю всю свою отвагу и поднимаю глаза. Однако выражение лица Короля повергает меня в шок - настолько оно отличается от того, что я ожидала увидеть.

Его лицо сияет счастьем.

- Леи-чжи, - приветствует он меня с широкой улыбкой. - Я скучал по тебе. Пойдем, погуляем немного вдвоем. Я хочу с тобой поговорить.

Я встречаюсь глазами с Майной, а потом Король кладет лапу мне на плечо и уводит прочь с платформы. Его ладонь настолько тяжела, что я с трудом переставляю ноги.

Мы идем по цепочке соединяющихся друг с другом галерей между лодками и плавучими чайными и кальянными. Воздух полон огоньков и света. Все еще улыбаясь, Король показывает мне разных гостей, останавливается поприветствовать некоторых, рассказывает о торжественном приеме, который был у него недавно, уверяет, что я непременно должна попробовать новое саке, которое он заказал из Китори - мол, ничего подобного я еще не пробовала. За нашими спинами, в нескольких шагах, следуют охранники, но я не смею оглянуться.

Внезапно он останавливается.

- Я должен извиниться перед тобой, Леи-чжи.

Мы стоим посреди крытой галереи, но здесь почти пусто - завидев нас, гости спешат обойти нас, лишь бы не протискиваться мимо Короля. Вокруг шумит праздник, но звуки становятся далекими и нереальными, словно нас с Королем окружает пузырь тишины, отделяя от остального мира. Взгляд его голубых глаз пригвождает меня к месту - ледяной и одновременно пылающий, как клочок безоблачного зимнего неба.

- Наверное, я слишком привык все контролировать, - он делает небрежный жест, обводя рукой праздничную суету. - Я не часто признаю перед другими, насколько это трудно -

быть Королем. Править. Все, что ты видишь вокруг, и не только это, а весь мир – мой, нуждающийся в моем управлении и защите. – Он улыбается, но это лишь тень его обычной ленивой усмешки, выражение его лица остается напряженным, под глазами видны темные круги усталости. – Ты когда-нибудь слышала о Порче? – спрашивает он.

– О Порче? – я пытаюсь вспомнить, где могла слышать это слово. Да, конечно – в разговоре Аоки и Ченны, когда мы только приехали во дворец. Они считали, что набеги демонов и сожженные города имеют с этой Порчей нечто общее.

– Это что-то вроде болезни, которой поражена вся наша страна, – объясняет Король. – Лесные пожары в горах, землетрясения, засухи в Цзяне и Китори, наводнения на побережье... Все это признаки Порчи. Мне то и дело докладывают о новых и новых несчастьях, их слишком много, чтобы я успевал на все реагировать. За последнюю пару месяцев положение ухудшилось.

– Но ведь это же природные катаклизмы, верно?

У него ходят желваки на скулах.

– Конечно, природные. Однако у них есть некая единая причина. И я думаю, что она мне известна, – он поднимает голову, смотрит в небо.

– Вы имеете в виду богов?

– Боги разгневаны, – рычит Король, в его голосе звучит раздражение. – Они за что-то карают мое государство.

Да, думаю я, ты точно подметил. Может быть, за то, что король государства – жестокий ублюдок?

– Я должен умоливать богов, – продолжает он.

Я вспоминаю слова генерала Ю, сказанные госпоже Эйре – о том, что Король весьма суеверен.

– И как вы можете это сделать? – спрашиваю я.

Он усмехается – скорее скалится.

– Очень просто. Я должен карать всех, кто мне не подчиняется. Очистить королевство от предателей. – Он смотрит на меня долгим холодным взглядом, молчание затягивается. Потом напряжение снова покидает его лицо, он обнимает меня за плечи и разворачивается вместе со мной, углы его губ поднимаются. – Пожалуй, нам лучше вернуться к остальным. Не хочу, чтобы другие ревновали к тебе.

Он ведет меня обратно, снова затеяв легкий светский разговор ни о чем, так что я даже сомневаюсь, не почудилась ли мне угроза в его словах.

Праздник идет своим чередом, в ночи звенит смех, звездный свет отражается в воде вперемешку с алмазной россыпью огоньков, все переливается разными цветами, ночь полна радостных звуков – музыки, разговоров, хохота. Впервые я вижу здесь такое празднество, такое множество народа. В уголке нашей плавучей чайной девушки весело щебечут, обсуждая гостей.

– Посмотрите-ка! – восклицает Марико, указывая на элегантную даму с лунно-бледной кожей и безмятежной улыбкой. – Это же госпожа Ло, одна из самых знаменитых Бумажных Девушек. Наверняка все о ней слышали. У нее самое большое модное ателье здесь, в Женском Дворе. Надо попросить у мадам Химуры разрешения посетить ее салон...

Другие девушки тоже находят в толпе гостей знакомые лица.

– О, вот и мадам Дайя! Она вышла замуж за генерала сразу после окончания своего года в качестве Бумажной Девушки. Тот генерал спас Королю жизнь в сражении, и повелитель наградил его, женив на своей любимице...

- А это - неужели госпожа Омура? Ее красота прекрасно сохранилась, несмотря на возраст...

Голоса девушек звенят вокруг меня, но я почти не слушаю. Мой взгляд прикован к Королю, который о чем-то беседует с Майной возле пагоды у самой кромки воды. Они слишком далеко, чтобы я могла расслышать хоть слово и как следует рассмотреть их, но вид огромной фигуры Короля, нависающей над хрупкой Майной, как грозная тень, превращает мою кровь в кипяток.

- Они удалились туда вдвоем уже очень давно, - ворчит Аоки, проследив за моим взглядом. В ее глазах я вижу ревность. Мне легко это понять, так как я сама испытываю сейчас это чувство.

Я усилием воли отрываю от них взгляд.

- Пойду пройдуся, - говорю я, вставая, и спешу уйти прежде, чем Аоки успеет увязаться за мной.

Праздник внезапно кажется мне утомительным. Чего бы мне хотелось - так это найти какое-нибудь тихое темное местечко и там незамеченной просидеть до конца торжества. Я прохожу по нескольким плавучим галереям и оказываюсь на травянистом берегу реки, как раз напротив павильона, где разговаривают Майна с Королем. Я иду в противоположную сторону и скоро ухожу от шума, вокруг тихо и полутемно. Над головой щебечут птицы, крылья разрезают сумеречный воздух. Их свобода зачаровывает меня и пронзает болью. Если бы я была свободна, я бы просто побежала за ними следом, танцуя в ночной траве, вторя их движениям, как отражение их танца в небесах, дальше и дальше...

Моя фантазия умирает, ударившись о дворцовые стены. Конечно, дальше стен мне не удалось бы за ними убежать.

Я не вижу их, но чувствую их присутствие. Темное объятие камня. Птицы способны перелететь через стену, а я могу только смотреть им вслед, прижимая ладони к холодному черному камню.

Я оглядываюсь, услышав за спиной движение. Да, в некотором отдалении бредет служанка. Должно быть, мне не стоит идти дальше, чтобы не рассердить мадам Химуру. Я поворачиваюсь, чтобы вернуться на праздник, но тут мое внимание привлекает неожиданный звук: в темноте кто-то плачет.

Я вглядываюсь и различаю фигурку женщины, которая сидит на травянистом склоне, закрыв лицо руками. Ее силуэт отражается в реке, окруженный серебряным и золотым мерцанием, и я вижу, что она одета в узорчатое изящное сари, бледно-розовый цвет которого оттеняет ее нежную кожу. Я узнаю ее по сари - совсем недавно кто-то из наших указывал мне на нее как на одну из бывших Бумажных Девушек, ту самую, которую выдали замуж за генерала.

- Извините, - окликаю я ее, подходя ближе. - Мадам Дайя? С вами все в порядке?

Ее сгорбленные плечи напрягаются.

- Уходи! - шипит она, не поднимая головы. Слова ее едва слышны, словно рыдания душат ее.

- Я... я могу вам чем-нибудь помочь? - спрашиваю я, хотя и так понятно, что не могу. Позади стоит все та же служанка, но ближе подходить не осмеливается и явно намекает, что и мне следует оставить госпожу в покое.

Мадам Дайя не уходит.

- Кто ты? - сквозь слезы шепчет она.

- Я Леи. Одна из Бумажных Де...

Она резко поворачивается и вскакивает на ноги прежде, чем я успеваю закончить фразу. Я отшатываюсь, но она хватает меня за плечи, так что ногти вонзаются мне в кожу, и

притягивает к себе. Слишком близко. Я с трудом сдерживаю вскрик ужаса: ее лицо в тени, но тень лишь подчеркивает ее ужасный облик. Обвисшая кожа, облезлая кляча, как бумага, вздутые веки, глаза с сеткой кровавых сосудов, гнилые желтые зубы.

Она – настоящее чудовище.

Я пытаюсь вырваться.

– Я... я не хотела...

– Нет, смотри на меня! Смотри! – кричит она, не отпуская моих плеч. – Во всем этом виноват он один!

– К-кто виноват?

– Мой идиот муж! – голос у нее хриплый, прерывистый, как будто ей раздирает горло. Из воспаленных красных глаз катятся слезы. – Он совершил ошибку в очередном рейде в Ущелье Шому, и Король отказал ему в ежегодном разрешении на магию, а без регулярных визитов к шаману... видишь, во что я превращаюсь? Я не могу показаться на празднике в таком виде!

Пока она говорит, с ее щек отслаивается еще несколько лоскутов кожи. Опадая, они задевают мое лицо.

Я отшатываюсь, и женщина хохочет безумным смехом.

– Вот что ждет нас всех! – кричит она. – Пытайся с этим бороться, пытайся убежать – все бесполезно, девочка! Придет день, когда ты станешь такой же, как я. Когда тебе постоянно придется поддерживать магией молодость и красоту, чтобы радовать своими прелестями любого бездарного самца, которому пожалует тебя Король, как призовую лошадь, ты поймешь, о чем я говорила. Ты сама все узнаешь!

Внезапно я понимаю, что именно с ней случилось: истощение энергии *ци*. Так как магия – элемент, постоянно циркулирующий в мироздании, ее нельзя создать из ничего, можно лишь совершать обмен с помощью шамана, направляющего ее с помощью *дао*. Инь и ян, энергия, кровь жизни мира, *ци*... все должно находиться в равновесии. Течь непрерывным потоком. Шаманы могут нарушать это равновесие, притягивая магию земли в обмен на что-то равноценное – разбрасывать семена растений, хоронить в могилах ритуальные деньги, набивать на собственной коже все новые татуировки, – тогда платой за магию становится их боль, связующим элементом, подтверждением верности. Но даже в этих случаях – если просить у богов слишком много магии, заклинания начинают изнашиваться и даже давать побочные эффекты.

– Я... мне очень жаль, – шепчу я, хотя и понимаю, что это пустые слова. Даже мне самой они кажутся именно такими.

Мадам Дайя хохочет мне в лицо.

– Девочка, тебе несомненно будет очень жаль, хотя и не прямо сейчас. Тебе будет очень жаль, что ты вообще переступила порог дворца. Но будет поздно.

Она наконец отпускает меня, и я, спотыкаясь, карабкаюсь вверх по склону – и бегу обратно на праздник так быстро, как позволяет мне узкое платье.

Когда я возвращаюсь к плавучей чайной, та уже пуста. Неужели праздник успел закончиться, и все вернулись в спальни? Но нет – я замечаю впереди движение и понимаю, что все собрались на одной из больших главных платформ. Музыка стихла, все чего-то ждут в тишине. Но это не тишина радостного ожидания, а какое-то злое безмолвие, атмосфера очень напряженная. И тут из толпы слышатся первые крики.

Нет, не крики. Торжествующие злобные выкрики.

– Эй, стоять! – ко мне по мосткам бежит стражник. – Ты что здесь... О, извините!

Он спотыкается, его медвежьи уши поджимаются, когда он меня узнает. Наконец и я

узнаю его – это тот самый стражник, которого я видела у входа в день прибытия во дворец. У него мягкое, приятное лицо, совсем не сочетающееся с формой охранника и с мечом на поясе.

– Госпожа Леи-чжи, – он отвечает мне поклон. – Примите мои извинения. Я вас не сразу узнал...

– Что здесь происходит? – перебиваю я его.

Он оглядывается на платформу.

– Это просто... просто Король решил добавить к программе новый элемент, – объясняет он, но от моего внимания не ускользает, что он смущен.

Крики на платформе становятся все громче.

– Что за новый элемент?

Он открывает рот, но потом качает головой.

– Идемте со мной, госпожа. Присутствие всех гостей обязательно. Таков приказ Короля.

Я иду за ним к широкому помосту, забитому народом. Чем ближе мы подходим, тем мне проще разобрать, что именно кричат в толпе. Слышны слова «Гнилая бумага!», «Вонючки!», «Кеда!».

– Наверное, можно остановиться здесь, это достаточно близко, – говорит медведь-стражник, но я отталкиваю его и бросаюсь вперед, к центру событий, по пути расталкивая локтями толпу, и пробираюсь в самую середину...

И в ужасе замираю.

Воспоминание, такое яркое, будто это случилось только что. Женщина из Бумажной касты с глазами, полными ненависти. Взмах дубинки стражника, треск костей ее черепа.

Сцена, которая разворачивается передо мной, отличается деталями, но не по существу. Демоны-стражники с обнаженными топорами и катанами окружают группу Бумажных заключенных – тут и мужчины, и женщины, и даже дети. Их лица белы, взгляды полны... не ненависти, страха. Король меряет платформу шагами, разглядывая их, и завершает свою речь со смехом:

– ...таким образом, я подумал, что праздник – хороший повод оказать им приличествующее гостеприимство во дворце!

Его голос непросто расслышать сквозь шум толпы. Король ухмыляется во весь рот, энергия толпы подпитывает его, добавляет энтузиазма. Он слегка пошатывается – должно быть, пьян. Я оглядываюсь вокруг, ища глазами Майну или Аоки, но из знакомых в нескольких рядах от себя различаю только Ченну.

Я проталкиваюсь к ней.

– Что это такое?..

Губы Ченны так плотно сжаты, что превратились в тонкую белую линию.

– Солдаты только что вернулись из экспедиции на восток Ноэй. Они привезли с собой этих людей... будущих дворцовых рабов, – она переводит дыхание. – Король раздает их в подарки своим гостям.

– Что?..

Один из пленников, немолодой мужчина с волосами, тронутыми сединой, пробивается в передний ряд, к самому кольцу охраны. Стражник вскидывает руку, чтобы остановить его, хватает его, тот пытается освободиться.

– Умоляю! – кричит он. – Смилуйтесь, *Масута*...

- Вот как, - насмешливо отзывается Король. - Ты признаешь меня своим господином, когда пришло время просить о милосердии? И ты еще смеешь умолять меня о милости? Милость я приберегаю для своих верных. А не для *кееда*.

Это слово из уст Короля обжигает меня, как удар кнута. До сих пор на публике он избегал подобных выражений, и я не понимаю, почему сейчас он себе такое позволяет. А потом вспоминаю, что нахожусь на небольшой вечеринке для избранных гостей - кругом сплошь лучшие представители Лунных и Стальных кланов, генералы армий. Единственные члены Бумажной касты, которые здесь присутствуют, кроме пленников из Нозй, это мы.

- Здесь мои дети, моя жена! - снова кричит несчастный пленник, давясь рыданиями. - Умоляю, *Масута*. Смилуйтесь. Отпустите их...

Король испускает яростный рев.

- Человеческая тварь не смеет указывать мне, что я должен делать!

Грохоча копытами, он бросается вперед - неожиданно, куда быстрее, чем можно было ожидать, и в этот миг он куда больше похож на животное, чем на человека. На быка, обуреваемого животной яростью. Он отшвыривает с дороги стражника и хватает пленника за шею. А потом одним прыжком оказывается у края платформы и швыряет его вниз, в реку.

Шумный плеск. Тишина. А потом толпа взрывается радостными воплями и аплодисментами.

Ни я, ни Ченна не аплодируем и не издаем ни звука.

Сброшенный в воду человек не виден из-за высоких ограждений, но я слышу, как он отчаянно плещется в воде, отплевывается и пытается звать на помощь. До сих пор взывает к королевскому милосердию.

Король не обращает на него внимания. Он широким жестом указывает на остальных пленников, улыбаясь во весь рот.

- Не стесняйтесь, друзья мои, берите себе рабов сколько хотите. *Кееда* уже получили хороший урок и больше не вздумают перечить господам.

Демоны приближаются к несчастным, возбужденно переговариваясь и смеясь. Чья-то рука тяжело ложится мне на плечо, и я подскакиваю на месте.

- Пойдемте, девочки, - каркает мадам Химура. - Нам пора.

Я не могу отвести взгляда от рабов, которые, сжавшись от страха, ожидают грубых прикосновений осматривающих их демонов. К горлу подступает тошнота, и я сглатываю.

- Но как же...

- Ты что, хочешь к ним присоединиться? - огрызается она.

Я запинаюсь. Она жестоко улыбается, потому что отлично знает - мой ответ будет «нет». Неважно, как я пытаюсь храбриться, все равно в моей груди бьется слабое, разбитое, испуганное сердце.

Я - *дзарджа*.

Предательница.

Та рабыня была права, думаю я, вслед за остальными девушками спеша к паланкинам, ждущим нас на берегу. Я не смею даже оглянуться назад. Потому что я - *дзарджа*.

Глава девятнадцатая

Вернувшись с праздника, я не могу уснуть. Мне очень плохо, я чувствую себя совершенно больной. Отсутствие имени мамы в списках Ночного Дома, слова Аоки о том, что Король планирует меня скоро вызвать, ужасное лицо бывшей Бумажной Девушки, лица рабов, окруженных хохочущими демонами... Всего этого слишком много. Ужасный выдался день.

Я лежу и смотрю в потолок. Комнату наполняет тихий шорох ночного дождя. Этот звук всегда напоминает мне о доме, о сезоне муссонных дождей в Сяньцзо, когда земля под ногами превращается в грязь. Тянь обожает эти дожди – они предвещают, что будет много грибов, – и одновременно сердится, потому что Бао всюду оставляет мокрые грязные следы.

Но сейчас дом – это последнее место на свете, о котором я могу думать.

Я должен карать всех, кто мне не подчиняется. Очистить королевство от предателей.

Слова Короля снова и снова звучат у меня в голове. Я думаю о птицах, которых видела сегодня ночью, о том, как легко они отрывались от земли, улетали прочь... О том, что не могу последовать за ними.

Стены комнаты душат меня. Я встаю и набрасываю на плечи меховую накидку, а потом тихонько выхожу за дверь, на цыпочках иду по коридору к двери, из которой несколько недель назад тайно выскальзывала наружу Майна. Я так поглощена своими мыслями, что, когда открываю дверь и снова вижу на улице Майну, даже не успеваю удивиться. Просто замираю, и рот сам собой приоткрывается.

Хорошо, что я не издала ни звука от изумления, потому что она не одна.

Майна в ночной рубашке стоит вплотную к огромному волку-демону, откинув голову, чтобы видеть его лицо. Волк принадлежит к Лунной касте, его острое звероподобное лицо поросло серой шерстью, на подбородке видна белая звездочка. Он одет в военную форму. Одна его тяжелая лапа придерживает Майну за подбородок, словно поднимая ее лицо для поцелуя.

А потом они отстраняются друг от друга.

Быстро задвинув Майну себе за спину, волк разворачивается в мою сторону. Глаза у него серо-голубые, как мерзлая вода. Что-то в нем кажется мне знакомым, будто я его уже встречала, но прежде, чем я успеваю понять, где именно, он подходит ко мне вплотную, нагибается так низко, что влажный кончик его носа почти касается моего лба, и шепчет:

– Проболтайся об этом хоть словом, и тебе не жить.

Еще мгновение – и он исчезает в пронизанной дождем темноте сада.

Тишина. Шорох струй. И молча смотрящая на меня Майна.

Впервые я вижу ее захваченной врасплох, неуверенной. В глубоком вырезе ночной рубашки виднеется грудь, подол не прикрывает длинных стройных ног. Меня пронизывает жар желания. Но я тут же думаю о ней и волке-демоне, о моменте близости между ними, который я, должно быть, прервала своим появлением, и желание обращается в жгучую ревность.

– Леи, – говорит Майна, делая шаг в мою сторону.

Я отстраняюсь.

– Не прикасайся ко мне.

– Я могу объяснить...

– Спасибо, не нужно. Я сама отлично справлюсь с объяснением.

Мой голос невольно повышается, и Майна бросает тревожный взгляд в дверной проем за моей спиной. Она стремительным движением затворяет дверь и за руку тянет меня прочь с веранды, в сторону темного сада. Моя ночная рубашка и кожа разом намокают от дождя. Майна ведет меня к дереву, чьи ветви образуют густой шатер, едва ли не касаясь земли. Естественная беседка надежно скрывает нас от посторонних взглядов. В воздухе пахнет свежестью, зеленью, сладким ароматом ночных цветов.

- Это не то, что ты думаешь, - говорит она, когда я выдергиваю из ее руки свою ладонь.

- Откуда ты знаешь, что я думаю?

- Я понимаю, как мы могли выглядеть со стороны.

- Хорошо, что ты это понимаешь.

- И все же это совсем не то, как могло выглядеть со стороны.

- Вы обнимались, - выговариваю я, с трудом выплевывая слова. - Прикасались друг к другу.

Она сжимает губы.

- Прикасались, но... не в этом смысле.

- В любом случае твой... волк отлично понимал, что то, чем вы занимались, весьма предосудительно. Иначе бы он не угрожал меня *убить*. Или ты пропустила эту подробность?

- Он не собирается причинить тебе никакого вреда, - поспешно отвечает она, но в ее голосе я слышу неуверенность. - Леи, он просто испугался. Если кто-нибудь узнает, что он сюда приходил...

- Не волнуйся, - огрызаюсь я. - Не собираюсь я никому доносить.

- Я знаю, что ты не собираешься.

Какой бы ядовитый ответ я ни собиралась выдать, я невольно забываю его и растерянно моргаю.

- Так ты... доверяешь мне?

Наши взгляды встречаются в темноте.

- Конечно, - отвечает она тихо.

Я делаю шаг ей навстречу.

- Если доверяешь, скажи мне, кто он такой, Майна.

- Я... я не могу. - Она тянется взять меня за руку, но я уворачиваюсь. - Пожалуйста, Леи, - просит она. - Эта тайна больше меня. Это не только мой секрет, я не вправе его выдать.

Я откидываю со лба мокрые волосы.

- Он - какая-то важная шишка во дворце, верно? Твой волк.

Она кивает.

- Как вы познакомились?

Она не отвечает.

- Зачем вы встречались?

Снова нет ответа.

Я пробую другую тактику.

- Это с ним ты то и дело бегала встречаться по ночам?

На этот раз спустя некоторое время она все же отвечает.

- В том числе.

Я безрадостно усмехаюсь.

- *В том числе?* Значит, есть и другие?

- Да нет же! Я имею в виду, что не каждый раз ходила... на встречу с кем-то.

- А куда же? Чем ты занимаешься по ночам в саду?

Она отвечает усталым взглядом, без слов говорящим: «Ты же знаешь, что я не могу сказать».

- Ты мне лгала.

Это звучит по-детски, очень глупо, однако чувство, вынудившее меня выпалить эти слова, никак не назовешь детским. Я дрожу всем телом. Виной тому не только холодный дождь, но и кое-что еще - дикая, отчаянная боль, не отпускающая меня с того момента, как я застала Майну вместе с волком. Капли дождя дрожат на ресницах, стекают по губам. Я стряхиваю их ладонью.

- Я тебя спрашивала, встречаешься ли ты с кем-нибудь. Ты поклялась, что у тебя никого нет.

- Это правда. Я не встречалась ни с кем в том смысле, в котором ты спрашивала. И не встречаюсь.

- Я тебе не верю.

Майна бессильно стонет.

- Леи, у меня нет никого другого.

Я только закатываю глаза.

- Ты это уже говорила, - начинаю я, но потом вдруг осознаю, как именно она это сформулировала.

Никого *другого*.

И словно во внезапной вспышке озарения я понимаю, что она имеет в виду.

Что кое-кто у нее все-таки есть.

- Ох, - выдыхаю я, земля уходит у меня из-под ног. - Ты... ты это обо мне?

Она приближается вплотную, взгляд ее так горяч, что обжигает, обращает в пар капли дождя. А потом она медленно и осторожно поднимает руку к моей щеке.

Я отшатываюсь, пока она не успела меня коснуться.

- Мне... нужно идти.

Я разворачиваюсь и, словно слепая, оступаясь, бегу обратно к дому. Поскользнувшись на мокром камне, я почти падаю - но Майна, в мгновение ока оказавшись рядом, подхватывает меня под локоть. Руки ее смыкаются вокруг моих запястий.

- Пожалуйста, успокойся, - умоляет она.

Я нервно смеюсь сквозь зубы.

- Как я могу успокоиться? Ты же сама понимаешь, что предлагаешь мне! Что будет, если кто-нибудь нас заподозрит? Мы... мы просто не можем, Майна, - я опускаю глаза. - Мы... не должны.

- Разве не этого ты хочешь?

- Чего я хочу - не имеет значения.

Голос Майны звучит жестко.

- Нет. Это единственное, что имеет значение.

Воздух вокруг нас вибрирует, полон электричества. Руки Майны все еще сжимают мои запястья, и от ее горячего прикосновения мой пульс ускоряется, сердце несетя галопом.

Наши губы разделяет всего какой-то дюйм.

- Мы же Бумажные Девушки, - едва слышно шепчу я, хотя шум дождя заглушает наши голоса, а сад совершенно пуст. Кажется, не только сад, а весь мир совершенно пуст. Не осталось никого, кроме меня и Майны, и пространства между нами - пространства, где мог бы произойти наш первый поцелуй. - Мадам Химура и госпожа Эйра с самого начала дали нам понять, что наши желания здесь ничего не значат. Мы существуем только для Короля.

Темные глаза Майны за густыми ресницами бешено сверкают.

- Но ты воспротивилась ему, Леи. Ты дала ему бой, сказала ему «нет» - тому, кому никогда никто не отказывал. Даже зная, что понесешь за это наказание. Ты больше, чем кто бы то ни было, понимаешь, что наши желания *важнее всего*. - Она ненадолго умолкает. - Когда мир не дает тебе выбора, ты выбираешь сама. - Она проводит пальцами по моим запястьям и придвигается еще ближе. - И *это* - мой выбор.

Все вокруг заливают дождь. Его капли стекают по лицу Майны, по ее щекам, замирают в уголках губ. Ее тонкая рубашка промокла насквозь и прилипла к телу, и это невероятно трудно игнорировать.

Кто угодно может застать нас вдвоем.

Ну и что? - яростно кричит часть меня. Пусть смотрят! Пусть хоть все глаза проглядят! Устройте им настоящее шоу, пусть выстраиваются в очередь и покупают билеты, наплевать! Но другая часть меня, такая же реальная, отлично помнит, что случилось недавно в конце праздника, что может произойти, если я снова рассержу Короля. И это произойдет даже не со мной, а с Тянь и папой.

Я с трудом размыкаю пальцы, переплетенные с пальцами Майны.

- Прости меня, - шепчу я.

И бегу в дом, пока она не успела меня остановить. Вернее, пока я сама не успела себя остановить. Потому что желание поцеловать ее, заключить в объятия и слиться с ней телами слишком сильно, оно бьется у меня внутри, как птица о прутья клетки. И с каждой секундой, пока мы рядом, эта птица все ближе к тому, чтобы вырваться на свободу.

Глава двадцатая

Осень приходит во дворец, принося затяжные дожди, холод и утренние туманы, преобразование листьев из зеленых в огненные. Следующие несколько недель все мои мысли и дела пронизывает воспоминание о нашем с Майной несостоявшемся поцелуе. Я почти не различаю слов наставников на уроках. А по вечерам стараюсь хоть иногда отрывать взгляд от Майны, думать о чем-нибудь еще, кроме того, как ей идет очередное прекрасное платье или как невероятно красиво ее лицо с тем или иным макияжем. Под маской Бумажной Девушки я теперь постоянно вижу ее настоящую – как в ту ночь, когда дождь смыл все наносное между нами, и остался только сокровенный огонь желания.

Когда довольствоваться мечтами о ней становится невыносимо, я выхожу в коридор и подхожу к ее дверям. Поднимаю руку, чтобы постучать, прижимаю ладонь к дереву, но так и не могу заставить себя постучать и войти. Страх быть пойманной сильнее всего.

И еще страх, что если я прикоснусь губами к ее губам, уже не смогу остановиться.

Однажды утром Лилл одевает меня поверх платья в теплый красный плащ, спадающий складками до самого пола. На улице холодно, в воздухе пахнет приближающимся снегопадом. Вот-вот начнется зима, и я жду ее с нетерпением. Может быть, зимний холод слегка остудит мои чувства, поможет заморозить огонь в крови, разгорающийся всякий раз, когда Майна оказывается рядом.

А она оказывается рядом постоянно.

Когда я прощаюсь с Лилл и выхожу в коридор, Майна уже ждет меня там.

– Привет, – улыбаюсь я, чувствуя, как к лицу приливает кровь. А потом понимаю, во что она одета: в белый плащ. Белый – цвет траура в нашем королевстве.

– Держи, – она протягивает мне серебристое кимоно и такой же плащ, как у нее. – Ступай скорее переодеваться.

– Но почему... – начинаю я, и она быстро меня перебивает:

– Разве ты забыла, что сегодня у нас обеих день траура? – она говорит чуть громче, чем обычно. Мимо, улыбаясь нам, проходят Чжэнь и Чжинь, и я понимаю, что она нарочно повышает голос, чтобы слышали другие девушки. – Ты что, настолько устала, что забываешь чтить память собственных предков?

Я моргаю.

– Очень мило со стороны мадам Химуры дать нам разрешение пропустить сегодняшние занятия ради молитвы об усопших, – продолжает она. И я понимаю: наверное, Майна соврала мадам Химуре, что у нас с ней совпал день траура, придумала какую-нибудь историю о покойных родственниках, о которых мы – совершенно случайно – должны возносить молитвы в один и тот же день. Духовные практики – почти единственная причина, по которой нам позволено пропускать уроки. Но что такого Майна задумала мне показать во Дворе Призраков?

Я слышу звук открывающейся двери. Это из своей комнаты дальше по коридору выходит Ченна. Она встречается со мной взглядом.

– Леи, все в порядке?

– Да, конечно, – улыбаюсь я. – Скоро увидимся.

Она переводит взгляд на Майну, которая молча стоит и ждет, когда Ченна уйдет.

Коридор пустеет, и Майна подходит ближе.

– Ты хотела знать, ради чего я по ночам покидаю Бумажный Дом, – шепчет она. Глаза ее сверкают. – Я покажу тебе.

Мы идем рядом, на этот раз обе – в белых траурных одеждах. Так странно носить белое, этот цвет пробуждает во мне воспоминания о том, как я в последний раз надевала траур.

Но я не могу скорбеть и тревожиться – настолько меня возбуждает мысль, что вот-вот я узнаю тайну Майны. Мы садимся в паланкин, нас сопровождает Чихо, горничная Майны.

Несмотря на зловещее название, Двор Призраков красив. Здесь много изящных садов камней, прудов и лужаек между деревьями. Множество самых разных храмов соединяются между собой мостиками и лесенками. Здесь есть и высокие, многоэтажные храмы с выгнутыми крышами и яркой черепицей, и маленькие пагоды из белого камня. Над кронами деревьев высятся башни *меру*. На жаровнях у дверей горят подношения – жертвенные деньги, бамбуковые ящички с едой. Пламя танцует над углями и серым пеплом, из некоторых храмов слышатся мелодичные песнопения служительниц.

Мы входим в небольшую уединенную рощицу. Перед нами – маленький храм с крытой гонтом крышей и выцветшими от времени красными полосами на стенах. Каменный фундамент зарос мхом. Над ним раскинул крону высокий баньян.

– Я буду ждать вас снаружи, госпожа Майна, госпожа Леи, – говорит Чихо, когда мы выбираемся из паланкина.

Я бросаю на Майну заинтригованный взгляд. Похоже, она заранее знала, что сопровождающим вход в храм запрещен – входить разрешено только молящимся.

Мы молча входим. В храмах у меня постоянно возникает ощущение, что здесь нельзя говорить громко, вообще не следует производить лишнего шума, но даже если бы я хотела заговорить в полный голос, напряжение, исходящее от Майны, остановило бы меня. Мы минуем молитвенный зал, где на нас сверху вниз смотрят каменные и золотые статуи с самыми разными выражениями лиц. Некоторые статуи богов улыбаются, у них полные щеки и веселый вид, другие же рассматривают нас холодно, почти неприязненно. Я узнаю Ранцзю, одну из богинь земли, и Аи, небесного бога, который, по легенде, тайно живет где-то в нашем королевстве, спустившись с небес из-за любви к земной женщине.

Наши шаги кажутся громкими в тишине храма. В отличие от других храмов, этот совершенно пуст и выглядит полузаброшенным. Мы входим в крипту в самом его сердце. У меня першит в горле от запаха благовоний. Похоже, пещера выбита в камне очень давно. Сквозь узкие окна под потолком проникают лучи света, в них кружат золотистые пылинки. Сюда проросли корни баньяна. Майна ведет меня сквозь череду молитвенных комнат к галерее, выходящей в заднюю часть храма. Когда мы входим в галерею, Майна берет меня за руку, и внутри все сжимается от удовольствия – но тут мы проходим через высокую арку, и я забываю обо всем на свете, такая красота нам открывается!

Мы оказываемся в маленьком саду, окруженном кольцом стен. Камни стен очень старые, они местами крошатся, покрыты зеленым мхом и заросли плющом. Сквозь трещины плит под ногами прорастает трава. Это место выглядит еще более заброшенным, чем весь остальной храм, позабытым и пустынным... если бы не дерево.

Оно стоит посреди сада, не похожее ни на одно из деревьев, виденных мной до сих пор. Хотя ствол и ветви кажутся обычными, покрытыми древней потрескавшейся корой, однако листья на этих ветвях сделаны из бумаги. Но не из обычной бумаги. Несмотря на то что в тихом воздухе нет ни дуновения, листья шелестят и трепещут, как на ветру. Они окружены золотистым свечением магии, пульсируют ею, и на каждом листке видна надпись.

Я подхожу ближе, протягиваю руку к одному из листьев. Он вибрирует под пальцами, как живой. Легкое движение воздуха, исходящее от ветвей, сдувает со лба прядь волос, шелестит полами одежды.

Я вижу, что написано на листке легкими движениями кисти. «Минато». Я перевожу глаза на другие листья. «Роза». «Тира». «Анджиана». Я оглядываюсь на Майну.

– Это все имена. Женские имена.

Она кивает. И, не говоря ни слова, ведет меня вокруг дерева, поднимается на цыпочки и наклоняет вниз одну из веток, чтобы показать мне лист на самом ее кончике – маленький, похожий на слезу.

- Леорэ, - читаю я имя, написанное на листе. - Кто она?

- Она, - отвечает Майна, - была моей сестрой.

Мгновение невероятной тишины.

- Я думала, что ты единственная дочь, - говорю я наконец. - Не знала, что у твоих родителей были и другие дети.

- У них не было других детей. И я у них тоже не рождалась, - тихо продолжает она. - Я... я не настоящая Ханно.

Сердце пропускает удар.

- Тогда из какого клана ты на самом деле производишь?

- Из Сиа, - просто отвечает она.

Так просто. Как будто она только что не произнесла имя великого клана воинов, злая судьба которого стала притчей во языцах по всей Ихаре.

Клана, который был полностью уничтожен много лет назад.

- Глава Ханно удочерил меня, когда мне был всего год от роду, - рассказывает Майна. - До этого я жила с последними выжившими из клана Сиа, которые скрывались в восточных горах Райна.

Мы сидим под ветвями дерева имен. Из-за магического сияния бумажных листьев воздух кажется золотым. Я чувствую себя здесь в полной безопасности - как будто магия дерева может защитить нас с Майной от всего остального мира. Пальцы наши переплетены. Рассказывая мне свою историю, она гладит меня большим пальцем по ладони, словно рисует на моей коже тайные знаки.

- Как ты наверняка знаешь, раньше Сиа был самым великим кланом воинов во всей Ихаре. Он был известен уникальными методами соединения воинского искусства с управляемыми потоками энергии *ци*. Сиа были одновременно воинами и шаманами, принадлежали сразу и материальному, и духовному миру. Их искусство было легендарным, так что множество вождей кланов по всему королевству стремились заключать с ними союзы, иметь их в числе своих друзей. Но Сиа предлагали помощь только тем вождям, которых считали достойными.

Да, Тянь рассказывала мне легенды о великих воинах Сиа, о том, каким могущественным в Ихаре был их клан.

- А я никогда не знала, верить ей или нет, - говорю я Майне. - Я-то думала, что клан Сиа - это просто одна из множества сказок, которые Тянь рассказывала, чтобы меня напугать.

Майна кивает.

- Да, для большинства людей клан Сиа - не более, чем сказка. Или легенда. Нечто, о чем рассказывают шепотом и с оглядкой. А раньше о Сиа говорили в открытую, не боясь преследований, - голос ее становится ледяным. - Но Ночная Война все изменила. До войны Король-Бык из Хана, первый Король-Демон, искал союза с кланом Сиа, чтобы мы помогли ему в войне за власть. Он всегда был большим поклонником умений Сиа, хотя его восхищение и затмевали зависть и ревность. Он не просто хотел их помощи, он хотел сам овладеть их мастерством. Он нанимал шаманов, чтобы те обучали его применять магию в качестве оружия, пытался подражать боевым искусствам Сиа. Но он не мог в этом преуспеть. Ведь Сиа воспитывали своих детей воинами с младенчества, обучали их тому, как работает магия, как задействовать ее, не нарушая миропорядка. И никогда не просили у магии больше, чем были готовы отдать взамен. Король-Бык, в отличие от них, был нетерпелив. Он желал скорее отнимать *ци* у земли и пользоваться ею, нежели с уважением направлять ее, хотел подчинить энергию *ци* своей воле.

Поняв в конце концов, что сам он неспособен овладеть этой магией, Король-Бык пригласил Сиа на совет, чтобы убедить их присоединиться к его армии. Они уже были

наслышаны о его жестоких методах ведения войны, однако из уважения прислали к нему двух послов-воинов. Те выслушали предложения Короля, ознакомились с его планами – и отказались участвовать. Они решили, что в руках подобного правителя сила может принести слишком много зла. Однако Король не принял отказа, пришел в ярость и, захватив посланников в плен, бросил их в темницу, пытал, чтобы добыть информацию о секретах их клана.

– А посланники Сиа не могли отбиться с помощью своей магии? – спрашиваю я.

Губы Майны сжимаются в тонкую линию.

– Король все хитро спланировал. Предвидя ход событий, он понимал, что несколько охранников – не ровня двоим Сиа в бою, так что он собрал целую армию из своих лучших мечников и шаманов. Их объединенными усилиями удалось справиться с двумя воинами. – Она умолкает, и я кожей чувствую ее гнев. Пальцы ее крепко сжимаются, пульс ускоряется под моей рукой, сердце колотится вдвое быстрее. – До того никто не смел и пытаться захватить Сиа в плен. Существовало неписаное правило, что решения этого клана нужно уважать, какими бы они ни были. Но подло напасть на его представителей в мирное время, заманив в ловушку, пленить их, пытать, чтобы выведать информацию, которую они никогда не открыли бы по доброй воле... – она яростно выдыхает. – Это было просто омерзительное предательство. Омерзительное. Заслуживающее самой суровой кары богов. – Она смотрит перед собой остекленевшим взглядом. – Но боги, похоже, отвратили лица от смертного мира, решив не вмешиваться в его дела. Неделю за неделей, месяц за месяцем армии Короля-Быка опустошали Ихару, убивали вождей кланов, нарушая союзы.

– А что стало с двумя пленниками, послами Сиа?

– Никто не знает этого наверняка. Может быть, их не удалось заставить говорить никакими пытками, и Король попросту казнил их. Я думаю, было именно так. Но некоторые верят, что им удалось бежать из плена. Другие говорят, что они оказались предателями и перешли на сторону Короля, сражались рядом с ним в Ночной Войне, и именно поэтому Королю-Быку удалось победить в ней.

По моему телу пробегает дрожь. Мощь меча в сочетании с магией... Достаточно, чтобы утопить в крови все королевство.

– Когда Король захватил восемь провинций и основал свой двор, – продолжает Майна, – он положил все силы на уничтожение клана Сиа. Он знал, что в честном бою их победить невозможно. Все те битвы, в которых они выступали в Ночной Войне против его армий, Король проиграл. Так что он запланировал внезапные удары, нападения из засады. Он даже посмел нападать на Сиа в священные дни, когда, как он отлично знал, они не имеют права сражаться. После долгих лет грязной войны клан Сиа был почти полностью уничтожен, хотя ходили слухи, что горстка выживших скрывается в диких горах провинции Райн.

– И ты потомок этих выживших, – выдыхаю я.

Кивок.

– Когда я родилась, я стала двадцать третьим членом клана Сиа, – она с трудом сглатывает. – И его последним членом. Я была слишком мала во время нападения и совершенно ничего об этом не помню. Кетай Ханно нашел меня на пепелище нашего дома. Он без труда составил картину произошедшего: кто-то выдал тайну нашего поселения Королю-Демону, и тот послал на нас армию, напавшую глубокой ночью. Мой народ сражался с присущей ему отвагой – снег был до земли пропитан кровью солдат Короля. Но нас было всего двадцать три человека, и половина из нас – дети. Нас взяли числом, у нас не было шансов. К рассвету после ночи резни клана Сиа больше не существовало. – Голос ее дрожит, но она все равно продолжает: – Моя мать, мой отец, моя пятилетняя сестра... все погибли.

Над нами шелестят бумажные листья дерева. Я притягиваю Майну к себе, прижимаю к груди так крепко, что чувствую каждый ее вздох – частые, короткие вздохи, рваный ритм. В этот миг день, когда демоны забрали мою мать, кажется мне необычайно близким, он словно выжжен у меня на сердце.

Я знаю, что это такое – потерять семью. Утратить последнюю надежду.

Майна высвобождается из объятий.

– Я хочу тебе кое-что показать, – говорит она, вставая и поднимая меня за собой.

Снова пригнув к земле ветку с именем своей сестры, она шуршит листвой, ищет что-то. И находит – еще один сияющий золотом лист, и мое горло сжимается, когда я вижу имя на нем.

Йори.

Моя мама.

Я поворачиваюсь к ней:

– Это ты сделала?

– Это Храм Утраченных, – объясняет она. – Он посвящен мертвым, по которым мы не можем скорбеть открыто. Для меня это моя семья, клан Сиа. Родные, имен которых я даже не могу произнести на публике, не могу открыть, что они вообще существовали. В одной из здешних комнат я устроила кенотаф в память о своих родителях, но это дерево посвящено одним только утраченным женщинам, чьи имена сокрыты, и только здесь я могу молиться о духе своей сестры. – Она на мгновение умолкает. – Когда ты рассказала мне, что случилось с твоей матерью, я... я подумала, что тебе тоже может понадобиться место, куда ты могла бы прийти помолиться о ней.

Я молчу так долго, что по лицу Майны разливается тревога.

– Я не должна была решать за тебя, – взволнованно говорит она. – Я поспешила...

– Нет, – я беру ее за руки и снова переплетаю наши пальцы. – Мне это было очень нужно, Майна. Я нуждалась в этом даже раньше, чем сама это поняла.

По моему лицу катятся слезы. Я не обращаю на них внимания, не пытаюсь стереть. Дыхание прерывается. Все так очевидно. Как я могла закрывать на это глаза... Я старалась обмануть себя, цеплялась за ниточку надежды. Думала, что мои предчувствия лгут, что отсутствие маминого имени в списках Ночного Дома – просто ошибка. Что она могла найти способ сбежать, выжить – только потому, что она моя мама, и я люблю ее, и она самая умная и ловкая, всегда сумеет найти выход, даже выход из неприступной крепости...

– Она умерла, да? – хрипло произношу я. – Моя мама умерла.

Впервые я осмеливаюсь произнести это вслух. Признать правду. Я много раз думала об этом, мысленно проговаривала эти слова, чувствовала, как они принимают форму и обретают вес, но всякий раз мне удавалось их задушить, не выпустить наружу. А теперь правда ударяет в меня, как молния – быстро и сильно, со вспышкой, раскалывающей небеса.

Я шумно выдыхаю. Майна подхватывает меня, когда я сгибаюсь пополам от душевной боли, и все время, пока в тишине храма звучат мои отчаянные рыдания, она качает меня на руках.

Казалось, за десять лет моя рана могла бы зажить, боль – притупиться, но она пылает во мне, свежая и острая, слишком яркий огонь, чтобы его погасить.

Потом мы снова сидим под деревом, и Майна заканчивает свой рассказ. На этот раз мы сидим, тесно прижавшись друг к другу, она крепко держит меня в объятиях. Имена моей мамы и сестренки Майны трепещут на магическом ветру у нас над головой, как защитные заклинания, посланные нашими собственными драгоценными богами, чтобы нас оберегать.

– Я не знаю, как мне удалось выжить после нападения, – говорит Майна. – И уж тем более – как мне, годовалому младенцу, удалось выживать на пепелище целую неделю в одиночестве, без еды, воды и укрытия. Склон горы был покрыт трупами, меня нашли

среди них – единственное живое существо на много миль вокруг. Так рассказал мне мой отец – мой приемный отец, Кетай Ханно. Он приехал в Райн, узнав о резне, и надеялся найти выживших. Он всегда верил в легенды о могуществе Сиа и хотел учиться у них, пытаться восстановить наш клан.

Я недоуменно хмурюсь.

- Погоди, но ведь клан Ханно – это главные союзники Короля-Демона среди людей?

Майна странно усмехается.

- Да, так и есть. Главные союзники.

Я жду от нее объяснений, но она молчит.

- Понятно, – вздыхаю я. – Еще одна тема, на которую ты не можешь говорить.

Она сжимает меня в объятиях.

- Прости меня, Леи. Я бы так хотела рассказать тебе... обо всем. Чтобы ты знала всю правду. Но это может быть слишком опасно.

- Значит, ты все еще не до конца мне доверяешь.

- Конечно, доверяю. Я имею в виду – это может быть слишком опасно для *тебя*.

Мы сидим молча, слушая шелест зачарованных листьев, тихий гул магии.

- Ладно, – говорю я наконец. – Значит, Кетай Ханно нашел тебя в горах и привез с собой в Анг-Хен?

Майна кивает.

- Бхали – жена Кетай, моя приемная мать – тогда была больна. Она не появлялась на публике около двух лет, и это стало прикрытием для меня. Они объявили о моем рождении с некоторой задержкой, сообщив, что решили дождаться восстановления матери после родов. Никто не оспаривал такого решения, не задавал лишних вопросов. Может, будь я мальчиком, все вышло бы иначе, мной бы куда больше интересовались, а так я стала всего лишь еще одной дочерью знатного клана, с рождения предназначенной Королю-Демону. Мое существование не могло вызвать особенных последствий. Так что я начала новую жизнь во дворце Ханно и выросла в новой семье, которую мне легко было полюбить.

- Это правда? – спрашиваю я. – Ты правда их любишь?

Короткая заминка, потом ответ:

- Да, я люблю их, как могу. Наверное, тебя удивляет, что я настолько сильно ощущаю свою связь с Сиа – я ведь прожила с ними только первый год жизни. Но я постоянно думаю о них как о своей родной, настоящей семье. Порой какие-то неожиданные мелочи напоминают мне о них – вид далеких гор, едва уловимый запах, – и я чувствую потерю с новой силой. И собственное одиночество тоже. Осознание, что я – последняя.

- Я тоже очень по ним скучаю, – шепчу я. – По своим родным. Тут все беспрестанно твердят, что я должна их забыть, но я не могу просто взять и от них отказаться.

В голосе Майны слышится ярость.

- Так не отказывайся. Я вот не отказалась.

- Разве это не делает жизнь еще труднее?

Она кивает.

- Делает. Но я и не хочу, чтобы моя жизнь была легкой. Я хочу, чтобы она была осмысленной.

Вернувшись в Женский Двор – и потом целый день, – я думаю об этих ее словах, то и дело повторяю их про себя. Они словно укореняются во мне. Растут. Разворачиваются. Каждый раз, когда наши с Майной взгляды встречаются – глаза Майны кажутся теплыми из-за нашей общей тайны, но пылают и другим чувством, – каждый раз, когда мы идем вместе по коридору, держась друг к другу на дюйм ближе, чем прежде, я чувствую, как бьется птица в моей груди о прутья клетки. Это не только физическое желание, это жажда той самой жизни, о которой Майна говорила мне под деревом имен. Жажда отваги, которая звучала в ее словах.

Я не хочу, чтобы моя жизнь была легкой. Я хочу, чтобы она была осмысленной.

Образ старухи, бывшей Бумажной Девушки, рыдающей на берегу реки во время праздника, снова и снова возвращается ко мне. Ее искаженное лицо с опадающей кожей, отчаяние в глазах. Все это время я старалась как-то наладить свою жизнь во дворце, соответствовать ожиданиям других. Неужели я была так близка к тому, чтобы потерять себя?

Ту себя, которой я хочу стать на самом деле?

Этой ночью я жду, когда весь дом погрузится в сон, а потом проскальзываю в комнату Майны.

Она мгновенно вскакивает с постели мне навстречу.

– Леи? Что ты делаешь?

Я пересекаю спальню в несколько шагов, прижимаю Майну к стене.

– Посылаю легкую жизнь куда подальше, – отвечаю я и прижимаю губы к ее губам.

Глава двадцать первая

Она каменеет от моего прикосновения.

- Подожди, - шепчет она.

Мое дыхание учащается.

- Разве мы не достаточно долго ждали?

Короткая пауза - и она отвечает на поцелуй.

По моему телу прокатывается волна дрожи. С тихим стоном Майна закидывает руки мне на шею, гладит волосы, губы ее жадно раскрываются навстречу моим. Мы сразу попадаем в единый ритм, как будто это не первый наш поцелуй, а стотысячный, выверенный танец, любимая обеими песня. Майна делала это раньше? Эта мысль вспыхивает и гаснет. Или все дело в том, что это мы двое - я и она, и то, что с нами происходит, совершенно правильно, именно так, как должно быть.

Я касаюсь кончика ее языка своим. На вкус она словно свежий ливень, словно неистовая чистая буря, ее дыхание пахнет опасностью и жизнью.

Желание пульсирует во мне, пробирает насквозь электрическими волнами. Я притягиваю ее еще ближе, наш поцелуй становится все более неистовым. Она чуть прикусывает мою нижнюю губу, и тепло растекается у меня в животе, полыхает жаром между ног, пульсирует огнем, полным страсти. Мои пальцы скользят по шелковистой ткани ее ночной сорочки. Тело Майны такое прекрасное, стройное, мускулистое, твердое, что от ее красоты даже больно. Я хочу познать ее всю, слиться с ней воедино. Даже так - прижавшись кожей к коже, - мы недостаточно близки.

Рука Майны гладит меня по спине, обнимает за талию. Я часто дышу, пылая изнутри, словно огонь вот-вот вырвется наружу. Мелькает безумная мысль, что об этом огне и говорил Мастер Тэкоа, когда впал в провидческий транс - о красном пламени внутри меня. Но как это пламя может сжечь дворец?

Нет, это тайный огонь, который может зажечь - и которым может согреться, - лишь одна-единственная девушка, чьи губы сейчас сливаются с моими.

Мы прерываем поцелуй, едва не задыхаясь.

Майна прижимается лбом к моему лбу.

- Ну вот, - шепчет она, отдышавшись. - Может, трудная жизнь и не так плоха, как может показаться.

Я тихо смеюсь.

- Это ты так шутишь?

- Ты же знаешь, что у меня есть чувство юмора.

- Докажи. Пошути еще раз.

- Может, лучше я тебя еще раз поцелую? - предлагает она, и в глазах ее мерцает улыбка.

Сердце трепещет, вырываясь из груди, когда она снова приникает ко мне губами. Но в этот миг из коридора слышится звук шагов.

Мы отшатываемся друг от друга, Майна, широко распахнув глаза, прижимает ладонь к моему рту, чтобы я не издала ни звука. Время мучительно замедляется, но шаги удаляются и затихают. За несколько комнат от нас слышен звук закрывающейся двери.

Майна отпускает меня.

- Тебе нужно идти, - шепчет она, и как мне ни тяжело это признавать, она права.

Перед тем как уйти, я еще раз беру ее за руку, наши пальцы переплетаются в темноте.

Она тихо и нежно целует меня. Потом отстраняется.

- Не приходи ко мне завтра, - говорит она, и все во мне обрывается. Но она продолжает, улыбаясь: - Я сама к тебе приду.

- Попробуй только обмануть, - отзываюсь я.

Лицо ее становится серьезным.

- Я всегда держу обещания, Леи. Чего бы мне это ни стоило.

Следующим вечером мы собираемся на представление театра теней, и за несколько часов до начала Лилл одевает и причесывает меня. На этот раз она принесла мне ярко-оранжевое платье *ципао*. Отделка рукавов и подола и ярко-золотая вышивка создают впечатление, что я объята пламенем. Лилл дополняет образ ярко-красной губной помадой, а волосы собирает в низкий тяжелый узел.

- Теперь, госпожа, вы одеты под цвет листьев, - улыбается она, отойдя на шаг, чтобы полюбоваться.

Я приподнимаю бровь.

- Ты уверена, что не перестаралась?

Лилл обычно старается свести мой макияж к минимуму, и ее вкусы в одежде, на мое счастье, скромнее, чем у горничных других девушек. Но сегодняшний наряд... я в нем похожа на живой факел.

- Госпожа, с той скверной ночи Король еще ни разу вас не вызывал. Неужели вы не хотите привлечь его внимание? Чтобы он снова возжелал вас?

Я поспешно отворачиваюсь, скрывая выражение омерзения на лице. Порой мне жаль, что Лилл так молода, но иногда мне, наоборот, нужно напоминать себе, что она всего лишь девочка. Ей столько же лет, сколько было мне, когда забрали мою мать. Я вспоминаю, как воспринимала мир тогда - черно-белым, не знающим оттенков. Все делилось на правильное и неправильное, как две стороны монетки. Лилл считает, что я должна искать внимания Короля-Демона, стремиться привлечь его. Что мой прошлый провал был всего лишь ошибкой, что я просто не справилась с собой и сделала глупость. Она думает, что я хочу Короля, потому что это обычное дело для Бумажной Девушки, а иначе и быть не может.

Потому что я Бумажная Девушка, а он - мой Король.

Мы ужинаем в покоях госпожи Эйры, а потом отправляемся во Внутренние Дворы. Театр теней - древняя традиция нашего королевства. У нас в Сяньцзо на некоторых праздниках тоже были такие представления с вырезанными из тонких дощечек куклами на палочках, которыми управляли актеры, скрытые под сценой. Сцену загораживал экран из рисовой бумаги, и на нем, подсвеченном с обратной стороны огнем жаровен, танцевали силуэты. Но сегодня, когда мы входим в высокий зрительный зал с огромной сценой и несколькими слоями шелковых завес, свисающих с потолка, я сразу понимаю, что нас ждет зрелище совсем другого рода. Вдоль края сцены идет глубокая горизонтальная ниша, в которой пылает огонь.

- Я очень волнуюсь из-за сегодняшней нашей встречи с Королем, - тихонько говорит Аоки, занимая место рядом со мной. Однако ее голос и так едва слышен в гуле голосов - в театр прибывает публика, кругом звучат обрывки разговоров, веселый смех. - Знаешь, я думала, после праздника на прошлой неделе он сразу вызовет тебя к себе. Он ведь так рад был тебя видеть! Но, наверное, он слишком занят - за всю неделю не вызывал ни одной из нас.

Она озабоченно хмурится.

- Может, это как-то связано с Порчей, - говорю я.

Майна, сидящая по другую сторону, резко подается ко мне.

- Он говорил с тобой о Порче?

Я киваю.

- И что конкретно он говорил?

- Что она становится все сильнее. И ничто не помогает с ней справиться.

Она отводит глаза, ее ледяной взгляд сверкает.

- Что такое? - спрашиваю я ее, пока Аоки отвлекается на Чжэнь и о чем-то с ней щебечет.

- Да, дела в последнее время обстоят довольно скверно, - шепчет Майна. - Все кланы об этом знают. Перед тем, как меня отправили в дворец, отец говорил, что собирается на совет вместе с главами основных кланов демонов, чтобы обсудить Порчу и способы борьбы с ней.

- Король считает, что это боги карают наше королевство.

- За что именно?

- Понятия не имею, - отвечаю я, и она снова поворачивается к сцене, но смотрит рассеянно, думая о своем.

Аоки и Чжэнь обсуждают свои наряды. Аоки разочарованно приподнимает край светло-желтого, песочного цвета кимоно с широкой юбкой и золотым поясом.

- В таком бледном наряде Король меня вообще не заметит, - жалуется она.

Блю садится перед нами и бросает на Аоки взгляд через плечо.

- Конечно, не заметит, - ядовито говорит она. - У тебя в этом платье такой цвет лица, как будто ты больна.

Я бросаю на нее сердитый взгляд.

- Ничего подобного, она выглядит прекрасно.

Блю переводит взгляд на меня.

- О, Девятая, похоже, Мастер Тэкоа не зря что-то там говорил про огонь! Ты похожа на светильник, - она презрительно поджигает губы. - Печально видеть, как некоторым приходится настолько... откровенно пытаться привлечь внимание Короля. Малышке Аоки хотя бы нет нужды так отчаянно стараться. Король говорил мне, что она на удивление искусна в постели.

К моему изумлению, Аоки сияет широкой улыбкой. Когда Блю отворачивается, она восторженно шепчет мне:

- Леи, ты слышала? Королю нравится быть со мной! Он мной доволен!

Я невольно морщусь.

- Ты считаешь это хорошей новостью?

По ее лицу пробегает тень обиды. Мои слова ее задели.

- Я же говорила тебе на празднике, Леи. Король добр ко мне.

- Только до тех пор, пока получает от тебя то, что хочет, - огрызаюсь я, чувствуя, что всерьез завожусь.

В этот миг светильники в зале гаснут. Театр погружается в тишину ожидания.

- Я думала, ты за меня порадуешься, - шепчет Аоки. В темноте я не могу разглядеть ее

лицо.

Мои губы невольно кривятся.

- Аоки... - начинаю я, но она отворачивается и нарочито пристально смотрит на сцену, слегка отодвигаясь в сторону.

Майна легонько толкает меня в бок.

- Не нам судить Аоки за ее чувства, - шепчет она едва слышно.

Я все еще думаю, что ей ответить, когда на сцене появляется танцовщица - демоница-газель. Она танцует под бой барабанов. В отличие от театра теней, который мне знаком - того, где актеры водят за палочки деревянных кукол, - эта актриса сама кукла. На ней деревянный каркас, повторяющий формы ее тела. Она танцует между несколькими слоями легких завес, и ее огромная тень на ткани повторяет каждое ее движение.

Среди толпы слышны приглушенные возгласы.

Я кошусь на Майну.

- А где Король? Кажется, он собирался присутствовать.

Она открывает рот, чтобы мне ответить, но не успевает. Ее обрывает громкий крик.

Сначала я думаю, что это часть представления, что кричат на сцене. Но потом слышится еще один крик, и еще, и еще, и вот уже зрители один за другим вскакивают на ноги с криками и воплями, и я понимаю, что к спектаклю это отношения не имеет.

Что-то случилось. Что-то плохое.

Театр захлестывает паника. Она ощущается физически, кипит и переливается через край. Все вокруг нас - люди, демоны - беспорядочно толпятся, пытаются бежать, спотыкаясь о подушки для сидения и друг о друга.

Над головами с шумом пролетает нечто, рассыпающее искры. Это горящая стрела. Она пронизывает одну из шелковых завес, и та тут же вспыхивает, стремительно превращаясь в пелену огня. Еще несколько стрел следуют за первой, и через пару секунд все каскады экранов полыхают, сыплются на пол горящими клочьями. Я прикрываю лицо руками при виде следующего залпа - стрелы свистят прямо над нашими головами. Танцовщица мечется по сцене, пытаясь спастись, силуэт ее деревянного кукольного каркаса отбрасывает на стены безумные искаженные тени - страшная пародия на танец, который она должна была исполнять.

Майна хватается за руку и вздергивает на ноги.

- Нужно выбираться отсюда, - говорит она резко, но удивительно спокойно.

Я едва могу расслышать ее голос сквозь панические вопли и треск огня. Как же он быстро распространился! Уже весь зал охвачен желто-белыми языками пламени.

- Что... что происходит? - кричу я.

- Нападение. Наверняка очередное покушение на Короля.

Ступени, ведущие к сцене, пусты. Те, кто занимал эти почетные места, сейчас толпятся у выхода в задней части театра, толкаясь и мешая друг другу. Сквозь клубы дыма я вижу госпожу Эйру, которая выводит Чжэнь и Чжинь, одна из сестер сильно хромает. Впереди, у самого выхода, мадам Химура хриплыми выкриками направляет остальных девушек.

Вспышка иссиня-черных волос - это Блю. Мадам Химура толкает ее в спину, побуждая идти быстрее, Блю беспомощно вертит головой, ее лицо залито слезами.

Аоки хватается за руку.

- Леи, - в ужасе стонет она. Глаза ее широко распахнуты, в них отражается пляшущее

пламя.

- Не волнуйся, - я крепко сжимаю ее пальцы. - Я здесь. Все будет хорошо.

Я тащу ее за собой вслед за Майной, и тут у нас над головой трескается потолочная балка и обрушивается с ужасным грохотом, преграждая дорогу. Пламя ревет, встав перед нами высокой стеной.

- Мы в ловушке! - отчаянно кричит Аоки. - Нам не выбраться!

Майна резко оборачивается.

- Выберемся. За мной! - и она снова несется вперед, ведя нас прямо к сцене.

- Это неправильный путь! - кричу я ей в спину, но она не меняет направления, и мы с Аоки бросаемся за ней, стараясь разглядеть, что она пытается сделать, исчезнув в густом дыму.

Рев пожара становится все громче. Но сквозь него до моего слуха доносятся новые звуки - звон металла о металл.

Звук сражения.

Майна резко останавливается и опускается на колени.

- Он должен быть где-то здесь, - выдыхает она и начинает лихорадочно шарить руками перед собой, ползая по полу.

- Кто - он? - кричу я, ничего не понимая, но она не отвечает - а потом торжествующе выкрикивает:

- Нашла!

Сквозь дым я не могу ничего разглядеть, но она тянет меня за собой - и я вижу под ногами распахнутый люк в полу сцены. Это запасной выход.

- Прыгай, - приказывает она, - здесь не очень высоко. И как только приземлишься, отползай в сторону.

- Откуда ты знала, что тут есть люк? - спрашиваю я, но ей не до меня, она пытается помочь Аоки.

Глубоко вдохнув, я послушно прыгаю в квадрат темноты и лечу в никуда.

Падение и правда оказывается коротким, как и обещала Майна. Я приземляюсь неловко, подвернув ногу, и лодыжку пронизывает боль, но я стискиваю зубы и быстро откатываюсь в сторону, вслед за мной из люка падает Аоки. Я помогаю ей подняться, последней спрыгивает Майна - легко и изящно, с кошачьей грацией, и без труда приземляется на ноги.

- Теперь сюда, - говорит она, указывая вперед, в темный туннель.

Мы успеваем сделать всего несколько шагов, но тут за нашими спинами слышится тяжелый звук прыжка - за нами спустился кто-то еще.

- Стоять, - рычит грубый мужской голос.

Майна стремительным движением задвигает нас себе за спину. Здесь, внизу, в подвале под театром, темно, в воздухе висит запах дыма, но сверху через люк проникает отсвет пожара, отбрасывая причудливые красные блики. Ее лицо удивительно спокойно и собранно, когда она идет навстречу темной фигуре. Глаза ее кажутся совершенно белыми, лишенными радужек - сплошные белки, холодные, как лед. В них отражаются красные всполохи огня.

- Оставь нас, - приказывает она пришельцу. - Короля здесь нет.

Ее голос отдается от стен туннеля гулким эхом, холодный и размеренный.

Единственным ответом ей служит свист стали. Майна ловко пригибается, и катана свистит над ее головой. Мужчина снова поднимает клинок, но Майна опять уклоняется, отскакивает с дороги и перекачивается в сторону, чтобы избежать очередного удара. Уходя от следующего взмаха катаны, она внезапно подпрыгивает, и ее нога в прыжке сильно ударяет врага в плечо. Тот оступает и едва не падает, и Майна пользуется моментом, чтобы броситься ему на спину и локтем пережать горло. Он издает сдавленный крик, а она свободной рукой перехватывает его кисть, держащую катану, выворачивает ее и направляет клинок на него.

Сталь глубоко входит ему в грудь.

Все это происходит так быстро и плавно, одной серией переходящих друг в друга движений, что мужчина, похоже, не успевает понять, что именно с ним случилось. А потом издает предсмертный стон и падает лицом вперед.

Майна бросает труп на пол и поднимает глаза. Они все еще пустые и белые, как лед. А потом выражение полной сосредоточенности исчезает с ее лица, и глаза становятся прежними, тепло-карими.

- Леи, - она делает шаг ко мне, протягивая руки. Ее жест призван меня успокоить, но производит обратный эффект. Руки Майны в крови, и я отшатываюсь, содрогаясь всем телом.

- Ты и впрямь Сиа, - говорю я, не узнавая собственного голоса.

Она вскидывает голову, рисунок ее скул становится жестче.

- Я же тебе говорила...

- Нет, я имею в виду... ты - одна из *Сиа*.

Сейчас я говорю не о том, что слышала от нее - о ее родстве с исчезнувшим кланом воинов. Я имею в виду, что она сама - член клана *Сиа*.

Воин этого клана.

- Сейчас не время для разговоров, - обрывает она меня и проходит вперед по туннелю. - Где Аоки?

Я оглядываюсь и вижу маленькую фигурку на полу. Аоки в глубоком обмороке. Должно быть, потеряла сознание от страха. Я опускаюсь около нее на колени и проверяю дыхание и пульс.

- Она в порядке? - спрашивает Майна.

- Думаю, да.

Майна поднимает Аоки и вскидывает себе на плечо.

- Тогда идем.

Туннель оказывается не очень длинным. Он заканчивается еще одним люком, откинув который мы выбираемся наружу - в ночь, полную дождя и отсветов пожара. На площадке перед театром мы видим несколько черных повозок, помеченных единственным символом - *акачи*. То есть - Рука бога.

Это повозки имперских шаманов.

Майна осторожно кладет Аоки на землю. Я присаживаюсь рядом с ней на корточки, проверяя ее дыхание, и перевожу взгляд на повозки. Из них цепочкой выходят фигуры в черном. Хотя мантии скрывают тела, я легко могу представить, что под одеждой шаманы покрыты сплошным узором темных татуировок. Не кожа, а чернильная карта. Шаманы кольцом окружают здание театра и синхронно вскидывают руки, принимаясь писать в воздухе символы, петь заклинания. Воздух теплеет от прилива магии, начинает гудеть и пульсировать.

Внезапно шаманы одновременно вскидывают руки к небу. От их круга летит порыв

сильного ветра, едва не сбивая нас с ног, заставляя глаза слезиться, а одежду развеваться. Но главный удар магического ветра направлен на театр, он ураганом бьет в стены здания, поднимается вверх, собираясь над куполом плотным черным облаком.

Облако висит над театром несколько мгновений, темное и густое, как грозовая туча. А потом резко падает вниз, обращаясь в поток воды.

Водопад хлещет по театру, поглощая огонь, ударяется о землю и рассыпается в стороны гигантским веером брызг, холодных, как родник, и мы вмиг промокаем до костей.

Аоки со стоном приходит в себя. Я помогаю ей сесть, откидываю ей со лба мокрые волосы.

- Что... что с нами случилось? - спрашивает она дрожащим голосом, пока я растираю ей спину, пытаюсь ее согреть и успокоить. - Ты это видела, Лей? Кто-то, кажется, спрыгнул вслед за нами в туннель... Я так испугалась! - Она отчаянно кашляет.

Я бросаю на Майну быстрый взгляд.

- Нет, никто не спрыгивал, просто что-то упало, - лгу я без малейшего замешательства. - Должно быть, кусок обгоревшей балки свалился в люк. Не волнуйся.

- Но...

- Ты просто ненадолго потеряла сознание, Аоки. Теперь все уже прошло.

Я поднимаюсь на ноги, и Майна кладет мне руку на плечо.

- Лей...

Я сбрасываю ее руку.

- Присмотри за Аоки, хорошо? Я побегу узнаю, как там остальные и где они. Приведу помощь.

Пройдя несколько шагов, я оглядываюсь, чувствуя, что Майна смотрит мне в спину. Сейчас она так похожа на себя прежнюю, что трудно поверить - совсем недавно эта юная девушка убила взрослого мужчину. И сделала это удивительно легко, как что-то простое и привычное.

Глава двадцать вторая

На следующее утро мадам Химура приглашает нас к себе прежде, чем мы успеваем позавтракать или хотя бы умыться. Наши волосы и одежда после вчерашнего еще пахнут дымом и гарью.

- Только что здесь был королевский гонец, - сообщает она. - Наши догадки оказались верными. Это нападение было покушением на жизнь Короля.

- Кто устроил покушение? - быстро спрашивает Майна.

- Насколько нам известно, это была группа воинов из Бумажной касты. Трех удалось взять живыми. Остальные семеро были убиты там же, в театре.

Я вспоминаю белые глаза Майны, когда она заколола воина его же собственным мечом. Я чувствую ее взгляд, но нарочно не отвечаю на него, глядя перед собой и стиснув зубы.

- Но Король даже не присутствовал на представлении, - удивляется Ченна.

Мадам Химура щелкает острым клювом.

- Благодарение богам! На подходе к театру Короля успели предупредить. Один из наших придворных предсказателей увидел возможность покушения и успел оповестить его. Вот почему шаманам удалось так скоро прибыть на место происшествия и потушить пожар.

- Есть ли пострадавшие? - тревожно спрашивает Блю. - Я имею в виду, из числа публики.

- Двое придворных чиновников погибли, пятнадцать ранены.

Я не ожидала услышать такого вопроса из уст Блю - от нее меньше, чем от кого угодно на свете, я бы ожидала беспокойства о других! Но тут она продолжает, и я понимаю, почему она взволнована:

- Мой отец должен был присутствовать на представлении, и со времени пожара я еще ничего от него не слышала, поэтому...

Мадам Химура скидывает руку, призывая к молчанию.

- Сегодня на закате состоится показательная казнь трех захваченных живыми преступников. Присутствие обязательно. Ваши занятия на сегодня отменяются. Вы остаетесь здесь, в Бумажном Доме, пока за вами не придут сопровождающие к месту казни. А теперь можете идти.

Мы выходим из комнаты, но Блю пытается задержаться, чтобы расспросить мадам Химуру.

- Мой отец... - снова начинает она, но женщина-орлица жестом выпроваживает ее.

- Не сейчас, девочка.

- Но...

- Сколько раз мне повторять? - голос демоницы скрипит, перья топорщатся. - То, что твой отец занимает определенный пост при дворе, не дает тебе права на привилегии! Еще раз сегодня открой без спроса свой болтливый рот, и я в два счета вышвырну тебя отсюда.

Блю стискивает зубы. С пылающими щеками она быстрым шагом выходит, обгоняя нас, и Мариико спешит за ней следом.

- Трое погибших, - в ужасе шепчет Аоки, пока мы идем к своим комнатам. - Можете в такое поверить? Мы ведь тоже могли погибнуть, Леи! Слава богам, что Майна отыскала тот люк в полу! Как же нам повезло!

Я вспоминаю, как уверенно Майна шарила руками по сцене, как быстро привела нас

туда. Нет, везение тут было ни при чем. Майна знала, где находится запасной выход.

Девушки расходятся по комнатам, чтобы отдохнуть после вчерашней ночи, тяжелой и бессонной. Но мы с Аоки предпочитаем принять ванну. Я хочу смыть запах дыма, к тому же мне слишком тревожно, чтобы заснуть. Слова Блю, сказанные перед началом представления, продолжают беспокоить мой разум.

Девятая, похоже, Мастер Тэко не зря что-то там говорил про огонь! Ты похожа на живой светильник.

Могла ли я как-то повлиять на случившееся вчера ночью? Притянуть нападение своим присутствием?

Мы с Аоки моемся в молчании. Требуется немало времени, чтобы отмыться от гари и грязи, и даже когда я уже вроде бы чистая, все равно мне кажется, что дым вчерашней ночи глубоко въелся в тело, словно стал второй кожей. Аоки уходит к себе, а я предпочитаю еще полежать в ванне в одиночестве. У меня никак не получается отделаться от ночной тревоги, разобраться в своих мыслях. Стоит мне закрыть глаза, и передо мной встает Майна и наш несостоявшийся убийца. Ее лицо – сосредоточенное и спокойное, его лицо – перепуганное и непонимающее.

Она – одна из Сиа. Не только по крови, но и по существу.

Но как? Как такое могло случиться? Почему?

Девушка, обученная убивать. Профессиональная убийца в сердце Королевства. Девушка, которая может подобраться к Королю ближе, чем кто бы то ни было.

Ответ лежит на поверхности, но я не желаю его видеть. Не хочу в него верить.

Я вздрагиваю при звуке приближающихся шагов. Поворачиваю голову. Сквозь поднимающийся над водой пар видна высокая фигура, идущая в мою сторону, и внутри у меня все обрывается. Это она.

Я резко погружаюсь в ванну, неожиданно отчаянно стесняясь своей наготы. Вода плещет через край, блестя мокрыми пятнами на досках пола. Хотя лицо Майны бесстрастно, взгляд ее кажется мягким, выжидающим... каким-то уязвимым. Увидев, что я пытаюсь от нее спрятаться, она не пытается подойти ближе.

– Мы можем поговорить? – спрашивает она, стоя в нескольких шагах.

Я отвечаю раньше, чем успеваю подумать.

– Нет.

Даже в обгоревшем и грязном платье, которое она еще не успела сменить со вчерашней ночи, Майна прекрасна. Нефритово-зеленый шелк местами порван, в нем зияют прогоревшие дыры, но его цвет все равно подчеркивает золотистый загар ее кожи, платье обрисовывает контуры стройного тела. Я так хочу броситься к ней, обнять, поцеловать, изгнать из ее глаз эту боль. Но воспоминание о хладнокровной убийце в туннеле под театром останавливает меня. Это совсем другая девушка, не та, кого две ночи назад я целовала в темноте. Не та, которая обнимала меня и качала на руках, когда я беспомощно рыдала под деревом имен, не та, с кем я чувствовала себя в полной безопасности.

Не моя любимая.

Мой взгляд останавливается на пятнышке крови на воротнике кимоно Майны.

– Ты убила человека, – говорю я наконец.

– Только затем, чтобы защитить тебя и Аоки.

– И от этого убийство становится добрым делом?

– Конечно, нет. Не добрым. Но необходимым – да, – кивает она.

- Те убийцы могли бы так говорить про свое покушение. Что убить Короля просто необходимо.

- Возможно, они были бы правы. Знаешь пословицу? «Тьма скрывает свет, а свет скрывает тьму». Я предпочитаю верить, что за каждым самым темным деянием скрывается какое-то добро.

- Поэтому ты стала воином? А ты воин, не вздумай отрицать. Ты умеешь сражаться, как настоящая Сиа.

Я чувствую, что она не хочет отвечать, но потом - к моему великому облегчению - она кивает.

- Да. Я обучалась техникам боя Сиа с младенчества.

Воспоминание: стопы ее ног, которые я впервые увидела перед Ночью Снятия Покровов, когда она приподняла край рубашки, переступая порог. Значит, вот от чего ее ноги так загрубели.

- Кто тебя учил? - спрашиваю я.

- Частично - отец, - отвечает она. - Но по большей части - мой *шифу*, мастер Цаэнь.

- Они умеют сражаться как Сиа?

Майна качает головой.

- Мой отец весьма искусен в работе с энергией *ци*, а Цаэнь - один из лучших фехтовальщиков королевства. Но только мне одной удастся совмещать эти два мастерства так, как это делали Сиа. Их талант в моей крови.

- Но зачем кому-то понадобилось тебя обучать? - допытываюсь я. - Дочерей знатных родов обычно не учат боевым искусствам, верно? Почему же тебе дали особое разрешение?

- Мне не давали разрешения, - не сразу отвечает она. - Меня обучали втайне от всех.

Между нами повисает тяжелое молчание.

Я пытаюсь примирить в себе два образа - ту Майну, которую я знаю и люблю, и ночную девушку-убийцу. Воина. Часть меня глубоко уязвлена тем, как много, оказывается, Майна от меня скрывала. Теперь я понимаю, что она скрывает и многое другое. Но при мысли, что я могу ее потерять, мне очень больно.

Внезапно я понимаю, какое огромное доверие она оказывает мне сейчас, открывая часть своих тайн. Я ведь могла бы уничтожить ее с помощью этой информации. И не только ее: всю ее семью! Клан Ханно - главные союзники Короля, и вот вам дочь самого Кетай Ханно, которую, оказывается, втайне учили убивать, обучали запретным техникам боя, а потом подсунули во дворец, в постель демона, чей предок некогда уничтожил создателей этих техник.

Я прерывисто вздыхаю. Но прежде, чем я успеваю произнести хоть слово, Майна вмиг преодолевает расстояние между нами и молча, глядя мне в глаза, развязывает *оби*, удерживающий одежду на талии.

Я отползаю к дальней стенке ванны, расплескивая воду.

- Что... что ты делаешь?

- У меня есть несколько секретов, которые я не вправе тебе раскрыть, - тихо и властно перебивает она. - Но это не значит, что я не хочу отдать тебе себя саму целиком. В этом ты мне можешь полностью довериться, Леи. Я никогда тебя не предаю. - Она кладет руку себе на сердце. А потом одним движением стряхивает с плеч кимоно, и оно падает на пол к ее ногам.

Тело Майны так отличается от тел других девушек! Безмятежная богатая жизнь сделала очертания их фигур мягкими и плавными, а ее тело - сплошные мускулы. Она очень

сильная. Прекрасная и опасная. Сердце бешено колотится, взгляд скользит по линиям ее стройной шеи, по очертаниям широких плеч, по округлой груди. Ее соски цвета сливового вина, круглые и твердые. Треугольник кожи между ногами идеально гладок.

Я ощущаю знакомый прилив жара внизу живота, живое тепло.

Медленно, невероятно медленно Майна перекидывает ногу через бортик ванны – и ступает внутрь. Вода короткой волной выплескивается на дощатый пол, когда Майна садится в ванну напротив меня.

Мой пульс бешено ускоряется.

– Мы не можем, – выговариваю я. – Только не здесь. Нас могут увидеть...

– Никто не увидит. Все спят, – кончиками пальцев она гладит меня по щеке. – Не волнуйся, здесь столько пара, сквозь него ничего не разглядишь. К тому же мы услышим, если кто-то войдет. – Она склоняет ко мне голову, я чувствую на лице ее легкое дыхание. – Я больше не вынесу, если ты не дашь мне к себе прикоснуться, Леи. Этой ночью... я ведь могла тебя потерять. Больше я такого не допущу.

Наши взгляды встречаются, ее руки гладят мои спутанные мокрые волосы. А потом в моем мире остается только она: ее присутствие, ближе, чем биение собственного сердца, невероятный блеск ее темных глаз, похожих на полное звездное небо, простирающееся до горизонта.

Наши губы соприкасаются, и мы целуемся. На этот раз глубоко и медленно, яростно и страстно. Наши тела изгибаются под водой, прижимаясь друг к другу, я чувствую ее упругую грудь, прижавшуюся к моей груди. Я часто дышу, наполняясь восторгом от ее близости, от прикосновений ее рук к моим волосам, от касаний ее языка, танцующего вместе с моим. Каждый дюйм моего тела наполняется жизнью, ярким желанием и солнечным светом.

Она разрывает поцелуй и прикивает губами к моей шее, и у меня вырывается невольный стон. Я стискиваю ее так сильно, что боюсь сломать – или сама сломаться. Ее сильное тело прижимает меня к стенке ванны, одна рука ласкает мои соски, а другая – и тут у меня вырывается блаженный стон – прикасается ко мне между ног. Мое дыхание становится резким и прерывистым. Касания ее пальцев нежны, но настойчивы, и то, что я чувствую, так похоже на огонь – жаркий и сокрушающий, разливающийся по всему телу волной золотого тепла...

Один из советов Зелле, как мне раскрыть собственную чувственность, заключался в том, чтобы я пыталась ласкать себя саму по ночам. Я попробовала – но у меня ничего не получилось, и в конце концов я оставила попытки, утомленная и смущенная. Но теперь я только изгибаюсь под прикосновениями Майны, все сильнее прижимаясь к ней. Ее пальцы двигаются быстрее, кровь в моих венах поет от наслаждения, которое все растет, и растет, и *растет*, и...

– Леи, – выдыхает она, слегка отстраняясь. – Я...

От входа слышатся шаги, и она резко умолкает.

Одним ловким движением Майна выпрыгивает из ванны и накидывает на себя банный халат – и в тот же миг сквозь облака пара вырисовывается фигура девушки.

Блю.

При виде нас она криво усмехается. Я догадываюсь, как мы можем выглядеть со стороны – я, задыхающаяся и разгоряченная, с мокрыми волосами, и Майна, с которой на пол капает вода, пояс халата кое-как поспешно завязан...

– О, похоже, я помешала? – мурлычет Блю. – Нарушила ваш покой?

– Нет, не помешала, я как раз ухожу, – спокойно отзывается Майна, избегая смотреть на меня.

Блю скептически поднимает брови.

- Так быстро? Ты же, кажется, еще не успела вымыть голову.

Я бросаю косой взгляд на Майну - и у меня перехватывает дыхание. И правда, ее волосы до сих пор почти сухие, испачканные золой, а теперь еще и страшно перепутаны, моими же пальцами. Равнодушно взглянув на Блю, она поводит плечом, словно не понимает ее намеков, и неторопливо выходит из банного двора. Но по усмешке Блю я ясно понимаю, что от ее глаз не укрылось мое смущение. И хотя она не может знать, что здесь произошло, у нее есть определенный простор для догадок.

Глава двадцать третья

На казнь не полагается надевать белое.

Траур – дань уважения почтенным покойникам, которые его заслужили. А преступники не попадают в эту категорию. Напротив, нас одевают в черное, чтобы выразить презрение и безразличие к их страданиям. От мысли, что они умрут, глядя на сплошное море черных одежд, меня мутит. Я вспоминаю слова Майны о родстве света и тьмы. В нашем королевстве верят в баланс мировых сил, в равновесие *инь* и *ян*. Разве к людям это не относится? Даже самый жестокий человек когда-то мог быть любимым, сам любить, проявлять заботу. Ужасно, что эти люди умрут, не почувствовав ни малейшей искры доброты.

Поэтому перед тем, как выйти из комнаты, я достаю из шкатулки, где Лилл хранит ленты и заколки, белую ленточку – и повязываю себе на запястье, чтобы скрыть ее длинным ниспадающим черным рукавом.

Наша мрачная процессия движется через Внешние Дворы. Во дворце царит унылая, тяжелая атмосфера. Даже небо затянуто тучами, и деревья и трава кажутся серыми, словно они впитали дым вчерашнего пожара. И гарь висит повсюду, не желая рассеиваться.

Улицы запружены народом, но слышны лишь звуки шагов и стук копыт, а еще шорох одежд и перешептывания.

Когда нас привозят на Церемониальный Двор, я с изумлением вижу море народа, заполнившее его. Такой огромной толпы я еще никогда не видела. Король приказал собраться всем, кто живет на территории дворца, и сейчас широкая площадь заполнена представителями всех трех каст. А в центре возвышается эшафот, вокруг которого – высокие платформы, предназначенные для зрителей из числа знати. На одной из платформ блестит золотом королевский трон.

Носильщики-антилопы проносят наши паланкины над толпой. Множество людей в черных одеждах сливаются воедино. Шелест ткани на ветру, позвякивание медных талисманов, отгоняющих злых духов... Когда нас высаживают на платформе, я тут же ищу Майну и проталкиваюсь к ней между придворными, которые встают на цыпочки и вытягивают шеи, чтобы лучше видеть эшафот.

Майна пожимает мне руки, и отпускает их раньше, чем кто-нибудь успеваешь заметить. Но все равно она остается рядом, очень близко.

– Как ты? – шепотом спрашивает она.

– Ужасно здесь быть.

– Мне тоже, – она вынимает из складок своего черного кимоно что-то, чтобы показать мне – вернее, чуть раздвигает запах на груди, так что я могу разглядеть. Маленький белый цветок, ландыш. Она поспешно прячет его. – Без этого было совсем скверно. Прийти сюда без малейшего шанса выразить сострадание.

Я осторожно приподнимаю рукав, показывая ей белую ленточку на запястье, и Майна улыбается и еще раз незаметно сжимает на миг мои пальцы.

Примерно через полчаса на площади собираются все обитатели дворца. Последним прибывает Король. Я не могу его отчетливо разглядеть сквозь густую толпу, но даже на таком расстоянии сам вид его золоченых рогов повергает меня в дрожь.

Хотя я не вижу его лица, но каким-то образом понимаю, что он широко улыбается.

Вскоре после прибытия Короля стража под барабанный бой доставляет на площадь несостоявшихся убийц. Каждого везут в отдельной повозке, затянутой черным шелком. В повозки впряжены огромные лошади. Они останавливаются перед эшафотом, из их ноздрей поднимаются облака пара. Гул толпы сменяется напряженной тишиной. На эшафот поднимаются палачи. Следом за ними из повозок выводят осужденных, дергая за цепи, опутавшие их шеи. Они спотыкаются, с трудом волоча ноги.

Толпа раздражается возбужденными криками. Барабаны бьют все громче, воздух дрожит от грохота. Я не знаю, может, все эти люди просто притворяются, что они в восторге, чтобы польстить Королю, – в отличие от праздника *койо*, здесь присутствуют не только приближенные, но представители всех каст и сословий, но меня все равно мутит от их радостных воплей. Я крепко сжимаю руку Майны, и никто, к счастью, не обращает на нас внимания, все взгляды сосредоточены на эшафоте.

К лицам преступников намертво приклеены пустые маски телесного цвета, чтобы скрыть их настоящие лица. Палачи – трое демонов Лунной касты: огромный серый волк, еще более чудовищный демон-крокодил с чешуйчатой кожей и белая лиса – та самая тварь, что провожала меня в покои Короля той ужасной ночью. Его личная охрана. Тусклый свет отражается в металлических пластинах доспехов.

Они выводят приговоренных на эшафот. Один из преступников доставляет охране неудобства: остальные двое молча падают перед Королем-Демоном на колени, а тот, которого ведет волк, начинает биться в оковах и яростно кричать, извергая проклятья в сторону трона. Взгляд Короля-Демона бесстрастен. Даже издалека я ясно вижу красные следы на шее осужденного, проступившие под впившейся в плоть золотой цепью. Должно быть, ему ужасно больно, но это не мешает ему рваться вперед, хрипло выкрикивая слова, которых я не могу расслышать из-за шума толпы.

Охранник-волк резко дергает цепь и ногой бьет человека в спину, так что тот падает на колени. Волк втаскивает его на эшафот. Тут я впервые ясно вижу лицо волка – и мое сердце пропускает удар.

Потому что это волк Майны.

Так вот почему он тогда показался мне знакомым! Я видела его в Ночь Снятия Покровов. Это он стоял у трона Короля рядом с лисой и крокодилом.

Я хватаю Майну за руку.

– Это он, – шепчу я. – Твой волк. С которым вы встречались той ночью.

Она молчит.

– Прошу тебя, Майна. Довольно лжи!

Она все еще молчит. Проходит несколько напряженных минут и наконец она кивает.

– Его зовут Кензо Рю, – шепчет она, не отрывая взгляда от сцены. – Майор Рю. Телохранитель Короля. Он также инспектор королевской армии и военный советник.

– А кто остальные двое?

– Крокодил – генерал Ндесе. Белая лиса – Наджа.

– У нее нет никакого звания?

– Женщинам не позволено иметь официальные титулы при дворе, за исключением титулов по мужу. Наджа – единственная женщина в королевском совете. Пожалуй, она самая высокопоставленная женщина в королевстве, если не считать Королевы-Демоницы, – цедит Майна сквозь зубы.

Я изумленно поворачиваюсь к ней.

– Что?.. Существует еще и Королева-Демоница?

– Большинство о ней и не слышало, потому что ее жизнь и место жительства – великая тайна. Она живет в собственных покоях, закрытых для посетителей. Где-то здесь, во Дворце. Единственная цель ее жизни – производить на свет потомство Короля.

Я сглатываю.

– Ни одна из нас никогда не смогла бы стать Королевой, верно? Я имею в виду... мы ведь из Бумажной касты. Произвести на свет полноценного наследника Лунной касты для нас практически невозможно. Именно поэтому нас пичкают противозачаточным зельем –

чтобы мы, не дай боги, не забеременели.

Майна смотрит перед собой стальным взглядом.

- И слава богам, это зелье отлично работает.

Толпа мгновенно умолкает, когда Король поднимается с трона. Он медленно оглядывает подданных, и я ловлю взгляд его льдисто-голубых глаз, вижу мерзкую усмешку, уродующую его красивое лицо. А потом он начинает говорить, и его голос, усиленный магией, грохочет над площадью.

- Мои верные подданные! Собратья-демоны и верные мне люди! Я считаю казнь отвратительным зрелищем, отвратительным событием. Я хотел бы предложить вам отвернуться и не смотреть, как клинки пронзят черные сердца этих преступников. Но правда в том, что мы не должны так поступать. Мы все должны это видеть и хорошенько запомнить. Пусть это станет напоминанием всем и каждому - напоминанием о том, сколько всего было создано и построено под благословенной властью Короля-Демона. В благословенном королевстве, которое я создаю ради всех вас, всех и каждого. Только вместе мы, демоны и люди, жители восьми единых провинций, объединенными усилиями, плечом к плечу, можем обеспечить мир в нашем королевстве и сделать его сильным. Когда на нас обрушивается удар, подобный тому, что обрушился прошлой ночью, он представляет собой угрозу нашему единству. Прекрасному миру, который мы все вместе построили. И противопоставить этой угрозе мы можем опять-таки наше единство, в едином порыве уничтожив тех, кто осмелился нанести нам рану. - Он вздымает сжатую в кулак руку к небу. - И сегодня вечером мы продемонстрируем врагу, что мы - сила, которую никому не сломить!

Толпа восторженно ревет. Мы с Майной молчим, но я краем глаза замечаю сияющее лицо Аоки, которая стоит на переднем краю платформы и тоже вскидывает в воздух кулачки. Для меня это зрелище подобно удару под дых.

Король делает шаг к осужденным.

- Вы проиграли, - коротко говорит он.

Но раньше, чем он успевает отвернуться, тот человек, которого удерживает охранник-волк, плюет ему в лицо.

Толпа издает животный рев, но Король остается бесстрастным. Его лицо не выдает ни малейшей эмоции. Он просто вытирает слезы со щеки и с непроницаемым видом возвращается на трон.

- Исполнители, приготовьте оружие.

Крокодил, волк и лиса вынимают из ножен катаны. Из толпы слышатся радостные выкрики. Клинки сверкают серебром в угасающем свете дня, их длинные рукояти украшены самоцветами. День переходит в сумерки. Солнце скрывается за стенами дворца, и эшафот освещает только пламя жаровен, бросая вокруг красные отсветы, напоминающие о вчерашнем пожаре. Ветер колеблет языки пламени, в воздухе стоит запах дыма.

Я плотнее запахиваю теплую накидку.

Палачи заносят катаны для удара...

Король поднимает руку.

- Бейте!

Я зажмуриваюсь, но на миг позже, чем следовало бы, и все равно успеваю увидеть, как сталь глубоко входит в спины осужденным, и этот образ отпечатывается на внутренней стороне моих век. Когда я открываю глаза, осужденные уже мертвы. Они, скорчившись, лежат бесформенными кучами, пронзенные клинками насквозь.

Восторженные крики вокруг оглушительны. Король что-то говорит, но сквозь шум толпы я не могу разобрать ни слова. И не могу оторвать взгляда от мертвых преступников, от

рукоятей клинков, торчащих у них между лопаток, от крови, которая растекается под ними глубокими красными лужами.

Поздно ночью я прихожу в комнату к Майне. Она еще не спит, сидит на своем матрасе, словно дожидаясь меня. Она раскрывает объятия, и мы вдвоем забираемся под одеяло, крепко обнявшись, но даже тепла тела любимой недостаточно, чтобы меня перестало трясти, чтобы прекратился болезненный озноб, который мучил меня с момента казни.

Она нарушает молчание.

- Я узнала кое-что об осужденных.

- Что? - бормочу я, пряча лицо у нее на груди.

Голос ее кажется напряженным от сдерживаемых чувств, я не могу понять - от каких именно.

- Я узнала, что все они были связаны с королевским двором. В заговоре были замешаны многие представители Лунной и Стальной каст. В том числе и охранники.

- Почему Король ничего об этом не сказал?

- Потому что это означало бы для него признание своей слабости. Он показал бы всем, что уязвим даже в собственном дворце. Что даже при дворе есть те, кто отвергает его власть.

- Да, есть, - шепчу я, переплетая наши пальцы и поднимая голову, чтобы поцеловать ее. - Например, мы.

Когда я выхожу из ее комнаты, вокруг совершенно темно. Я иду в банный двор, чтобы умыться - мне кажется, что воспоминания о крови и взлетающих клинках прилипли к моей коже, как грязь, которую хочется смыть. Но когда я вхожу в ворота купальни, понимаю, что здесь уже кто-то есть.

Лунный свет выхватывает из тьмы очертания девичьих плеч, длинные пряди прямых волос. Девушка сидит у стены, содрогаясь от рыданий.

- Блю?

Она вздрагивает при звуке моего голоса. А потом вскакивает на ноги, быстро вытирая лицо рукавом.

- Уйди, Девятая, - шипит она, но ее обычный презрительный тон неубедителен из-за слез в голосе. Глаза у нее заплаканные, покрасневшие.

- Не уйду, - отвечаю я.

Она замирает.

- Я знаю, что ты меня ненавидишь, - продолжаю я, делая шаг в ее сторону. - И, если ты не заметила, я тебе тоже не пытаюсь навязаться в подруги. Но сейчас тебе плохо, Блю, а с болью лучше не оставаться один на один.

- Я не одна, - выплевывает она.

Я поднимаю брови, оглядывая купальню.

- Извини. Я не знала, что ты умеешь общаться с призраками. - Наверное, это звучит жестоко, и я добавляю: - Может быть, Марико, твоя близкая подруга, могла бы...

- Не хочу, чтобы она видела меня такой, - быстро отвечает Блю.

- Но в том, чтобы быть расстроенной, нет ничего постыдного, - я осторожно протягиваю к ней руку, касаюсь плеча. Она не отстраняется, и я подхожу еще на шаг ближе. - Что случилось? Это из-за казни?

Она качает головой, не глядя на меня. А потом тихо - так тихо, что я едва могу ее

рас слышать – от зывает ся:

– Нет. Из-за нападения.

– Твой отец не пострадал?

С ее губ срывается резкий истерический смешок, нарушающий тишину. Он больше похож на собачий лай, и у меня от него по коже пробегают мурашки.

– О, мой отец в полном порядке, – горько отвечает она. – Правда, он не пытался проверить, в порядке ли я. Даже не спросил. До этого ему нет дела.

– Блю, я уверена, что ему есть до тебя дело! Он ведь твой отец...

– Он – мой отец, а я – просто пешка в его игре. Все, что для него важно – это придворная карьера. Сделать меня подарком Королю – всего лишь еще один ход, чтобы обеспечить себе повышение, – она умолкает и через несколько секунд продолжает прерывистым шепотом:

– Я – единственная из нас, чьи родители живут здесь, во дворце. И они до сих пор ни разу не попытались со мной встретиться.

– Я тебе очень сочувствую...

Блю стряхивает мою руку со своего плеча.

– Не нужна мне твоя жалость, Девятая! – Она отшатывается к стене, по ее щекам струятся слезы. – И только попробуй... только *посмей* кому-нибудь рассказать...

– Я не собираюсь никому рассказывать, – отвечаю я, намереваясь сдержать обещание. Но она пробегает мимо меня так стремительно, будто ждет, что я буду ее преследовать, и я остаюсь одна в зловещей тишине среди пустых ванн, только ветер шуршит в бамбуковой ограде.

Я вспоминаю слова Майны.

«Тьма скрывает свет, а свет скрывает тьму».

Похоже, я узнала, в чем источник тьмы в сердце Блю. Каким же может оказаться скрытый в ней свет?

Я думаю о том, что мне рассказывала о ее отце Ченна, и чувствую внутри давящую тяжесть при мысли, что, возможно, у Блю никогда по-настоящему не было отца.

Глава двадцать четвертая

Жизнь во дворце после казни постепенно возвращается в привычное русло. Хотя теперь нам запрещено покидать Бумажный Дом без эскорта – как минимум одной охранницы, а кроме того, повсюду слышны шепотки, тревожные слухи. Всех занимает один и тот же вопрос: кем были заговорщики, как они смогли проникнуть во дворец? Что было бы со всеми нами, если бы им удалось убить Короля? С наступлением зимы воздух становится ледяным, ветер обжигает щеки. Краски неба и земли выцветают, как тушь для каллиграфии, которую стирают с дощечки. Со времени казни атмосфера во дворце тяжелая, над ним словно нависла тень, предвещающая недоброе. Бело-серый пейзаж усиливает это ощущение – напоминание, что грядет еще немало смертей.

Но все же в моем маленьком безопасном мирке Бумажной Девушки смерть кажется чем-то далеким. С усилением мер безопасности в Женском Дворе нам всем настоятельно рекомендовали не покидать своих комнат после наступления темноты. И, что еще лучше, Король вот уже целый месяц не вызывает никого из нас к себе. Нам сказали, что он чрезвычайно занят поисками прочих заговорщиков и работой над каким-то новым грандиозным планом. Но я подозреваю, что эта работа заключается в ежевечернем распитии огромных кувшинов саке. Дни становятся короче, ночи – длиннее, и это дает нам с Майной дополнительное прикрытие, чтобы по ночам проводить друг с другом как можно больше времени и предаваться любви.

Мы встречаемся так часто, как только можем, и растворяемся во взаимной жажде тел, в слитных движениях губ, пальцев, в страстных касаниях. Сначала мои попытки подарить ей удовольствие робки и нерешительны, так же, как у меня было со своим собственным телом, но постепенно я учусь радовать ее. Я узнаю, как именно нужно касаться языком ее сосков, чтобы она выгибалась от удовольствия; открываю, что она счастливо содрогается, когда я кончиком языка провожу вдоль ее позвоночника. Я знаю, как ласкать ее между ног, пока она не застонет, прижимаясь лицом к моему плечу, чтобы заглушить этот звук. И хотя я довольно быстро привыкла к ее наготы, я не перестаю восхищаться ее красотой, мой восторг не иссякает. Ощущение чуда не тускнеет.

Каждый поцелуй приносит мне глубокое счастье, бешеное сердцебиение, наполняет меня пламенем.

С каждым поцелуем это пламя пожирает нас.

На самых первых уроках *ци* Мастер Тэкоа объяснял нам: чтобы овладеть искусством контроля своей внутренней энергии, нужно постичь, что значит полное присутствие в моменте. Научиться по-настоящему находиться в «здесь» и «сейчас». Когда мы тренируемся в управлении энергией *ци*, говорил он, наша истинная цель – погрузиться в настоящий момент, потому что истинное присутствие в моменте – это исчезновение из времени.

Но когда мы с Майной вместе, все ощущается совсем иначе. Вместо того, чтобы исчезнуть, я чувствую себя по-настоящему существующей. Заново рожденной, обретшей себя. Ее прикосновения созидают меня, вызывают к жизни отвагу и силу, которые, как выяснилось, все это время таились у меня внутри. Прикосновения Короля загноили меня глубоко внутрь себя, а Майна смогла снова меня открыть, вызвать к жизни. Когда она покрывает поцелуями мое тело, я как будто летаю. Каждая моя клеточка становится невесомой и свободной, наполненной изнутри золотым светом желания.

Ее поцелуи исцеляют все, что сломал во мне Король. Ее поцелуи шепчут мне: ты сильна, Леи. Ты прекрасна. Ты – моя. И, что самое главное, ты своя собственная.

Потому что поцелуи Майны, наши украденные у всего мира ночи любви – единственное, что я выбрала сама за время жизни во дворце, и осознание этого наполняет меня радостью. У меня есть что-то, над чем Король совершенно не властен, что ему не под силу остановить.

Он говорил мне, что желания невозможно обуздать. Ну что же, выходит, хоть раз в жизни он сказал что-то истинное.

Да, мы – Бумажные Девушки, а бумагу так легко разорвать, так легко исписать чем

угодно. Сам этот титул подразумевает, что мы – чистые листы, жаждущие, чтобы кто-то заполнил нас. Но кое-чего Король-Демон с придворными не предусмотрели. А именно – того, что бумага легко воспламеняется. И пламя перекидывается с одного листа бумаги на другой.

Однажды после обеда мы сидим на уроке каллиграфии в классе госпожи Йимы. Госпожа Йима – маленькая, даже ниже Аоки, женщина-обезьяна из Стальной касты. Ее длинный подвижный хвост постоянно напоминает мне о Тянь. Мы сидим на коленях на подушках во внутреннем дворе, рядом с каждой из нас стоит сосуд с водой, тушечница и набор кистей. Госпожа Йима сидит напротив. Окуная кисть в тушь, она аккуратно пишет символы на камнях пола – единым слитным движением, идущим от локтя. Потом мы должны повторить изображение, смывая водой все неудачные попытки.

Госпожа Йима останавливается рядом с Аоки, чтобы объяснить ей сложную форму символа, над которым мы сейчас работаем. Я смотрю на камни пустым взглядом, ощущая отсутствие Майны как физическую боль. Ее имя было на бамбуковой табличке.

Я стискиваю зубы, стараясь отделаться от образа – грубые руки Короля, прикасающиеся к Майне. Несколько дней назад он снова начал нас вызывать, спустя почти два месяца после казни. Первой была Блю, потом Марико, Ченна, Аоки.

Аоки всю неделю выглядела мрачной и обиженной. Я даже не спрашиваю ее, в чем причина – конечно, она надеялась, что Король вызовет ее первой.

– Лей?

Я оборачиваюсь на голос Аоки. Госпожа Йима наконец отошла от нее и теперь наблюдает за Марико, которая старательно согнулась над камнем, работая над особенно трудным поворотом кисти.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – говорит Аоки.

Я откладываю кисть.

– Что случилось?

Кусая нижнюю губу, она смотрит в пол, вертя в руке кисть и притворяясь, что повторяет нужное движение. Чуть слышно она говорит:

– Я знаю, что вы с ней дружите, но потому и беспокоюсь. Я... насчет Майны. Думаю, она тайно ходит куда-то по ночам, выбираясь из дома. Наверное, встречается с мужчиной. Когда я вчера ночью возвращалась после встречи с Королем, я заметила, как она выходит из комнаты. И она точно шла не в туалет, потому что он в противоположном направлении, она шла к дверям, в которые я вошла.

Я пытаюсь выглядеть спокойной.

– А ты уверена, что это была Майна?

– Да, я узнала ее по походке.

– Ну, мало ли, ей не спалось, и она захотела пройтись...

– Нет, она была обута, и в теплой накидке. Она собиралась именно выйти наружу. – Аоки смотрит на меня искоса. – Я знаю, вы в последнее время сблизились, но не доверяй ей до конца, Лей, она что-то скрывает. Не хочу, чтобы ты *тоже* из-за этого пострадала. – Она переводит дыхание. – Я просто хочу, чтобы ты была готова... ну, понимаешь, если я доложу мадам Химуре...

Красивые мазки кисти по камням, изящество каллиграфии, высокий голос госпожи Йимы – все это мгновенно исчезает. Остается только гулкая пульсация крови в ушах.

– И ты... планируешь ей доложить про Майну? – спрашиваю я, с трудом выговаривая слова. У меня пересохло горло.

Аоки промывает кисть и выливает воду на пол. Вся ее каллиграфия смывается, тушь,

смешанная с водой, течет между камнями, как черная кровь.

- Если Майна снова это сделает, - говорит Аоки, - я просто должна буду так поступить.

Ночью я отчаянно жду возвращения Майны. Услышав шаги в коридоре, я поспешно проскальзываю в ее комнату. Нет, не для того, чтобы ее удивить: скорее всего, она догадывается, что я попытаюсь прийти к ней. Но стоит мне переступить порог и закрыть за собой дверь, как она прижимает меня к дверному косяку и обхватывает мою шею локтем, ее глаза широко распахнуты, в них горит тревога.

Увидев, что это я, она тут же отпускает меня.

- Извини, - выдыхает она, кладя теплые ладони мне на талию. - Я сейчас просто слишком взвинчена.

- Как все прошло? - осторожно спрашиваю я.

Она отводит взгляд.

- Он был... груб. Грубее, чем обычно. Покушение открыло придворным его уязвимость, и он страшно зол на весь мир. Пытается вернуть хотя бы часть утраченного авторитета.

- Значит, правду говорят? У нападавших были союзники во дворце?

Она кивает.

- Сегодня утром он приказал арестовать одиннадцать придворных чиновников по подозрению в пособничестве заговорщикам. Он жаждет крови.

- Неужели ему до сих пор мало? - вырывается у меня.

- Что ты, он никогда не насытится, - с горечью отвечает Майна.

Я помогаю ей раздеться - освободиться от желтой с золотой отделкой *кэбая*, украшенной самоцветами, с длинным разрезом по бедру. Когда я стягиваю с нее юбку, то понимаю, что разрез не был задуман портными: юбка разорвана от талии до подола и до сих пор держалась только потому, что Майна затянула два полотнища узлом на поясе. Сегодня небо совершенно чистое, луна ярко освещает комнату, так что я ясно вижу в ее свете темные синяки на коже Майны. Один на плече, еще один - на бедре... И темный, налитый кровью след пятерни на шее.

Я смотрю на эти отметины, каменея от ярости.

- Да как он смеет...

Майна перехватывает мои руки, подносит их к губам для поцелуя.

- Не трать на него мысли и силы. Он этого не заслужил.

- Но...

- Слушай, я умею терпеть боль. Это временно и скоро пройдет. Завтра мадам Химура пришлет шамана, и тот уберет все следы.

- Ты же понимаешь, как ужасно это звучит? Эй, шаман, иди скорей сюда, дай немного магии, чтобы Королю снова было что ломать!

Она ласково целует меня.

- И речи нет о том, чтобы мы сломались.

Мы лежим под одним одеялом. Лицо Майны светится в серебристом лунном свете, который ясно очерчивает твердую линию ее скул и нежную шею. Я скольжу пальцами по этой линии сверху вниз, и дальше, останавливаясь только на изгибе бедра.

- Аоки подозревает тебя, - говорю я. - Она заметила, как ты выходила из дома вчера ночью. Тебе нужно быть осторожнее.

- Все равно она не знает, куда я хожу.

- Так же, как и я.

Пауза.

- Леи... - начинает Майна.

- Да, я помню, помню. И не прошу тебя мне все объяснить. Просто... может, тебе ненадолго прерваться? Перестать делать то, что... ты делаешь.

И если это то, что я думаю, сейчас самое неподходящее время планировать такое.

Майна медлит с ответом. Наконец говорит:

- Нет, я не могу прерваться.

- Тебе придется. Если Аоки снова заметит, что ты уходишь по ночам, она донесет мадам Химуре, и тогда... - я прикусываю губу. - Может быть, нам с тобой стоит временно перестать встречаться? Ненадолго, пока все не уляжется.

Майна сжимает меня в объятиях.

- Нет, - шепчет она. - Это уж слишком.

Я закрываю глаза и прячу лицо у нее на груди, вдыхая прохладный влажный запах ее кожи. Как же мне хочется сказать ей, что я чувствую, наконец выпустить наружу слова, которые трепещут в горле при каждом поцелуе, каждый раз, когда она просто смотрит в мою сторону... Но я снова упускаю момент, а потом уже не решаюсь. Вместо этого я говорю:

- А ты можешь себе представить мир, в котором мы могли бы просто быть вместе... и быть свободными?

- Конечно, могу.

- Забери меня в этот твой мир, Майна. Пожалуйста.

- Заберу.

Когда час спустя я выхожу из ее спальни, меня наполняет золотистое тепло, от которого на губах невольно играет улыбка. Так что, когда я неожиданно встречаюсь глазами с Аоки, которая, скрестив руки на груди, стоит в дверях своей спальни, почти скрытая в тени, мне требуется несколько секунд, чтобы заставить счастливую улыбку исчезнуть.

Может быть, не улыбайся я тогда, у меня получилось бы солгать. Сказать Аоки, что я просто зашла к Майне поговорить, как прибегала порой к самой Аоки по вечерам, хотя, конечно, не так часто... Но сейчас я понимаю, что она поняла правду, едва увидев мою улыбку.

Потому что у меня такое же лицо, как у нее самой, когда она говорит о Короле-Демоне: сияющее, словно озаренное светом изнутри.

Без единого слова Аоки разворачивается и захлопывает за собой дверь. Я вхожу вслед за ней без приглашения, и наплевать, что кто-нибудь может нас услышать! Когда я переступаю порог ее комнаты, она отшатывается, и я испытываю укол вины. Этот взгляд... никогда еще она не смотрела на меня *так*.

- Пожалуйста, Аоки, - выдыхаю я. - Не говори никому. Прошу тебя.

Она издает короткий странный смешок. Кривая усмешка искажает ее милое лицо, сейчас она совсем не похожа на девушку, которую я знаю и люблю, на подругу, чей смех пробуждает мое сердце, как рассветный луч. Она обычно выглядит такой юной... Но сейчас в ее поведении, в выражении глаз появилось нечто, мигом состарившее ее на многие годы.

- Вот, значит, кем ты меня считаешь - доносчицей? - отзывается она с болью в голосе. -

А я-то думала, что мы подруги. Что у нас нет друг от друга тайн.

- Сама посуди, как бы я могла доверить тебе свою тайну? - вспыхиваю я. - Я же знаю, насколько ты близка с Королем! Ты бы не одобрила...

- Конечно, не одобрила бы! Мы же Бумажные Девушки, Леи, мы принадлежим только ему.

Мои руки сжимаются в кулаки.

- Это он сделал такой выбор за нас, Аоки. Неужели ты считаешь это справедливым?

- Тут речь не о справедливости. А о выполнении долга.

- Ты сейчас говоришь как мадам Химура.

- Вот и отлично! - кричит она. - Это значит, что я хорошо справляюсь со своими обязанностями!

- Нет. Это значит, что ты разучилась думать.

Аоки замирает от обиды, и я чувствую ее гнев. Он поднимается словно пар от мокрых камней.

- Я люблю его, - говорит она.

Молчание, долгое и тяжелое. Оно висит между нами, как нечто темное, пульсирующее, живое.

Я с трудом подбираю слова.

- Недавно ты его ненавидела.

- Тогда я его еще не знала, - голос Аоки смягчается, становится нежным, как кошачья шерстка. - Он очень добр ко мне, Леи, он нежный, ласковый и заботливый, а еще он очень красивый. Он даже сказал однажды, что подумывает сделать меня королевой, когда мой срок закончится. Чтобы нам не расставаться. Вот как ему со мной хорошо.

Я едва не задыхаюсь.

- Что?.. Королевой?! Тебя?!

Щеки Аоки вспыхивают.

- Ты, конечно, считаешь, что я недостаточно хороша для того, чтобы взойти на престол?

- Нет, не в этом дело, я просто...

- Вообще-то это в его власти, он может так поступить, если захочет! И вместо Королевы-Демоницы у него будет Бумажная Королева. Я могла бы стать его женой.

Я потрясена настолько, что не нахожу слов. В памяти, как в калейдоскопе, мелькают сцены последних нескольких месяцев: лицо Аоки светлеет, когда она заговаривает о Короле... Ее слова в ночь праздника *койо*... Ее восторженные крики во время казни... Ее сияющие глаза всякий раз, когда она получает бамбуковую табличку с приглашением... Как и моя любовь к Майне, чувство Аоки к Королю зрело многие месяцы. Но я была так занята собой, что не замечала, что происходит с Аоки.

Я, ее лучшая подруга, не заметила, как она полюбила монстра.

- Ты слишком хороша для него, - тихо говорю я. - Ты заслуживаешь большего.

- *Большее?* - глаза ее горят от радости. - Разве бывает бóльшая честь, чем стать его королевой?

И я понимаю, что потеряла подругу.

После стольких слов мы не знаем, что сказать, и молчание между нами кажется

оглушительным. Оно растет, ширится, создает между нами осязаемую дистанцию, мили пустоты, страны, пустыни и долгие годы, и на противоположных сторонах – мы с девочкой, которая недавно краснела при упоминании о поцелуе и беспокоилась, что не понравится Королю.

- Мне нужно идти, – говорю я и иду к выходу. Моя рука уже поднимается, чтобы открыть дверь, и тут позади звучит голос Аоки.

- Ты на самом деле ее любишь? По-настоящему?

Я узнаю прежний голос подруги – мягкий, сочувственный.

- Да, – просто отвечаю я, оглядываясь с робкой улыбкой. – Ох, Аоки, прости меня за...

- Не извиняйся, не нужно.

Но я уже не помню, что хотела сказать. Ледяная пустыня между нами стремительно возвращается. Взгляд Аоки так тяжел, что мне больно.

- По крайней мере, – говорю я, – я *сама* выбрала, кого мне полюбить.

Едва эти слова слетают с моих губ, я тут же о них жалею. Но уже поздно – я вижу это по лицу Аоки. Так что мне остается только выйти из ее спальни, пока я не наговорила чего-нибудь похуже. Я переступаю порог, и слезы застилают мне глаза.

Глава двадцать пятая

Наутро я просыпаюсь от чьих-то ужасных криков. Похоже, гонга еще не было, слишком рано, за окном темно, в подсвечниках догорают свечи, на полу лежат полосы лунного света. Вопль, в котором звенят отчаянные слезы, повторяется, разрывая ночную тишину. Это не просто крик – звериный вопль отчаяния, неукротимый и бесконечно горестный.

Он совсем близко. Еще я слышу яростные голоса, различаю грубые слова, громкий цокот когтей по половицам.

Мадам Химура.

Что-то случилось с кем-то из наших – первая моя мысль. Вторая мысль: *Майна*. Что с Майной?

Я выскакиваю в коридор, кое-как набросив накидку на ночную рубашку. Половицы под босыми ногами кажутся ледяными. Остальные девушки тоже высыпали в коридор, стоят в дверях с белыми перепуганными лицами. Из дверей напротив выглядывает бледная Аоки – и, встретившись со мной глазами, быстро отводит взгляд.

– Пожалуйста! – визжит девушка в дальнем конце коридора. – Простите! Я больше не буду, клянусь! Это не повторится!

Я узнаю Марико. Она бьется на полу, рубашка задрана и распахнута, так что видна ее большая грудь, ноги светятся молочно-белой кожей. Она пытается бороться, хватая за руки мадам Химуру, которая властно тащит ее за волосы.

– Прошу, дайте ей хотя бы что-то сказать в свою защиту, – умоляет госпожа Эйра, следуя по пятам за мадам Химурой.

Женщина-орлица отмахивается тростью.

– Ты слишком с ними миндальничаешь! Это ты их распустила! – кричит она, и госпожа Эйра сгибается пополам – удар трости приходится ей в живот. – Я тебе уже это говорила, когда Леи посмела отказать Королю! Стоит дать малейшую слабину, и вот как они за это платят!

– Блю! – вопит Марико, дико озираясь в поисках подруги. – Блю, помоги мне!

Плечи Блю, замершей в дверном проеме, каменеют. По лицу пробегает судорога.

Однако она не двигается с места.

Но вперед выходит Майна.

– За что вы наказываете Марико? Что она сделала?

– За то, что она шлюха! – огрызается мадам Химура. – Горничная застала ее под одним из солдат, с широко раздвинутыми ногами!

Я тут же вспоминаю слова Майны той ночью, когда она посетила меня в заключении. Она говорила, что охранник, стерегущий меня, по ночам отлучается ради встреч с девушкой... Неужели этой девушкой и была Марико?

– Простите меня! – рыдает Марико, по ее пылающему лицу струятся слезы. – Это больше никогда не повторится!

– Конечно, не повторится, потому что сегодня же тебя вышвырнут из дворца!

Она обмирает от ужаса.

– Что... что вы говорите?..

Из клюва мадам Химуры вырывается хриплый смех.

– А ты как думала – можно предать Короля, а потом просто извиниться и жить как

раньше? Безмозглая девчонка! – Она яростно оборачивается к нам, орлиные перья на ее почти человеческих руках сейчас так сильно топорщатся, что руки похожи на крылья. – А вы, все остальные, смотрите и запоминайте! Сейчас вам предстоит узнать, что случается с гнилой бумагой.

Расправив крылья, чтобы легче было тащить отчаянно сопротивляющуюся Марико, мадам Химура волочит ее по коридору. Я иду следом вместе с прочими девушками, ноги подкашиваются, к горлу подступает тошнота. За нами цепочкой тянутся горничные. Горничная Марико, маленькая миловидная девочка-собака по имени Ви, всхлипывает так сильно, что ей приходится прикрывать мордочку руками, чтобы скрыть рыдания. Лилл поддерживает ее под локоть, шепчет слова утешения.

Мы входим в большую пустую комнату. Мадам Химура втаскивает Марико через порог и швыряет на пол.

– Срочно вызови доктора Уо, – бросает она одной из горничных, и та послушно исчезает.

Марико корчится на полу.

– Нет, пожалуйста, не надо! Я не хочу уезжать... дайте мне сначала хотя бы увидеться с Роаном! Хотя бы один раз! Где Роан? Что вы с ним сделали?

– Твой солдатишка предстанет перед генералом Ндесе, – презрительно выплевывает мадам Химура. – Его всего-навсего лишат звания и навсегда изгонят из дворца. Конечно, если Король решит проявить милосердие.

Марико раздражается рыданиями.

– Не могу на это смотреть, – беззвучно шепчу я Майне, стоящей рядом.

– У нас нет выбора, – так же беззвучно отвечает она.

– Наплевать! – я вырываюсь и делаю шаг вперед. Майна предостерегающе шипит мне вслед, но я игнорирую ее и подхожу прямо к мадам Химуре. – Мадам, но почему это такое страшное преступление? Почему нам запрещено иметь возлюбленных? – громко спрашиваю я, и мои слова брызжут ядом. – Королю каждую ночь есть кого уложить себе в постель, а через год нас сменят новые девушки, и он не останется без развлечений...

Глаза орлицы расширяются.

– *Что* ты сказала?

– Я сказала, что если бы Король не был таким бессердечным и жестоким, нам не пришлось бы искать утешения на стороне...

Конечно, я готовилась к удару, но все равно ее трость, со свистом врезавшаяся мне в челюсть, вышибает из меня дух.

Я хватаюсь за лицо, рот наполняется металлическим вкусом крови. Майна оттаскивает меня назад раньше, чем мадам Химура успевает ударить еще раз. Но, к счастью, в этот миг ее внимание отвлекает приход доктора.

Доктора Уо явно подняли с постели. Пояс кимоно завязан кое-как, волосы спутаны.

– Что происходит? – спрашивает он, почесывая щетинистую щеку возле одного из кабаньих клыков.

Мадам Химура указывает на Марико.

– Эта девчонка потеряла место при дворе. Перед изгнанием ее следует пометить.

Лицо доктора остается таким же бесстрастным, как тогда, когда он осматривал меня перед Снятием Покровов.

– Понятно. – Он склоняется над Марико, которая тщетно пытается отползти в сторону. – Подержите ее кто-нибудь, – приказывает он.

Мадам Химура жестом подзывает жмущихся к стене горничных.

- Ну-ка, помогите доктору!

Горничные неохотно подходят, Марико отбивается, ударяет Лилл локтем в бок. Мадам Химура тут же отвешивает ей такой удар, что голова Марико с ужасным хрустом ударяется о пол.

- Сопrotивляйся, если хочешь, девчонка, - скрипит мадам Химура. - Тогда твоя метка будет выглядеть еще хуже.

Я понимаю, что сейчас произойдет, только когда доктор Уо достает из чемоданчика нож. Он собирается вырезать на ее лице метку. Написать приговор на ее коже.

Ее собственной кровью.

Одной рукой он хватает Марико за лицо, другой подносит нож к ее лбу.

- Заткните ее кто-нибудь! - рычит он через плечо.

Одна из горничных протягивает ему комок ткани. Доктор заталкивает кляп Марико в рот, заглушая ее отчаянные крики. И поднимает нож.

Когда лезвие начинает уродовать ее лицо, ее крики слышны даже сквозь кляп. Когда доктор заканчивает, Марико лишь тихо всхлипывает.

Наконец он отстраняется, и я вижу на лбу девушки кровавые линии, образующие символ: «Лан».

Гниль.

- Теперь каждый, кто увидит тебя, будет знать, что ты сделала, - шипит мадам Химура и поворачивается к нам. - Запомните это, вы все. Запомните, что бывает с теми, кто отвергает Короля. - Желтые орлиные глаза останавливаются на мне. - Это никому не проходит даром. А теперь, - взмахивает она рукой, - всем разойтись! Марш по своим комнатам. Скоро вас ждут занятия, и не думайте, что расписание изменится из-за какой-то грязной шлюхи.

Я медлю уходить, не в силах оторвать взгляд от Марико. Мне так хочется подойти к ней, помочь подняться, постараться утешить... но Майна едва ли не силой уводит меня прочь.

- Не усугубляй, - шепчет она по пути.

- Что теперь с ней будет? - спрашиваю я дрожащим голосом, идя по коридору. Все девушки потрясены и подавлены. Ченна выглядит так, как будто ее сейчас стошнит. Чжэнь и Чжинь идут молча, крепко держась за руки. Я пытаюсь поймать взгляд Аоки, но та смотрит под ноги.

- Теперь она помечена на всю жизнь, - объясняет Майна. - Ей не удастся найти достойную работу или выйти замуж... Она либо будет побираться и умрет от голода, либо отправится работать в единственное место, куда ее примут...

- В бордель?

Майна коротко кивает. Я отворачиваюсь, боясь, что меня вырвет нам под ноги.

Когда мы доходим до своих спален, я тихонько стучу в дверь Блю. Та не отвечает, и я открываю дверь и вхожу.

Блю стоит у окна, глядя в сад. Сквозь полуприкрытые ставни сочится бледный утренний свет, окаймляя ее силуэт серо-золотым.

- Уходи, - чуть слышно произносит она, но голос ее срывается на полуслове. Короткая пауза, и она уже громче повторяет: - Я сказала, уходи!

- Я уйду, но я рядом, Блю, - говорю я как можно мягче. - Если захочешь поговорить, или тебе еще что-нибудь понадобится... я тут.

Она резко оборачивается, лицо блестит от слез.

- Сколько тебе повторять, убирайся! - отчаянно кричит она и бросается на меня.

Я поспешно выскакиваю из комнаты. И только через несколько минут понимаю, что несмотря на свои крики и грубость Блю только что просила меня о помощи. Если бы я все-таки осталась, она скорее бросилась бы, рыдая, мне на грудь, чем стала бы меня бить, просто крик был ее единственным способом выразить ужасную душевную боль.

Вечером я пишу очередное письмо домой. До сих пор я пыталась писать так, чтобы письма выглядели весело и оптимистично, отпускала шуточки, как будто моя теперешняя жизнь не слишком отличается от спокойной работы в нашей лавке. Слова выбирала легкие и непринужденные. Но сегодня я не могу найти таких слов. За окном воет ветер, и кажется, что весь дом скрипит и шатается под его порывами. Вдалеке слышатся раскаты грома. Обычно зима в Сяньцзо холоднее здешней, и я представляю, как папа и Тянь возятся в саду, кутаясь в меховые накидки, укрывают закованенными пальцами травы и цветы, их дыхание вырывается облачками пара.

Все это так неправильно. Мое место - рядом с ними. Я должна быть там, мерзнуть на ветру, укутывая растения, выдыхать облачка пара...

Я думаю о том, как бы выразить свои чувства на бумаге так, чтобы себя не выдать. Это удается мне лишь с третьей попытки. Я, конечно, не уверена, что папа и Тянь когда-нибудь прочтут мое послание - я ведь до сих пор не получила от них ни строчки в ответ, несмотря на заверения госпожи Эйры, что все мои письма доставляются по адресу. Но я все равно пишу.

Милый папа,

помнишь тот день, когда мы ходили к реке - на то место, где вы с мамой нашли нашего Бао? Помнишь, мы оставались там вместе до заката, сидели, опустив ноги в воду, а воздух был таким тихим и неподвижным, в нем раздавалась лишь песня одинокой птицы.

Так вот, сегодняшний день выдался таким же прекрасным, как тогда.

Скучаю по тебе даже больше, чем прежде.

Я скатываю письмо в трубочку и перевязываю лентой. Слезы застилают взгляд. Тот день был первой годовщиной набега на деревню, когда демоны забрали маму.

Это был один из худших дней моей жизни.

Я уже готовлюсь лечь в постель, но слышу в коридоре какое-то движение. Не знаю почему, я понимаю, что это Майна.

Кровь внезапно вскипает от гнева - такого сильного, что я сама поражаюсь. Я вскакиваю на ноги прежде, чем осознаю, что собираюсь сделать. Да как она смеет?! Как она *смеет* - именно сегодня, когда нам всем наглядно показали, что случается с теми, кого поймали на месте преступления... Если ее схватят, что тогда будет со *мною*?!

Я переживаю несколько секунд, пропуская ее вперед, и иду следом. Ветер хлещет по щекам, отбрасывает назад волосы, пока я пересекаю темный сад. Воздух кажется ледяным. Скоро пойдет снег. Конечно, я накинула на ночную рубашку теплый плащ, но голые ноги ужасно мерзнут, когда я ступаю по заиндевелой земле. Стопы немеют, так что дорога до сосновой рощи занимает больше времени, чем я рассчитывала. В эту рощу у меня на глазах уже уходили Майна и ее волк, но все равно я боюсь, что не сумею ее отыскать. Однако, пробираясь между замшелых камней, я слышу впереди странные звуки и иду на них, хотя они едва слышны из-за шума ветра. Чем ближе я подхожу, тем лучше различаю вскрики, тяжелое дыхание, шорох листьев, и в груди вспыхивает пламя.

Этого не может быть.

Или... может?

Я ускоряю шаг, и через несколько секунд выскакиваю на поляну. Над ней, как своды,

смыкаются кроны высоких сосен. А в центре поляны я вижу Майну и волка. Они заняты вовсе не тем, чего я так боялась. Нет, кое-чем другим.

И это только хуже.

Они дерутся.

Сердце подпрыгивает и колотится в горле. Я уже готова броситься вперед, на выручку Майне, но постепенно понимаю, что ни один удар дерущихся не достигает цели в полной мере – оба противника едва намечают касание. Они движутся уверенно, слаженно, словно в танце, волосы Майны взлетают темной волной, когда она уклоняется от удара ногой и наносит волку ловкий удар ребром ладони. Это не драка. Это тренировка.

Майна разворачивается в полете – и встречается со мной глазами.

Она приземляется неловко, но быстро восстанавливает равновесие, выпрямляется.

– Леи, – говорит она, задыхаясь.

Волк в мгновение ока поворачивается. Его глаза вспыхивают, и он оказывается рядом, но Майна хватает его за локоть.

– Стой! Все в порядке, Кензо...

– Ее не должно здесь быть! – рычит он.

– Она никому не скажет...

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю.

– Но с какой стати...

– Потому что она меня *любит!*

Восклицание Майны тонет в шуме бури, но я все равно слышу ее слова так отчетливо, словно она шепчет их мне на ухо. Мне кажется, что все вокруг замирает – и ветер, и скрип качающихся деревьев.

– А я... люблю ее, – тихо договаривает Майна.

Она тянет Кензо за мускулистую руку – наполовину человеческую, наполовину волчью, покрытую серой шерстью – и выражение его лица смягчается. Однако его уши все еще стоят торчком, и шерсть на загривке топорщится.

– Вот, значит, как, – просто говорит он.

– Да, так.

Он молчит пару секунд. Потом произносит:

– В любом случае, ей здесь не место.

Что-то в его голосе причиняет мне боль. Я слышу в его словах такую заботу о Майне, словно этих двоих связывают некие особые отношения, в которых я лишняя.

Майна кивает.

– Я уговорю ее вернуться. Подождешь немного?

Бросив на меня еще один угрюмый взгляд, волк отходит, идет в сторону леса.

Майна смотрит на меня, не отводя глаз. Когда шаги волка затихают в чаще, она подходит ко мне вплотную.

Весь мой гнев испарился. Все, что я чувствую – это усталость и опустошение. Я понимаю, что по моим щекам катятся слезы, и Майна стирает их пальцами.

- Ну что ты, - шепчет она, лаская мое лицо, - что ты? Что случилось? Это из-за Мариико?
Я прячусь в ее объятиях.

- Из-за всего, - бормочу я неразборчиво.

Она обнимает меня и ждет, когда я успокоюсь. А потом отстраняется, берет мое лицо в ладони.

- То, что ты сказала Кензо про нас с тобой, - шепчу я. - Это... ты правда...

Она кивает.

- Да, правда.

- И я... я тоже!

Она нежно прикасается губами к моим губам. Где-то над нашими головами грохочет гром. Она отступает еще на шаг.

- Прости, Леи, но сейчас ты должна вернуться в дом.

Я глубоко вдыхаю.

- Не раньше, чем ты мне объяснишь, что происходит. От начала до конца.

- Леи...

Я упрямо мотаю головой, стиснув зубы.

- Пока ты не объяснишь, я с места не тронусь. - Я переплетаю наши пальцы, снова притягивая ее к себе. - Ты рискуешь всем. Своей жизнью. И моей. Потому что если с тобой что-нибудь случится, я этого не вынесу. Майна, ты - все, что у меня есть. Ты нужна мне. Я не могу остаться без тебя.

- Ты не останешься без меня, Леи, - говорит она.

- Тогда расскажи мне. Довольно лжи и недосказанности. - Я легко целую ее, чувствуя, как дрожат ее губы, как быстро бьется ее сердце. - Пришло время правды.

Майна долго молчит. Я даже думаю, что она ответит мне отказом, и пытаюсь решить, что я в этом случае буду делать. Но она медленно кивает.

- Все, что я до сих пор тебе рассказывала, - правда. Я не солгала тебе ни словом. Клянусь. Я умалчивала только о... причинах произошедшего. О том, зачем Кетай спас меня и вырастил как дочь клана Ханно. О том, зачем я оказалась здесь, во дворце. - Она смотрит в сторону, в темноту. - Когда Кетай, узнав о резне в последнем убежище клана Сиа, отправился в горы Райна, он не просто искал выживших. Он знал наверняка, что выжившие *есть*. По крайней мере... один выживший. То есть я. - Она переводит дыхание - рассказ дается ей нелегко. - Ночью, когда произошло побоище, приближенный предсказатель судьбы сказал ему, что видел ребенка, скорчившегося на окровавленном снегу. Живого ребенка. Тогда отец поспешил в горы, чтобы найти его и вырастить. Сохранить род Сиа. Дело не только в том, что член клана Сиа обладал бы способностью убить Короля... но и в том, что - и это не менее важно - член клана Сиа имел бы достаточно поводов это сделать. Достаточно поводов желать ему смерти.

Убить Короля. *Убить*.

Это слово повисает в воздухе между нами, острое, как лезвие ножа.

- Предсказатель не видел в своем трансе, какого пола выживший ребенок, - продолжает Майна. - Отец думал, что найдет мальчика, но когда обнаружил меня, решил, что так даже лучше. Может быть, я и немного слабее физически, но на свете тысячи мужчин-убийц. Проблема только в том, что им трудно достаточно близко подобраться к Королю. У красивой девушки, одетой в нарядное платье и обладающей изысканными манерами, куда больше шансов.

- А как насчет Кензо? - спрашиваю я. - Разве он не мог бы...

Майна качает головой.

- Отец и его союзники потратили десятки лет, работая над тем, чтобы Кензо получил нынешнюю должность. Он нужен нам там, где он сейчас. Убить Короля - важная задача, но не единственная. Если двор останется ему верным, что проку от убийства? Вся королевская иерархия, включая Королеву-Демоницу и наследников престола, которых она уже успела произвести на свет, должна быть уничтожена. Это единственный способ расчистить место для нового режима. Кензо - наш самый высокопоставленный агент. Он встроен в систему, и его задача - ее изменить.

- А тебе остается грязная работа.

Майна сжимает губы, но все же отвечает кивком.

- Поэтому я знала, например, о запасном выходе в театре. Так я выбираюсь по ночам наружу, чтобы не попадаться. Я с раннего детства изучала все входы и выходы во дворце, мне здесь известен каждый уголок. А в качестве Бумажной Девушки я могу подобраться к Королю ближе, чем кто бы то ни было, не вызывая подозрений. - Ее глаза пылают. - Я - тот самый убийца, который сможет выполнить свою задачу.

Над нашими головами слышны раскаты грома. Ледяной ветер хлещет, как плеть, но я его даже не замечаю, будто все это происходит в другом мире. Вокруг нас с Майной образовался пузырь тишины, и, кроме безмолвия, его наполняет мой ужас - и еще ее слова о том, что она меня любит, а я люблю ее. И все, что может из этого следовать.

- Ты ведь уже столько раз оказывалась с ним наедине, - говорю я наконец. - Почему ты его до сих пор не убила?

- Потому что сначала нужно дождаться некоторых других событий. Очень важно сделать все вовремя. Верь мне, Леи, если бы был какой-то другой путь... Если бы существовал способ уничтожить его и притом с ним не спать... я бы непременно его отыскала. Мой отец непременно отыскал бы его.

- Значит, ты даже не знаешь, когда это должно произойти?

Она качает головой.

- Точно не знаю. Но долго ждать не придется. Кензо говорит, что почти все готово.

Словно расслышав свое имя, из чащи на поляну выходит волк. Мерзлые листья хрустят под его ногами. Он держится в стороне, не подходит слишком близко, но он здесь, и я чувствую, что он за нами наблюдает.

Майна стискивает мою руку.

- Прости, но теперь тебе правда нужно идти. Мы еще должны закончить тренировку.

Я не двигаюсь с места.

- Позволь мне остаться, - прошу я. - Я... хочу помочь.

- Что?!

- Ты собираешься убить Короля. А я могу в этом помочь.

Она отшатывается, как будто я оскорбила ее.

- Я не против того, чтобы рисковать собственной жизнью, - резко отвечает она. - Но твоей жизнью рисковать я не собираюсь ни за что на свете. - Я пытаюсь возразить, но она тянет меня за руку. - Пойдем, я провожу тебя до дома.

- Но...

- Пожалуйста, Леи, - говорит она, и в ее голосе слышна такая усталость, что я не нахожу в себе сил с ней спорить.

Вернувшись к себе, я ложусь, меня сильно знобит, хотя я завернулась во все одеяла и меховые накидки, которые у меня нашлись. Я не могу заснуть и смотрю в потолок, пока тьма за окном не сменяется слабым светом зимнего утра. После пожара в театре я уже подозревала, что с Майной все не так просто, что ее владение боевыми искусствами и принадлежность к Сиа – не совпадение. Но теперь картина окончательно сложилась.

Когда-нибудь – и очень скоро – Майна должна совершить покушение на жизнь Короля.

И в этом бою она может победить, а может... проиграть.

Мне хочется вскочить, побежать обратно на лесную поляну, схватить Майну за плечи и пытаться переубедить ее. Ледяная сосредоточенность в ее глазах, когда она убила воина в туннеле под театром... Я снова ясно вижу, как ею овладевает магия Сиа, придавая ей больше сил, чем может быть у юной девушки. Может быть, этой магии будет достаточно. Может быть, долгие годы тренировок и кровь клана воинов в ее жилах защитят ее, помогут ей победить.

Но потом я думаю о Короле. О его огромной туше, о мускулах, похожих на стальные канаты, о грубом бычьем голосе. О дикой ярости в его глазах той ночью на празднике *койо*, и о том, как он швырнул меня, как пушинку, на свою кровать, и я почувствовала себя невероятно хрупкой, слабой, как никогда...

Я дрожу и сворачиваюсь клубком, подтянув колени к подбородку. Несмотря на кровь клана Сиа, несмотря на всю свою исключительность, Майна тоже хрупкая девушка, и ничего более. И нам всем недавно ясно показали, что случается с Бумагой, которая осмеливается восстать против демонов.

Такую бумагу рвут в клочья.

Глава двадцать шестая

На следующее утро Аоки приходит ко мне в спальню – как раз когда я стою на пороге, собираясь отправиться к ней.

– Прости меня, – говорит она, едва дверь открывается.

Собственно, мы обе говорим это одновременно.

Я обнимаю ее, и она смеется, обхватив меня руками за шею и пряча лицо у меня на груди.

– Я боялась, что это окажется труднее, – приглушенно смеется она, уткнувшись мне в плечо.

Я крепче обнимаю ее.

– Нет, это должно было оказаться проще! Я так сожалею обо всем, что наговорила тебе, Аоки.

Мы размыкаем объятия, и она неуверенно улыбается мне. Но взгляд остается серьезным.

– Просто обещай мне, Леи, обещай, что вы будете осторожны! Я не вынесу, если с тобой что-нибудь случится... И вот еще что. Я подумала, что тебе нужно заранее знать об этом. Король сказал мне, что завтра собирается вызвать тебя.

Я чувствую себя так, как будто меня ударили камнем в живот. Я вспоминаю, как выглядела Майна прошлой ночью, синяки на ее коже, ее отважные слова, учащенное дыхание.

– Ты собираешься ей об этом сказать? – спрашивает Аоки, словно читая мои мысли.

Я качаю головой и через силу улыбаюсь.

– Кстати, ты многое пропустила. Пока ты была у Короля, я подружилась с Блю, теперь она моя лучшая подруга, и мы вместе основали общество поклонников мадам Химуры. Наш клуб называется «Веселые клювики».

Аоки наконец улыбается во весь рот.

– Меня примете?

На следующий день, как и предупреждала Аоки, королевский гонец приносит бамбуковую дощечку с моим именем. Я беру ее из рук мадам Химуры, которая что-то говорит мне, но я не понимаю ни слова. Сил хватает только на то, чтобы не смотреть на Майну. Я чувствую ее взгляд – он похож на зов, на который я всегда стремлюсь ответить, подобен песне, которую я всегда готова подхватить. Но сейчас я смотрю только себе под ноги, пока мадам Химура отсылает остальных девушек прочь.

Я чувствую, что Майна еще здесь. Она медлит в дверях.

– К тебе это тоже относится, Майна-чжи, – сурово окликает ее женщина-орлица.

Пауза. Звук закрывающейся двери. Мы с мадам Химурой остаемся наедине.

– Итак, – произносит она.

Я поднимаю глаза, и ее желтый немигающий взгляд встречает мой золотой.

– Ты сама знаешь, что с тобой будет, если ты снова меня подведешь.

– Да, – шепчу я сквозь зубы.

Она подхватывает трость и стучит ей об пол.

– Рика! Проводи Леи на урок йору.

Я немного нервничаю – мне предстоит увидеться с Зелле после того, как она подловила меня за неподобающим занятием в Ночном Доме... Однако Зелле приветствует меня очень тепло, в ее обращении нет ни тени обиды или гнева.

– У меня до сих пор не было шанса тебя поблагодарить, – говорю я, присаживаясь напротив нее на татами. – Ну, за то, что ты не сказала госпоже Ацзами о том, что я делала в ее кабинете...

Зелле пожимает точеным плечиком.

– Если бы я донесла, у меня самой было бы больше проблем, чем оно того стоило. И я не могу тебя винить за желание узнать о судьбе твоей матери. – Она продолжает после короткой паузы: – Мне жаль, что результат поисков оказался не таким, на какой ты надеялась.

Я быстро опускаю глаза.

– Спасибо.

– Знаешь, я тоже очень рано потеряла маму.

Я вскидываю голову.

– Ты... ты тоже? Правда?

– Да. Моя мать была куртизанкой, как и я. Была привезена во дворец, чтобы удовлетворять желания демонов-извращенцев, которых влечет к Бумажной касте... как сейчас делаю я. Госпожа Ацзами постоянно снабжает нас лекарствами, чтобы не допустить беременности, но микстура порой дает сбой, а когда куртизанка беременеет и рождает ребенка, ее прогоняют и больше не допускают к работе.

– И что с ней стало?

– После того, как она родила меня, ее подарили одному из чиновников в Цзяне в качестве поощрения. Я никогда ее не видела.

Я чувствую в груди огромную пустоту.

– Мне так жаль, – говорю я, но Зелле лишь встряхивает темными кудрями, и на ее губах играет тень обычной озорной улыбки.

– Ничего. Такова дворцовая жизнь.

– Ты... когда-нибудь думала о том, чтобы сбежать отсюда? – спрашиваю я осторожно.

Глаза Зелле вспыхивают.

– Я думаю об этом каждую секунду.

Я даже не представляю, что на это можно ответить, так что некоторое время мы просто сидим друг напротив друга и молчим. Наконец Зелле нарушает молчание.

– Я слышала о Марико.

Я киваю. С того самого утра меня не перестают преследовать крики Марико. И взгляд ее глаз, опустевших от отчаяния, когда доктор наконец отпустил ее, убиравая окровавленный нож.

– Такое случается не в первый раз, – говорит Зелле. – Некоторым девушкам удастся сохранить в тайне свои отношения, но большинство попадаетеся. Я сама несколько раз едва не попалась.

Мой рот сам собой открывается от изумления.

– Так у тебя был любовник?

– Конечно. И не один, а сотни – это ведь моя работа, ты не забыла? – она подмигивает

мне, но ее лицо остается напряженным. – Шучу, я имела в виду любовника, которого выбрала сама, а не очередного клиента.

– И что... что с ним случилось?

Она отвечает не сразу.

– Он умер.

– Ох. Я так... так сочувствую!

– Все в порядке, – слегка пожав плечами, отвечает она. – Я научилась с этим жить. В любом случае, если бы он все еще был жив, рано или поздно мы бы попались. И сейчас оба были бы мертвы.

Мы снова умолкаем. Зелле чувствует мое настроение, потому что не давит на меня и не стремится скорее начать урок. Сегодняшний день – самый холодный с начала зимы, ветер леденит кожу, но в комнате Зелле очень тепло, свет фонариков осыпает бликами ее волнистые волосы и серебряную вышивку на кимоно.

Пока мы молчим, на меня постепенно накатывает странное бесшабашное чувство. Я почти не спала предыдущие две ночи, снова и снова прокручивая в голове мысли о Майне, о плане похищения, обо всем. В первую ночь мне казалось – все, что мне удалось создать вместе с Майной, мой внутренний образ сильной, отважной девушки, которой я так стремилась стать, – все это навеки утрачено. Единственное, о чем я могла думать – это о том, как силен Король и как хрупка по сравнению с ним Майна, всего-навсего человек, не демон. И как глупо было мечтать, что мы можем противопоставить Королю свою любовь и надежду на лучшее будущее. Но когда Аоки сказала, что Король собирает меня вызвать, я провела всю ночь в раздумьях о том, что если мы будем бездействовать и терпеть, вся наша жизнь окажется безнадежным ожиданием того, что нас снова заставят делать нечто отвратительное. Через год нас выдадут замуж за каких-нибудь генералов или оставят при дворе в качестве куртизанок, танцовщиц, актрис, владелиц чайных или модных салонов... Но все равно мы будем, подчиняясь чужой воле, заниматься тем, чем не хотим. И у нас никогда не будет собственной жизни – только ее жалкая тень.

Когда я впервые поцеловала Майну, я уже приняла решение, что не позволю никому распоряжаться моим будущим. Пусть тогда я этого и не осознавала, но первый поцелуй стал моим обетом. Печатью на договоре. Обетом, данным даже не Майне, а себе самой.

Нет, я не останусь рабыней до конца жизни.

– У меня... тоже кое-кто есть, – внезапно говорю я, ожидая реакции Зелле. Не знаю, как так вышло, слова сами срываются у меня с языка. – Я имею в виду... любимый человек.

– Знаю, – улыбаясь краешками губ, отвечает она.

Глаза мои невольно расширяются.

– Неужели так заметно?

– Это было заметно еще на нашем первом уроке, Девятая, – кивает Зелле. – Но с тех пор ваши отношения перешли на следующую стадию, верно?

Я могу только кивнуть.

– Ты любишь и любима.

Ответ легко срывается с моих губ:

– Да.

Переводя взгляд на окно, Зелле тихо вздыхает, сжимая руки на коленях.

– Даже не знаю, что тебе сказать. – В ее голосе звучит тяжесть, которая словно давит ей на плечи. – Я могла бы сказать, что желаю вам счастья, всего счастья, возможного на этом свете – и я действительно его вам желаю. Конечно, желаю. Но ты – Бумажная

Девушка, Девятая. Наложница Короля. А это значит, что ты должна принадлежать ему – и никому другому.

Сама не знаю, какой реакции я ожидала, но явно не такой.

– Но ведь ты сама говорила, что мои чувства и мысли принадлежат только мне и больше никому, – сдавленно шепчу я. Из всех людей на свете уж она-то должна была меня понять!

– Так и есть, Девятая. Но я имела в виду лишь то, что у тебя всегда остается что-то, что Король не в силах у тебя отнять. А вот взаимная любовь... она только все усложняет.

– Так было и у тебя? Любовь все усложнила?

– И продолжает усложнять до сих пор. Влюбиться по-настоящему – это самая большая ошибка, которую может совершить женщина вроде нас с тобой.

– Я не согласна.

Зелле поднимает брови.

– В самом деле? В таком случае расскажи, что ты сама думаешь о любви.

– Любовь необходима, – выпаливаю я. – Она могущественна. Возможно, любовь – это самое важное, что есть на свете... для женщин вроде нас с тобой. – Я вспоминаю улыбку Майны, запах ее кожи, то, как идеально соединяются наши тела. – Любовь – это единственное, что дает нам надежду. Единственное, что каждый день дает нам силы жить.

– А как насчет ночей? Ночью любовь тоже дает тебе силы жить?

– Думаю, скоро мы это узнаем наверняка.

Впервые за время нашего знакомства черты Зелле искажает что-то, похожее на гнев.

– Только не вздумай снова его отвергнуть, Девятая. Тебе придется это перетерпеть. Спрячь свои чувства куда-нибудь подальше, слышишь? Потому что если он узнает, что ты отдалась кому-то другому, на этот раз он тебя просто *убьет*.

– Пусть попробует, – говорю я, почти не веря, что это мои собственные слова. – Возможно, кое-кто доберется до него раньше.

Слова срываются с языка прежде, чем я успеваю за ними уследить.

Зелле удивленно моргает.

– Я... я хотела сказать, – поспешно бормочу я, – что я не собираюсь допустить этого по отношению к себе.

– Не собираешься, значит. Хорошо. Каков, в таком случае, план? – спрашивает она. – Как ты, лично ты, собираешься противостоять Королю? Ты не воин. Ты никогда не держала в руках оружия. Насколько я помню, ты была травницей, работала в аптеке...

Ее слова ранят меня, хотя я понимаю, что она не хотела быть со мной жестокой.

А потом мои губы раздвигаются в улыбке. Потому что Зелле права – я действительно была травницей, и довольно неплохой. Возможно, именно это сейчас меня и спасет.

Я продумываю свой план в паланкине по пути назад в Бумажный Дом. Вчера, когда Аоки сказала мне, что Король планирует вызвать меня к себе, я думала, что придется просто как-то перетерпеть этот кошмар. Майна сказала, что покушение состоится уже скоро. Так что, возможно, это будет мой единственный визит в его покои, а потом я стану свободной. Я приготовилась к боли, решила, что стисну зубы и просто это переживу. Именно поэтому я вчера избегала Майны, старалась не смотреть ей в глаза, боясь увидеть в них тоску, которая сделала бы предстоящее еще труднее для меня. Мне и так было почти невыносимо... Но случайные слова Зелле о моем прошлом травницы вдруг напомнили мне, что существует способ помочь себе.

Да, убить Короля мне, может, и не под силу, но, по крайней мере, обездвижить его я могу. Возможно, даже докажу этим Майне, что я не такая уж бесполезная и способна помочь с покушением.

- Мне нужна твоя помощь, - говорю я Лилл, входя в свою комнату. Я говорю быстро, чуть задыхаясь, и хватаю горничную за плечи. - Я верно помню, что в Бумажном Доме есть сад с лечебными травами? Сад, примыкающий к кухне. Мне срочно нужно туда заглянуть. Прямо сейчас.

- Но за вами уже пришли служанки...

- Подождут. Скажи им, что мне нехорошо, что мне нужно чуть-чуть отдохнуть и прийти в себя.

Лохматые олени ушки Лилл трепещут от волнения.

- Может быть, лучше позвать доктора?..

Я улыбаюсь ей, хотя из-за бешеного сердцебиения у меня дрожат губы.

- Ты разве забыла, что я сама - травница и выросла при аптеке? Я просто хочу быстро подобрать себе лекарство, чтобы успокоить нервы ради встречи с Королем. - Она все еще выглядит растерянной, и я настаиваю: - Ты же помнишь, как скверно все получилось в прошлый раз? После этого я хочу как-то оправдаться перед Королем, впечатлить его. Понимаешь, что я имею в виду, Лилл? Мне нужно немного, всего несколько особых травок. Чтобы успокоиться и как следует подготовиться к встрече.

Лилл широко улыбается.

- Так бы сразу и сказали, госпожа! Я всегда готова помочь вам чем угодно, чтобы вы вернули расположение Короля!

Я ласково обнимаю ее, пытаюсь заглушить чувство жгучей вины.

Проходит несколько часов. Небо усыпано яркими холодными звездами, зажигаются фонари. По дворцовым площадям носится ледяной ветер. На этот раз к Королю меня сопровождают пятнадцать стражей. Я с трудом сдерживаю нервный смех - настолько это нелепо выглядит: пятнадцать вооруженных до зубов демонов против единственной девушки, одетой в тонкое шелковое платье, единственное оружие которой - горстка трав, спрятанных в складках *оби*.

Отряд охраны возглавляет майор Кензо Рю - он же «волк Майны», как я его про себя называю, причем не без ревности. Когда мы подходим к дверям королевских покоев, он берет меня под локоть, притягивает к себе чуть ближе, чем следовало бы, и я чувствую его мускусный звериный запах. Он напоминает мне о долгих летних днях, о высокой траве на лугах за деревней, о том, как пахнет нагретая солнцем земля. Хотя я уже видела Кензо вблизи несколько раз, это мой первый шанс рассмотреть его как следует. Он довольно молод для столь высокого звания, всего лет на десять старше меня. Его приятное умное лицо с длинной, похожей на волчью, челюстью покрыто короткой серой шерстью, такая же шерсть виднеется между частями доспехов. Над верхней губой у него колючие собачьи усики.

Конечно, за последние месяцы я почти привыкла иметь дело с самыми разными представителями Лунной и Стальной каст, но все равно его хищное лицо пугает меня.

Лучше бы все же оказалось, что он не влюблен в Майну и никогда не был в нее влюблен, в приливе черного юмора думаю я. Потому что я могу уклониться от любой войны, кроме войны за ее сердце. А с таким соперником мне точно не справиться.

Остальные охранники расступаются, пропуская нас вперед. Волк ведет меня к покоям Короля, поддерживая за локоть с неожиданной мягкостью, которая удивляет в воине такого сложения.

- Прости, я не могу поступить иначе, - тихо шепчет он перед тем, как открыть двери.

Я невольно вскидываю голову, и он предостерегающе сжимает мою руку.

- Здесь и у стен есть глаза и уши, - едва слышно говорит он, и голос его, низкий и хриплый, кажется мягким, добрым и сочувственным. - Извини за то, что я должен отвести тебя к Королю. Мне жаль.

- Надеюсь, это в последний раз, - так же тихо отвечаю я.

- И я надеюсь, - говорит он, бросая на меня пронизательный взгляд серо-голубых глаз, прежде чем постучать.

Глубоко вздохнув, я переступаю порог, и двери за спиной шумно захлопываются. Я стою одна в полной темноте. Пульс частит, кровь стучит в ушах. Некоторое время я не могу заставить себя сдвинуться с места, просто пытаюсь восстановить дыхание и хоть немного успокоиться.

- Не стоит от меня прятаться, Лей-чжи.

Гулкий голос Короля заставляет меня вздрогнуть. Я невольно отступаю, и звук шагов порождает в темных высоких сводах громкое эхо. Схватившись за свой *оби*, я нащупываю в складках пояса нечто ободряющее - маленький сверток из листьев.

«*Желания невозможно обуздать*». Так он сказал мне, когда я впервые оказалась здесь.

Ну что же, Король, сегодня тебе предстоит узнать, что истинная любовь способна противопоставить твоим желаниям.

Его покои - точно такие, какими я их запомнила. Свечи мерцают алыми пятнами, густой запах благовоний вызывает тошноту. Но что-то все же изменилось, и я ясно это чувствую, подходя к Королю по холодным каменным плитам пола. Он сидит на троне и мрачно наблюдает за моим приближением.

Я иду.

Когда я впервые пересекала этот зал, у меня колени подкашивались от ужаса - такого сильного, что мне едва удавалось держаться на ногах. Тогда страх отравлял меня изнутри, проникая в каждую клеточку тела. При этом часть меня стремилась поразить Короля, оправдать его ожидания, я хотела быть хорошей Бумажной Девушкой, коль скоро других путей для меня не существует... Теперь все иначе. Я иду к его трону с осознанием, что та часть меня уже мертва, а ее место занято ярко горящим пламенем.

- Я и не пыталась от вас спрятаться, мой Король, - громко говорю я, и мой голос отдается эхом от стен. - Я просто... готовилась к встрече с вами.

- Ты все еще меня боишься?

Голос его звучит угрожающе. Да, ему явно хочется услышать страх в моем голосе.

- Да, - отвечаю я, ненавидя себя за то, что это все еще правда.

Он усмехается широкой кривой усмешкой, однако я вижу в ней напряжение, что-то дикое, напоминающее мне его развязное бахвальство на празднике *койо*. Его черное кимоно распахивается на груди, обнажая покрытое волосами мускулистое тело.

Мой взгляд падает на кувшин саке на столике у трона.

- Иди сюда, - приказывает он.

Я едва успеваю согнуть колени, чтобы сесть на подушку у его ног, как он хватается за воротник и притягивает к себе - так резко, что я вынуждена выставить вперед руки, чтобы не удариться лбом о массивный золотой подлокотник трона.

- Все эти формальности излишни, Лей-чжи, - ухмыляясь во весь рот, рычит он. - Я ведь уже видел тебя голой, если ты не забыла. Ты можешь притворяться какой угодно скромницей, но я-то знаю - вам, Бумажным Девушкам, одно только нужно. Настолько, что вы готовы раздвигать ноги перед простыми солдатами! Представляешь? - он повышает голос, брызжа мне в лицо слюной. - Лечь с ничтожным солдатом после того, как делила ложе с Королем!

От его дыхания разит алкоголем. Я стискиваю зубы, когда он рвет на мне воротник, обнажая шею и грудь.

Я не могу отвести глаз от кувшина sake. Если бы хоть немного протянуть время, завести разговор, как в прошлый раз... Тогда мне удалось бы осуществить мой план!

- Мадам Химура выгнала Мариико из дворца, - шепчу я, пытаюсь его отвлечь. Голос дрожит от гнева и страха. - И доктор вырезал у нее на лбу символ, означающий «гниль». Чтобы все знали, что она сделала...

Смех Короля гулко раскатывается по пещере.

- Отлично, эта дрянь получила по заслугам! Тот, кто осмелился меня предать, не может надеяться избежать кары!

- И многие осмеливаются предавать вас, мой Король? - стараюсь не выдать себя дрожащим голосом, спрашиваю я.

- На удивление многие. Казалось бы, мой народ должен испытывать ко мне великую благодарность за все, что я для него сделал. За богатства, которые я с ним разделил, за безопасность, за покой! За все мои заслуги в борьбе с Порчей! - он низко наклоняется ко мне, водит мозолистым пальцем по моим щекам. - Скажи-ка, Леи-чжи, а лично ты благодарна мне за то, что я тебе дал?

- Конечно, благодарна, - дрожащим голосом лгу я.

- Тогда докажи мне это. Покажи, как велика твоя благодарность.

Краем глаза я вижу кувшин sake, думаю о травяном сборе, наскоро перетертом пальцами, о том, как травяная пыль падает в прозрачную жидкость и оседает на дно...

- П-позвольте мне станцевать для вас, - начинаю я, подходя на шаг ближе к столику. - Мадам Чу как раз научила нас прекрасному танцу, который должен вам понравиться... Позвольте налить вам немного выпить, пока я буду танцевать...

- Хватит!

Рев Короля так ужасен, что ноги примерзают к полу. Он перехватывает мою руку, которая уже потянулась к кувшину, и сам хватает кувшин так резко, что чашечки разлетаются в стороны и разбиваются о каменный пол. Пламя свечей трепещет на осколках.

- Если тут кому-то и нужно выпить, так это тебе! Если ты, дура, и правда считаешь, что я тебя сюда позвал поплясать!

Он хватает меня за лицо, силой открывает мне рот - и льет sake прямо в горло. Я захлебываюсь, алкоголь обжигает пищевод, рвется наружу, и меня тошнит, потому что глотать с такой скоростью я не могу, но Король только смеется и продолжает лить sake, пока моя одежда и волосы не намокают.

Когда кувшин пустеет, он отшвыривает меня в сторону, и я стою на коленях, не в силах сдержать кашель и тошноту.

- Ты думала, я не понял, что ты задумала? - рычит он. - Нет, Леи-чжи, от меня ничего не спрячешь! Это ведь мой дворец. Мое королевство!

От его голоса сотрясаются стены. Пламя свечей дрожит. Я с трудом поднимаюсь на ноги, отчаянным взглядом окидывая осколки на полу, лужицы sake. Больше здесь не осталось напитков, в которые я могла бы подмешать свои травы - те, которые я собрала в саду при кухне, призванные вызвать спазмы в желудке Короля и, таким образом, помешать ему двигаться всю оставшуюся ночь.

Я пытаюсь убежать, но успеваю сделать лишь несколько шагов, когда его огромные руки хватают меня за плечи.

Король швыряет меня на пол, так что у меня трещат кости. Боль растекается от затылка

по всей голове.

Его тень накрывает меня, он грубо срывает с меня одежду руками и зубами и наваливается сверху. Прежде чем войти в меня, он приближает губы к моему уху и тихо, нежно шепчет, словно поет безумную колыбельную:

- Я, лично я, отправил ту экспедицию в твою деревню. А потом солдаты доложили мне, что женщины, которых они там захватили, плохо себя вели, и они были вынуждены всех их убить. Думаю, среди них была и твоя мать.

Глава двадцать седьмая

Даже охранники не в силах скрыть потрясения, когда видят, в каком состоянии я, едва переставляя ноги, выхожу из королевских покоев.

Не представляю, как долго я там пробыла. Может быть, прошло всего несколько минут.

А может – целая жизнь.

Как много нужно времени, чтобы сломать человека? Забрать его волю, погасить его пламя, размозжить ударами кулаков его любовь?

Когда двери за моей спиной затворяются, колени мои подкашиваются, и ко мне бросается волк Майны. Он успевает подхватить меня раньше, чем я падаю, и осторожно поднимает на руки. Остальные охранники молча смотрят ему вслед, пока он несет меня по коридору. Накидка, в которую я кое-как завернута, намочена от крови, изорвана в клочья, и я, словно сквозь туман, замечаю, что слуги, встречающиеся нам по пути, поспешно отворачиваются и прячут глаза.

Я пытаюсь заговорить, но из горла вырывается лишь хрип.

– Они... тебя... заподозрят.

– Нет, – отвечает Кензо. – Не заподозрят. Ты не первая Бумажная Девушка, которую уносят из королевской спальни в таком состоянии.

– Ненавижу его, – шепчу я.

Волк не отвечает, только чуть сильнее прижимает меня к груди, и за пару секунд до обморока я успеваю понять, что так он выражает согласие.

Когда я прихожу в себя, волка рядом нет. Ни его, ни его успокаивающего запаха. Вокруг слышится шелест голосов. Я чувствую легкое пожатие женской руки. Должно быть, меня отнесли в Бумажный Дом. Пытаюсь пошевелиться, но боль разрядами бьет по всему телу, и я понимаю, что лучше не двигаться. Раньше, кажется, было не так больно... Мой разум предпочел заблокировать, стереть из памяти все, что происходило после того, когда Король силой взял у меня то, в чем я так долго ему отказывала.

Да, это так и есть – *взял*. Это был грабеж. Грубое лишение чего-то очень важного.

Я открываю глаза, и даже это больно.

– Она пришла в себя!

Первое, что я вижу перед собой, – лицо Аоки. Оказывается, это ее рука ласково сжимала мое запястье, пока я была в забытьи. Она склоняется надо мной, глаза широко распахнуты – зеленые озера. Потом она отстраняется, и я вижу лицо Майны.

У нее такие глаза, что больно смотреть.

– Мне ужасно жаль, – говорит она, прижимаясь лбом к моему лбу.

Я быстро обвожу языком пересохшие губы.

– Волк, – шепчу я, – это он...

Она бросает на меня предостерегающий взгляд.

– Ты имеешь в виду майора Рю? – я киваю. – Да, это он принес тебя сюда, нес на руках от королевских покоев.

Я снова прикрываю веки.

– Как это благородно с его стороны, – лепечет Аоки.

Я слышу звук открывающейся двери.

- Госпожа, доктор сейчас придет. Он долго не задержится, но сейчас он должен вас осмотреть.

Сердце сжимается при звуке голоса Лилл. Пусть даже мой план провалился, все равно это она помогла мне при его подготовке.

И тут я вспоминаю: мой план... травы... сверток с травками!

С *ядовитыми* травками.

Я резко сажусь на постели. Боль выстреливает по всему телу сотней стрел. Аоки и Майна осторожно укладывают меня обратно, успокаивают, но я отталкиваю их руки, глаза мои пылают ужасом.

- Где мой *оби*? - хриплю я.

- Леи, тебе нужно отдохнуть, не волнуйся так, - уговаривает Аоки.

Я пытаюсь кричать громче, почти что визжу.

- Где моя одежда?

Лилл кладет в изножье узелок, в свете фонарика видна вышивка - цветы и лозы, переплетающиеся зелено-пурпурным узором...

- Это все, что было на вас при возвращении, - лепечет горничная, протягивая мне изорванное платье.

Тело сотрясается от рыданий. Я откидываюсь на спину и в отчаянии закрываю глаза.

- Леи? - быстро спрашивает Майна, наклоняясь ко мне. - Что такое?

- Мой *оби*, - шепчу я обреченно. - Он пропал.

Чтобы объяснить Майне, в чем причина моего ужаса, мне приходится подождать, пока доктор и шаман осмотрят меня и примут необходимые меры. Шаман использует магию исцеления, чтобы свести шрамы и кровоподтеки, а это дело небыстрое. Наконец Аоки и Лилл уходят спать, и только тогда я могу рассказать Майне о своем неудавшемся плане отравить Короля.

Едва я заканчиваю рассказ, она выпускает мою руку и быстро спрашивает:

- Значит, травы до сих пор там? В складках твоего *оби*, в покоях Короля?

Я киваю.

- Если он их обнаружит... если хоть *кто-нибудь* их обнаружит...

- Да, я знаю.

Она укоризненно качает головой.

- Леи, о чем ты думала?! Ты не должна была так рисковать!

- Я думала только, - с трудом выговариваю я, отводя глаза, - что не вынесу его прикосновений, что хочу любым способом избежать...

Майна меняется в лице.

- Леи...

- А еще я думала, что ты меня поймешь.

- Я понимаю. О боги, конечно же, понимаю! - ее прохладные пальцы ласкают мои щеки, она наклоняется, чтобы поцеловать меня. - Ты же знаешь, как сильно все это меня ранит. Но если бы тебе все же удалось отравить его, неужели ты думаешь, что придворные врачи не поняли бы в два счета, что именно произошло?

Я открываю рот, чтобы ответить... и закрываю его.

- И дело не только в том, что на тебя пало бы первое подозрение, что уже достаточно плохо, - продолжает она. - Ты бы поставила под угрозу весь наш заговор! Все, чего нам уже удалось достичь. Охрану Короля немедленно усилили бы, наложили бы временный запрет на вызовы Бумажных Девушек... Могли бы даже отменить Лунный Бал!

О боги. Я была так занята тем, чтобы избежать ночи с Королем, а заодно доказать Майне, что я тоже чего-то стою... что совершенно не подумала, как мои планы могут повлиять на готовящееся покушение! К глазам подступают жгучие слезы. Сорвать весь заговор - это последнее, чего бы мне хотелось!

- Я... я просто не просчитала таких последствий.

Майна ласково обнимает меня, перебирает руками пряди волос.

- Ох, Леи, мне так жаль. Если бы существовал хоть какой-нибудь способ избавить тебя от этого ужаса, спасти тебя вчера ночью...

- Я должна вернуть свои травки, - говорю я, отстраняясь. - Мне нужно сейчас же пойти к Королю. Придумать любой предлог...

Она придерживает меня за запястья.

- Нет. Даже не думай. Это только возбудит подозрения, - она прикрывает глаза, задумавшись. - Я пошлю весточку Кензо. Возможно, у него получится проникнуть в покои Короля и забрать сверток раньше, чем Король его обнаружит.

- Думаешь, может сработать?

Она кивает и улыбается мне.

- Это же Кензо. Он найдет способ.

Я отвечаю улыбкой на ее улыбку, но губы растягиваются с трудом, словно после прошлой ночи это движение стало для них неестественным. И улыбка гаснет, как только я вспоминаю слова Майны, сказанные пару минут назад.

- Лунный Бал, - шепчу я.

- Что такое с Лунным Балом?

- Ты испугалась, что могут отменить Лунный Бал. - Выражение ее лица становится напряженным, и я понимаю, что моя догадка верна. - Именно тогда все и должно произойти, верно? Таков ваш план.

Молчание. Наконец она кивает.

- Кензо сказал мне об этом совсем недавно, как раз когда принес тебя. Все готово. Все спланировано.

У меня перехватывает горло.

- Но ведь до бала осталось всего четыре недели!

Майна кивает.

- Да. Он состоится в новогоднюю ночь.

- И в мой день рождения, - с моих губ срывается короткий смешок. - Вот, оказывается, какой подарок ты мне приготовила. Теперь, главное, не погибни в процессе, а то подарок мне совсем не понравится.

Я думала, это смешная шутка, пусть даже жестокая. Но Майна так резко сжимает зубы и отводит глаза, что я понимаю... кое-что еще.

- Боги, - я вскакиваю на ноги, кровь пульсирует, закипая. Майна пытается перехватить

меня, но я ударяюсь спиной о стену, отчаянно тряся головой. – Скажи мне, прошу тебя, что план предусматривает твой побег! Что они собираются вытащить тебя оттуда!

– Они... они попытаются, Леи! Сделают все возможное.

В этот миг раздается звук утреннего гонга. Мы смотрим друг на друга в молчании, пока коридор наполняется звуками шагов и голосов.

– Значит, ты считаешь, что почти наверняка попадешься, – говорю я.

– Леи...

– Скажи мне правду! Ты считаешь, что у тебя нет шанса выжить? Что тебя непременно схватят, когда ты все-таки его убьешь?

Она медлит с ответом, но все-таки кивает.

– Да, я так думаю.

Ее голос очень тих, но слова рассекают мое сердце, как меч.

– Так вот почему ты не хотела мне говорить. Ты знала, к чему это все приведет... и не хотела... ранить меня...

Она лишь молча кивает.

Мне больно дышать, каждый вдох разрывает легкие, однако я пытаюсь сделать еще один вдох... и выдохнуть... и снова вдохнуть. С каждым новым вдохом я чувствую возвращение огня – алого пламени, которое пылало в моей крови, когда я вчера ночью входила в покой Короля. Пламени моей любви к Майне, которое поет в жилах у нас обеих, когда мы прижимаемся кожей к коже, и наши сердца бьются в такт.

– Позволь мне помочь тебе, – говорю я, делая шаг вперед. – Ты собираешься убить Короля, а я собираюсь помочь тебе, чем смогу.

Ее лицо каменеет.

– Я тебе уже говорила, Леи. *Нет*.

– Да, – я сокращаю дистанцию между нами, беру ее за руки, переплетаю наши пальцы. – Когда мир не дает тебе выбора, ты выбираешь сама. – Я повторяю ее же слова, сказанные в саду. Кажется, что это было очень давно. – А это мой выбор, Майна. Король причинил мне много боли. Он причиняет боль тем, кого я люблю. И если мы его не остановим, он продолжит причинять боль, и я не знаю, как долго смогу это выдержать. Я собираюсь помочь тебе, а потом мы обе выберемся отсюда на свободу – живыми. Чего бы это ни стоило.

Я вижу, как сильно она хочет отказать мне, возразить...

– Он лично отдал тот приказ, – продолжаю я, не давая ей шанса заговорить. – Он мне сам... сказал. Это он отдал приказ совершить набег на мою деревню. Он, а не его предшественник!

Я чувствую на щеках влажные дорожки слез. Майна нежно вытирает их и прижимается ко мне. Мы целуемся – долго и глубоко, и этот поцелуй проникает в мое тело до кончиков пальцев, до самой сердцевины бытия. Я чувствую этот поцелуй всей *душой*. На несколько мгновений мы видим перед собой возможность будущего – совсем другого будущего, в котором мы вольны быть вместе, быть свободными, не бояться, что наша любовь приведет нас к гибели.

Когда я была маленькой, я слышала в пересказе Тянь один из древних Ихаранских мифов из хроник «Маэ» – историю о том, как был создан наш мир: «Битва небесных богов». Согласно хроникам, в начале времен небеса были сплошным океаном света. Не было разницы между звездами, луной, облаками и пространством между ними: все сияло. А потом явился Чжокка, Вестник Ночи.

Он позавидовал сиянию небес и возжелал его. Он был из богов Земли, потому и

возненавидел небесных богов, которые танцевали в высоте, купаясь в неугасимом свете. Он пожелал присвоить свет, сделать его только своим, но так же сильно он желал и лишить небесных богов этого света. Он собрал войско самых темных тварей из земных глубин и пошел войной на небеса.

Битва длилась не меньше столетия. Небесные боги отважно сражались, но Чжокка и его темное войско в конце концов одержали победу, и, торжествуя, Чжокка поглотил весь небесный свет.

И в мире воцарилась тьма.

Но Чжокка от гордости стал безрассуден. Так как света больше не осталось, он не смог разглядеть Алу, Богиню Луны, которая потихоньку подобралась к нему. Она убежала и затаилась во время великой войны, увидев, что в открытом сражении Чжокку не победить, и долго ждала удобного момента. А потом вынула свой острый серп, бросилась из темноты на Чжокку и разрежала ему лицо, заодно ослепив его.

И тогда через слезы, вытекшие из глаз Чжокки, вернулось немного света, и капли слез превратились в звезды. А Чжокка обречен вечно рыскать по небу, вслепую разыскивая Алу, чтобы ей отомстить.

Не знаю почему я вспоминаю эту легенду сейчас, когда держу Майну в объятиях. Я с детства задумывалась о том, как выглядело беззвездное небо, полное тьмы, пока Ала не разрежала Чжокке лицо. Я никогда не могла представить себе такой абсолютной темноты. Но вчера ночью я ее *почувствовала*.

Король-Демон и есть Чжокка, Вестник Ночи, стремящийся поглотить весь свет, до которого может дотянуться. А Майна - это Ала: луна, белый свет, единственная, кто знает, как вернуть звезды на мое опустевшее небо.

- Я хочу тебе помочь и буду это делать, - говорю я, когда мы наконец отрываемся друг от друга. - Я помогу тебе убить его, Майна. Я так решила.

На этот раз она кивает.

Глава двадцать восьмая

В нашем королевстве есть древняя поговорка: «Тот, кто жаждет мести, должен загодя выкопать две могилы». Я уже приготовилась выкопать одну могилу для Короля-Демона, а вторую – для девушки, которой я была. Той, что жила как будто в полусне... пока не полюбила. Той, что попрекала Аоки ее любовью к Королю, к размеренной дворцовой жизни, при этом с удовольствием примеряя эту жизнь на себя.

Больше не будет никаких примерок и полумер. Никакого полусна.

Я не хочу, чтобы моя жизнь была легкой. Я хочу, чтобы она была осмысленной.

Теперь я знаю план убийства. Майна рассказала мне все, позволив участвовать в тайных встречах с Кензо. Майне потребовалось немало времени, чтобы убедить Кензо, однако, в конце концов, он согласился принять меня в число заговорщиков, признав, что мое положение Бумажной Девушки дает мне определенные преимущества. Например, я могу отвлечь Короля, чтобы Майна успела подобраться к нему поближе. Немного, но хоть что-то: я рада, что могу помочь хотя бы такой малостью. Чем более четко все пройдет на балу, тем больше шансов, что Майна выйдет из этой переделки живой.

Каждые несколько ночей мы с Майной, набросив на плечи меховые плащи, выбираемся из дома в лес и встречаемся там с Кензо. Он рассказывает нам последние придворные новости – в список приглашенных на Лунный Бал внесены изменения, Порча усугубляется, в некоторых провинциях вспыхивают бунты... Важно только то, что может повлиять на наш план. Наша ежедневная рутина ничем не отличается от прежней, и я плыву в этом потоке, почти не участвуя в нем. Все мои мысли сосредоточены на приближающемся новогоднем бале, так что душевных сил на что-то еще просто не остается. Новогодний бал приобретает в моем воображении цвет – ослепительно-белый, слепящий глаза, как свет, играющий на острие клинка.

Всего через несколько недель я окажусь на Лунном Балу. Моя задача – отвлечь охранников Короля и окружающих его слуг, а Майна тем временем уединится с ним и вонзит клинок ему в сердце.

Однажды утром Лилл говорит мне:

– Совсем недолго осталось, госпожа.

Она укладывает мои волосы, завязывая их в обычный пучок на макушке. Я подсакиваю на месте, так что она невольно путается пальцами в длинных прядях.

– Что... что ты имеешь в виду? – выдыхаю я.

– Ваш медальон со Дня Благословения, конечно же, – удивленно отзывается она. – Насколько я помню, вы родились в новогоднюю ночь?

Она смотрит на шкатулку в углу комнаты. Нам не разрешается носить украшения в повседневной жизни, так что я храню свой медальон в шкатулке.

Сейчас он кажется мне еще одним атрибутом прошлой жизни. Жизни, с которой я распрощалась. А значит, ему место в могиле, вместе с моим прошлым «я».

– У вас есть какие-нибудь идеи или ожидания на его счет? – спрашивает Лилл.

Я стараюсь изобразить улыбку.

– Что угодно подойдет, лишь бы был еще и праздничный торт, – шутя, отвечаю я, и Лилл смеется.

Но правда в том, что я прекрасно знаю, какой символ должен храниться в моем медальоне. Что за надежда там сокрыта. Надежда, которая никак не сочетается с жизнью во дворце.

Свобода.

Однажды ночью мы с Майной выбираемся из дома на знакомую поляну. Я жду, что

сейчас мы, как обычно, встретимся с Кензо, но волка нет. Я спрашиваю Майну, когда он придет, но она качает головой.

- Сегодня его не будет. Нынешняя вылазка - только для нас двоих. Я должна тебя кое-чему научить.

Тихая зимняя ночь. Лес объят безмолвием, вокруг вздымаются высокие деревья, сквозь кроны пробиваются лучи лунного света. В темноте неожиданно резко кричит ночная птица, и я вздрагиваю, а потом крепче заворачиваюсь в меховую накидку.

- Именно ради таких случаев, - с улыбкой говорит Майна, - мы с тобой и будем сейчас тренироваться.

- Что ты имеешь в виду?

- Если произойдет что-нибудь неожиданное, ты должна быть к этому готова. Кензо собирается дать тебе оружие - какой-нибудь небольшой кинжал, который нетрудно спрятать. Но если ты его потеряешь, или если он по какой-то причине не сможет тебе его передать, ты должна знать, как защитить себя голыми руками. Ты когда-нибудь занималась боевыми искусствами?

Я поднимаю брови.

- А ты как думаешь?

- У нас осталось только две недели. Нам придется постараться, чтобы ты овладела хотя бы основами.

Майна встает в стойку, слегка согнув колени и подняв руки ладонями вперед. Я должна скопировать ее позу, потому что, похоже, именно этого она от меня и ждет, и начинаю это делать, но она вдруг бросается на меня, выбрасывая правую руку мне прямо в лицо.

Я невольно зажмуриваюсь, ожидая вспышки боли... и изумленно открываю глаза, потому что удара не последовало.

Рука Майны замерла прямо у меня над головой, готовая ударить. Но она медленно опускает руку.

- Как ты это сделала? - выдыхаю я.

Она улыбается уголком губ.

- Ты разве забыла, что я из клана Сиа? Я никогда не причиню тебе боли, Леи. Обещаю. Но ты должна реагировать так, будто я представляю реальную опасность, действовать, как ты бы действовала в настоящем бою.

Она снова атакует без предупреждения. На этот раз удар направлен мне в живот. Я уже чуть более подготовлена, и поэтому пытаюсь отскочить, но она набрасывается на меня, не переводя дыхания, и я не успеваю отшатнуться - ребро ее ладони легко прикасается к моему левому плечу.

- погоди, - прошу я ее, но Майна снова наносит удар - вернее, намечает его. На этот раз она бьет ногой, а потом в перекате хватает меня за лодыжку, и я падаю навзничь на заиндеветшую траву.

Она наваливается сверху.

- Не ты ли говорила, что не причинишь мне боли? - возмущаюсь я.

Она только усмехается.

- Я уронила тебя только затем, чтобы сделать вот так.

Ее губы накрывают мои. Знакомый жар наполняет меня, пока мы целуемся, сплетаясь языками, жадно лаская губы губами, прижимаясь друг к другу телами. Я уже не чувствую под собой мерзлой земли, не слышу зловещего шума зимнего леса - его заглушает шорох одежды, частое дыхание, пока мы сливаемся воедино, углубляя

поцелуй...

Когда она откатывается в сторону, мы обе задыхаемся.

- И что, каждый *шифу* поступает так с учениками? - ехидно интересуюсь я. - Если да, я очень хочу учиться.

- Готова преподать тебе хоть тысячу таких уроков, как только мы выберемся отсюда, - отвечает Майна, вскакивая на ноги и протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. - Но прямо сейчас нужно сосредоточиться. Я сделала то, что сделала, чтобы ты почувствовала уверенность в себе, ощутила единство со своим телом. Эту же страсть, которой в тебе так много, нужно вкладывать и в бой, чтобы победить.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, но она снова смеется и легким движением с разворота бьет меня в плечо.

- Эй, полегче, - ворчу я.

- Это и есть «полегче», - отвечает она без улыбки.

Через несколько минут, которые ощущаются как несколько часов, я уже сгибаюсь пополам, едва дыша, и в боку страшно колет. Только что мне удалось отразить один из ударов Майны - впервые за все это время. Я уклонилась от удара ногой, который был направлен мне прямо в голову, и успела толкнуть ее плечом. Конечно, я ее едва задела, и она умело падает на землю и тут же вскакивает. У меня получилось! Я попала!

- Замечательно! - искренне хвалит она. - Ты молодец!

- Спасибо, - выдыхаю я, хватая воздух ртом.

Она сокращает дистанцию между нами. Протягивает руку и гладит меня по щеке, приподнимает мое лицо за подбородок.

- Леи, я не шучу, ты правда молодец. Ты гораздо сильнее, чем я была когда бы то ни было.

Я закатываю глаза.

- Ну зачем ты надо мной смеешься? Это же ты воин, а я - никто.

- Я воин только потому, что меня к этому готовили с детства. Сколько я себя помню, меня обучали сражаться. Учили быть храброй и не бояться боли. А ты сама отыскала отвагу у себя внутри. Вот *это* - настоящий боевой дух, - она отводит взгляд, и ее голос становится отстраненным. - Знаешь, - тихо заканчивает она, - отступить еще не поздно. Я пойму, если ты откажешься в этом участвовать.

Я притягиваю ее к себе.

- Я никогда не откажусь участвовать в том, что обещает свободу. Для нас обеих.

Следом за этими словами приходят и другие - три простых слова, вечных слова, трепещущих на кончике языка. Но с той самой ночи, когда мы признали друг перед другом свои чувства, эти слова ни разу не вырывались наружу. Какой бы отважной меня ни считала Майна, во мне недостаточно храбрости, чтобы просто произнести их вслух. Так что я снова прижимаю губами к ее губам, надеясь, что она почувствует эти слова в моем поцелуе - «я люблю тебя», потому что это правда. Я люблю ее и нуждаюсь в ней, и ужасно боюсь, что эта неделя скоро кончится, потому что после этого наши жизни навсегда изменятся. И часть меня не может перестать думать, что наши жизни изменятся вовсе не так, как мы мечтаем и надеемся.

Глава двадцать девятая

Подготовка к Лунному Балу начинается за день до наступления Нового Года. Как только мы просыпаемся, нас сажают в паланкины и везут в Главные королевские бани. Это четырехэтажное здание, центральный банный зал разделен на отсеки. Расположенные по периметру верхних ярусов балконы украшены цветными лентами. В облаках пара я улавливаю знакомые травяные запахи – календула, ягоды годжи, страстоцвет. Нас приводят к огромному бассейну в центральном отделении, в который льется горячая вода. Трое имперских шаманов благословляют купальню, и мы друг за другом входим в воду. Шаманы поют *дао*, и магия мягким золотом оседает на нашей коже. Это символический обряд полного очищения, призванный освободить нас от грехов, совершенных в уходящем году, прежде чем мы вступим в новый.

Я сдерживаю мрачную усмешку. Знали бы они, что замышляем мы с Майной! Единственное, чем мне помогает ритуальное омовение, – оно успокаивает боль в мышцах, которая постоянно мучает меня с тех пор, как мы начали по ночам тренироваться.

Вернувшись в Бумажный Дом, мы проводим следующие несколько часов, встречаясь с придворными предсказателями, докторами *ци* и жрецами. В Новый Год исполнится полгода нашему служению в качестве Бумажных Девушек. Результаты нынешних обследований помогут составить план занятий на будущий год – ведь пройдет еще полгода, и мы перестанем быть наложницами Короля и обретем другие придворные роли. Или – в нашем с Майной случае – мы могли бы обрести такие роли, да только мы не планируем оставаться при дворе.

Я встречаю Майну в коридоре, когда наши горничные разводят нас по кабинетам для последних сегодняшних испытаний. Майна посылает мне полную скрытого смысла улыбку, и мое сердце вспыхивает от радостного возбуждения. Когда мы расходимся, она успевает быстро пожать мне руку.

Ко времени, когда обследования заканчиваются, сгущаются сумерки. Окрестности погружены во тьму, звезды скрыты за тяжелыми тучами. Лилл переодевает меня к ужину, а я смотрю в темное окно, и во мне растет тревога.

Завтра. Это случится завтра.

Остался всего один день.

– Вы хорошо себя чувствуете, госпожа? – спрашивает Лилл, ловко украшая шпильками мою прическу.

Я обвожу языком губы.

– Просто нервничаю перед завтрашним балом.

– Не нервничайте, не стоит! Я слышала, что Король приготовил лично для вас какой-то сюрприз!

Хотя Лилл улыбается и хочет меня порадовать, от ее слов веет холодом. Завтра – худший момент для каких бы то ни было сюрпризов. И что бы Король ни приготовил для меня, я уверена, что мне это не понравится. Единственное, что между нами есть общего – это стремление бороться за то, что мы считаем своим, и завтра вечером я собираюсь доказать ему, что способна сражаться.

Когда я прихожу к мадам Химуре, двор освещен сотнями фонариков и свечей. Над головами натянута сеть мерцающих огоньков. Павильон в центре сада задрапирован тяжелыми бархатными занавесами, чтобы было теплее, и горничная приподнимает занавесу, помогая войти. Изнутри слышатся голоса девушек.

Я вхожу и сразу ищу взглядом Майну, но ее пока нет.

Мадам Химура жестом приказывает мне занять место рядом с Блю.

– Я как раз рассказывала девушкам о символическом значении ужина. Сегодня вы

будете есть только сырую пищу, чтобы очистить организм и приготовить свои тела к принятию свежего притока новогодней энергии *ци*.

Сырую пищу. Нечего сказать, отлично. Вряд ли я смогу заставить себя как следует поесть.

- Теперь, когда все вы наконец собрались, - продолжает она, - я введу вас в курс завтрашнего праздника. Рано утром вы...

- Все? Разве мы не ждем Майну? - перебиваю я ее.

Мадам Химура щурится в мою сторону.

- *Мы*, - подчеркнуто говорит она, - больше никого не ждем.

- Что вы имеете в виду?

- Майне пришлось покинуть дворец.

Я чувствую себя так, будто меня ударили в живот.

- Мать Майны этой ночью была убита, - продолжает мадам Химура. - По этому поводу Король приказал временно вернуть Майну в семью. Когда она вернется, в точности неизвестно.

- Как? - в ужасе выдыхаю я.

Аоки вздрагивает и неловким движением опрокидывает бокал сливового вина на пол. Часть вина выливается на платье Ченны, и сразу подбегает горничная, чтобы убрать осколки и вытереть разлитое. Я задыхаюсь, тщетно пытаюсь успокоить бешеное биение сердца. Я понимаю, что Аоки пыталась меня остановить, прежде чем я чем-нибудь выдам себя, но хотя остальные девушки заняты беспорядком на столе и разлитым вином, я ловлю на себе пронзительный взгляд Блю, жесткий и всепонимающий.

- Так-так, - говорит она шелковым голосом. - Я же давно говорила - ты из тех, кто ненавидит мужчин.

После ужина я, едва держась на ногах, спешу к себе в комнату.

- Что случилось? - в страхе спрашивает меня Лилл.

Я не отвечаю. Доковыляв до окна, я тяжело приваливаюсь к подоконнику и часто дышу. Мне никак не удастся наполнить легкие воздухом, он кажется плотным, как свернувшееся молоко. Лилл пытается меня успокоить, ей даже удается украсть для меня с кухни бокал сливового вина, но алкоголь лишь обостряет мою и без того огромную тревогу.

Наконец горничной удается уложить меня в постель. Я лежу под одеялом, не в силах унять дрожь.

- Пожалуйста, госпожа, постарайтесь уснуть, - умоляет Лилл. - Завтра не случится ничего страшного! Просто праздничный бал. Тут не о чем волноваться!

Я киваю, притворяясь засыпающей. Но стоит горничной выйти за порог, я тут же откидываю одеяло и вскакиваю.

Один день, ведь оставался всего один день! Продержаться один день, не выдать никому наших тайн - и мы бы навеки покинули дворец.

Мы были бы свободны.

А теперь мать Майны убита - я даже думать боюсь, кем именно и по какой причине, - а самой Майны здесь нет, и у меня нет никакого способа с ней связаться. И в довершение всего Блю, из всех людей на свете именно Блю знает о наших отношениях. В любой момент она может выдать нас Королю, и нам конец. Мое поведение с ним только послужит для него подтверждением. Он сразу поверит доносу.

Меня посещает еще одна мысль, настолько болезненная, что я сгибаюсь пополам, как от удара: возможно, в следующий раз мне предстоит увидеть Майну только в день нашей казни.

Я думаю о последней нашей встрече сегодня в коридоре. О быстром ласковом пожатии ее руки. Оно длилось лишь мгновение. Вдруг это последняя наша встреча в жизни? Последнее прикосновение друг к другу?

Стены комнаты душат, я не могу больше здесь оставаться. Майны нет в Бумажном Доме, и в ее отсутствие ноги несут меня к единственному человеку во дворце, которому я доверяю.

Аоки потирает глаза, я ее разбудила.

- Лей? - бормочет она, садясь. - Что случилось?

- Не могу заснуть.

Она накидывает мне на плечи меховое одеяло. От нее пахнет сном, теплом и безопасностью, и я молча прижимаюсь к ней, зажмурившись, чтобы не расплакаться.

- Мне очень жаль Майну, - тихо говорит она. - Как ужасно, что такое случилось с ее матерью!

Я киваю.

- Наверное, это обычное дело, когда кланы посылают к своим соперникам убийц... Но все равно - поверить не могу, что это могло случиться с кланом Ханно! Самым приближенным к Королю кланом людей. Он ведь даже назначил Ханно особую охрану из своих солдат...

- Может, один из этих солдат и был убийцей, - горько шепчу я.

Аоки замирает.

- Я понимаю, что ты расстроена, но все-таки думай, что говоришь! Это же невозможно...

- Так уж и невозможно? Ты уверена?

- Лей, - терпеливо отвечает она, - Король и клан Ханно всегда, уже две сотни лет, поддерживают друг друга! С чего бы Королю обращаться против своих союзников?

Однако чем больше я обдумываю эту версию, тем убедительнее она мне кажется. Люди Короля могли убить мать Майны, чтобы этим кое-что сказать Ханно. Возможно, Король подозревает о заговоре. И если он каким-то образом заподозрил, что в этом участвует Майна, он мог приказать убить ее мать в том числе для того, чтобы убрать девушку из дворца. Смерть члена семьи - единственная причина, по которой Бумажную Девушку могут отпустить домой.

Я ухожу из комнаты Аоки в еще худшем состоянии, чем была. Мой разум разрывается от сотни вопросов, и я так занята всем этим, что войдя в спальню, даже не замечаю, что в ней кто-то есть.

Покрытая шерстью рука зажимает мне рот.

- Ни звука, - рычит низкий голос.

Глава тридцатая

Кензо не отпускает меня достаточно долго – пока мы, выйдя наружу, не удаляемся глубоко в сад, под сень темных деревьев. Наконец он убирает руку, и я часто дышу, приходя в себя. Пар от дыхания клубится белыми облачками. Я не сразу замечаю, что Кензо одет в парадные шелковые одежды – должно быть, пришел за мной прямо с королевского банкета. С предпраздничного ужина.

– Ты меня так напугал! – сдавленно кричу я, едва ко мне возвращается способность говорить.

– Извини, – искренне отвечает он. – Но это был единственный способ поговорить с тобой наедине и не поднять тревоги. Я собирался встретиться с Майной и обсудить последние детали завтрашних действий. А потом услышал новости. И довольно долго выжидал момента, чтобы пробраться к тебе.

Я моргаю.

– Но зачем? Зачем было пробираться ко мне?

– Все должно идти так, как запланировано, Леи. Только вместо Майны убить Короля придется тебе.

Долгая пауза. Потом я нервно усмехаюсь.

– Не самое лучшее время для шуток. Но ты же не серьезно.

– Серьезнее некуда.

– Послушай, ты знаешь, что я хочу помочь, но...

– Ты не ожидала, что тебе самой придется пачкать руки?

Я стискиваю зубы от обиды.

– Я не ожидала, что эта часть плана ляжет именно на меня. Вашим последним кандидатом, насколько я помню, была дочь клана Сиа, которую тренировали с младенчества, чтобы воспитать идеальную убийцу, богиню мести.

Ветер подхватывает мои волосы, заставляя их танцевать вокруг головы. Я запахиваю халат, дрожа от холода.

– Мы можем поменять план с учетом твоих возможностей, – говорит Кензо.

Я таращусь на него во все глаза.

– С учетом моих...

– Послушай, все готово. Тебе просто придется занять в плане место Майны. Сам план тебе уже известен. У тебя, как и у Майны, есть все шансы оказаться с королем наедине, заставить его ненадолго отпустить стражу и утратить бдительность, а это очень важный момент. Именно ради него Майна потратила столько усилий, чтобы создать с Королем видимость близких отношений. Только Бумажная Девушка может убить его так, чтобы мы не утратили свои позиции при дворе и не выдали свою причастность к заговору. У тебя достаточно мотивов, чтобы убить его. Это будет выглядеть как личная месть.

Меня словно кто-то душит. Я с трудом подбираю слова.

– Но... но Майна же вернется рано или поздно, так? Она вернется, и мы сможем попробовать снова...

– Нет времени, – отвечает Кензо. Хотя он говорит тихо, голос его бьет, как кнут. Кензо приближается, кладет руки мне на плечи. – Послушай меня, Леи. Подготовка к завтрашнему вечеру заняла у нас много лет – почти всю жизнь Майны. Наконец мы вышли на финишную прямую. Ты знаешь, скольким мы ради этого пожертвовали. Никогда еще мы не были так близки к завершению. Если упустить момент, другого

шанса может и не представиться.

- Что... ты имеешь в виду?

- Король становится подозрительным. Боюсь, что клан Ханно теряет свое влияние на него. После того покушения он жаждет мести, рвется поскорее найти придворных, которые в этом участвовали, и расправиться с ними. Он знает, что предатели находятся во дворце, рядом с ним. Я думаю, что его подозрения распространяются, в том числе, и на меня.

- А я думала, ты - один из его доверенных советников...

Кензо кивает.

- Так и есть. И на завоевание этой позиции ушло много лет и усилий. Но в последнее время Король с недоверием относится ко всем моим советам. Порча только усиливается, и он убежден, что причиной тому - гнев богов. Что они карают королевство за слабость его как правителя. И чтобы продемонстрировать богам свою мощь, он все чаще и яростнее прибегает к насилию. - Кензо на миг прикрывает глаза рукой. - Все очень непросто. Я постоянно пытаюсь склонить его к более мягким мерам, но... мне нужно сохранять положение. Это важнее всего остального. Меня тошнит при мысли обо всех смертях, которым я послужил причиной, - он отворачивается и горько усмехается. - Ты же знаешь, что при дворе существуют штатные палачи. Назначив вместо них исполнителями казни меня, Наджу и Ндесе, Король хотел этим заявить, в том числе, и нам самим: не смейте вставать у меня на пути, не вздумайте ослушаться моих приказов. Иначе вот что с вами будет.

- Но если он сомневается в твоей верности, - спрашиваю я, - почему он до сих пор держит тебя в советниках?

- Потому что он отлично понимает - если подозреваешь кого-то, приблизь его к себе, вблизи за ним будет легче наблюдать. Знаешь, каким образом его предок приблизил к себе Ханно? - Я качаю головой, и Кензо рассказывает: - Ханно были одним из сильнейших кланов во всей Ихаре до возвышения Короля-Быка. Им принадлежала вся территория Хана. Отсюда и происходит их имя - это соединение двух самых древних и знатных фамилий региона: семейства Хан и семейства Но. Король-Бык был родом из южной Цзяны. В Хане у него не было никакого влияния. Ему удалось получить контроль только потому, что Ханно выступали за равенство между людьми и демонами. Они принимали в своих землях кланы беглецов и кочевников и развивали связи между разными кастами. Но Король-Бык использовал все свои силы, чтобы как можно скорее возвыситься среди демонов Хана. И чем же он отплатил клану Ханно за их милости? Конечно, предательством. - Глаза Кензо вспыхивают. - Он поднял против Ханно кланы демонов, манипулировал ими, научил их жаждать власти, а потом с их помощью захватил эту самую власть.

- И после этого Ханно продолжали оставаться его союзниками?

- Ночная Война истощила Бумажную касту, Леи. Годы сотрудничества и договоров с демонами пошли прахом в мгновение ока. Конечно, некоторые кланы и так были на ножах друг с другом, но теперь у демонов появилась объединяющая их сила, у них появился повод заключать союзы внутри своей касты и поддерживать мир между собой, чтобы захватить контроль над Бумажной кастой. Последний союзник, которого желали для себя Ханно, - это демон, который их самих предал. Однако предки Кетай понимали, что в этом новом мире им не выжить без его поддержки. Им нужно было выиграть время, чтобы восстановить силы. Так что они явились к нему как просители, раболепствовали перед ним, и Король-Бык не устоял при виде своих врагов, вчерашних господ, которые на коленях умоляли его о милости.

- А он не боялся, что, в конце концов, они поступят с ним так же и предадут его? - спрашиваю я.

Кензо смеется.

- Такой надменный, буруеваемый гордыней военный вождь, как Король-Бык, и представить этого не мог. Все, что он в тот момент видел - это выгоды от союза с Ханно,

их связи и влияние среди людских кланов, которые можно было использовать. И посмотри, чего он в результате добился. Выиграть войну – одно дело, а поддерживать мир в государстве, как следует управляя им, – совсем другое.

Я смотрю на него, и мои глаза слезятся от ветра.

– Значит, Ханно планировали месть на протяжении *двух веков*? – Я снова вспоминаю легенду о Чжокке, который вслепую рыщет по небесам в поисках Алы.

– А сколько лет смогла бы прождать *ты*, чтобы отомстить тому, кто обманом отнял у тебя королевство? – спрашивает Кензо. – Тому, кто до основания разрушил все, что ты так долго и терпеливо строила? Тому, кто убил тысячи твоих сородичей, и при этом смеялся от удовольствия? – Ненависть в его голосе подобна раскатам грома, она заполняет воздух между нами, проникает в мою кровь, как электрический разряд. – Я мог бы прождать всю жизнь, чтобы расквитаться с врагом, причинившим боль единственному моему любимому человеку. А сколько можно ждать, чтобы отомстить за целое королевство?

Я думаю о маме.

И о Майне.

– Двести лет в такой перспективе кажутся не очень долгим сроком, верно? – произносит волк в ответ на мое молчание. И мрачная улыбка приподнимает уголки его губ.

– Но что... что будет потом? – спрашиваю я. – Когда им наконец удастся отомстить? Если речь об одной только мести...

– Конечно же, нет, – перебивает он. – Ханно всегда были рядом с Королем, видели его управление страной изнутри. Помимо того, что им требовалось время на восстановление военной мощи, у них была еще одна причина ждать так долго – они хотели знать, к чему это приведет. Но правление Короля-Демона только подтвердило, что вернуть себе трон просто необходимо. Прежде каждой из восьми провинций управляли разные кланы, общие соглашения заключались на совете их глав, и агрессивная политика была совершенно не нужна. Но после централизации власти выяснилось, что Королю нужны безжалостные законы, чтобы не допустить развала страны. Военная мощь, шпионская сеть, казни на месте преступления – вот такими инструментами поддерживал Король свою власть. А теперь, когда пришла Порча, стало еще хуже, – он переводит дыхание. – Майна говорила, что ты родом из небольшой деревни в Сяньцзо. Возможно, тебе как уроженке такого мирного и тихого места, трудно все это понять...

У меня перехватывает горло.

– Десять лет назад на мою деревню напали королевские солдаты. Они забрали и мою мать.

– Значит, и тебе известно, что значит терять любимых, – мягко говорит Кензо, и я киваю в ответ.

Он с неожиданной нежностью берет меня за руки. Мои ладони тонут в его огромных, обросших шерстью лапах, но я чувствую лишь покой и защищенность, будто со мной рядом сильный старший брат. Он подходит ближе, и его теплый звериный запах напоминает мне о доме, так что я невольно глотаю слезы.

Мы с Майной никогда не обсуждали своих планов после того, как сделаем свое дело и сбежим из дворца. Это значило бы искушать судьбу. Но у меня есть и еще одно желание, кроме желания всю жизнь быть рядом с ней. Я хочу вернуться домой, в Сяньцзо, и снова увидеть папу и Тянь.

Может быть, мы с Майной могли бы остаться с ними жить. Моя семья пережила столько ударов, столько раз была разбита, но мы доказали, что умеем выживать и зализывать раны. Исцеляться.

– Майна полностью доверяет тебе, – говорит Кензо, его серо-голубые волчьи глаза сверкают. – Она верит в тебя, а значит, и мы все в тебя верим. – Он сжимает мои пальцы. – Ты готова сделать это ради нас, Леи? Ты готова убить Короля?

И хотя все это ужасает меня, и единственное, что мне сейчас нужно – чтобы из-за кустов вышла улыбающаяся Майна и сказала, что она никуда не делась, и все это лишь чудовищный розыгрыш, – я ни секунды не медлю с ответом.

– Готова.

Кензо сжимает мои руки так крепко, словно запечатывает их клятвой.

– Тогда идем, – говорит он – и тянет меня к темному лесу.

Я спотыкаюсь, стараясь не отставать, но он не замедляет шага.

– Куда ты меня ведешь?

– Пришло время показать мне, чему ты научилась у Майны.

Мы выходим на поляну. Тяжесть черной ночи давит на нас, словно рука одного из небесных богов. Кензо выводит меня на середину, и я думаю, что он хочет что-то сказать – в конце концов, я только что согласилась на убийство. Но вместо этого он наносит мне быстрый удар – такой же неожиданный, как было в первую ночь нашей тренировки с Майной.

Я ахаю, отступая на шаг.

– Подожди! Я не...

Он в ответ наносит мне быстрый удар ногой, не слишком сильный, но все же чувствительный.

– Король ждать не будет, – просто говорит он.

– Думаешь, я не знаю? – огрызаюсь я.

Новый удар, на этот раз в бок. Я теряю равновесие и падаю, скорее от неожиданности, и шумно выдыхаю сквозь стиснутые зубы: я больно приземлилась на копчик.

– Майна только намечала удары! – восклицаю я обиженно.

Он смотрит на меня жестким взглядом.

– Король так делать не будет. – Он протягивает мне руку, помогая подняться. – Завтра в это же самое время ты окажешься наедине с ним, а он, в отличие от меня и Майны, не будет с тобой церемониться. И не отступит. Ты должна быть готова к настоящему бою. Как только он осознает твои намерения, он будет пытаться убить тебя, и тебе понадобится вся твоя сила и ловкость, чтобы остаться в живых.

– Тогда зачем было меня просить – если ты все равно считаешь, что у меня нет шансов?

– Я не считаю, что у тебя нет шансов, – отвечает он. И продолжает чуть мягче, встретив мой недоверчивый взгляд: – Я лишь считаю, что твои шансы невелики. Но это намного больше, чем ничего – и это все, чем мы располагаем.

Он отводит взгляд и возится со своим *оби*, чтобы распахнуть кимоно и показать мне кожаную перевязь на бедре. На ней висит кинжал. Я успеваю разглядеть красивую резную нефритовую рукоять, прежде чем он кладет на эту рукоять свою лапу и вынимает кинжал из ножен. От шороха обнажаемой стали по спине пробегает дрожь.

– Все члены королевского совета носят на теле такие кинжалы, – объясняет Кензо. – Король – не исключение. Я передам тебе оружие для завтрашнего бала – оно должно быть небольшим, чтобы тебе было легче его спрятать. Но на случай, если ты каким-то образом его лишишься, или мне не удастся тебе его передать, или Король сумеет отнять его раньше, чем ты им воспользуешься, у тебя должен быть запасной план. Тебе следует завладеть кинжалом Короля и им же нанести удар.

Я смотрю на сверкающее лезвие. Мысль о том, как оно пронзает шкуру Короля, проникая сквозь плоть, погружаясь все глубже, кажется нереальной, чем-то вроде странного сна.

Кензо убирает кинжал в ножны и отходит на шаг, раскинув руки.

- Давай, попробуй. Отбери у меня кинжал.

Мои первые шаги кажутся просто жалкими. Кензо легко пресекает все мои попытки подойти к нему вплотную, и за несколько минут я успеваю вспотеть, несмотря на холод, и начинаю задыхаться.

- Может, ты и права, - разочарованно говорит он после моей очередной неудачной попытки, когда я валяюсь на мерзлой земле, куда он меня без труда отбросил. И на этот раз мое приземление не было безболезненным.

Я с трудом поднимаюсь на ноги.

- Что ты имеешь в виду? - огрызаюсь я, потирая ушибленный бок.

- Твои слова о том, что у тебя нет шансов. Возможно, ты и правда безнадежный случай.

- Я знаю, зачем ты это говоришь, - отвечаю я.

Он склоняет голову к плечу.

- И зачем же?

- Майна тоже так делала. Пыталась меня разозлить. Но она хотя бы иногда меня целовала.

- И как, поцелуи помогали?

Его губы слегка кривятся в усмешке. Я тоже усмехаюсь, несмотря на усталость, и вскоре мы оба хохочем, дикое эхо нашего смеха раздаётся между деревьями в пустом темном лесу. На глаза мне наворачиваются слезы, и через мгновение смех отступает. Кензо видит это и тоже умолкает, и в его глазах появляется мягкое, странное выражение, неизвестно почему напоминающее мне Майну - то, как она смотрела на меня за секунду до поцелуя или сразу после него. Выражение уязвимости, открытости, надежды... И прежде, чем я успеваю понять, что делаю, я бросаюсь на Кензо как молния. Он опаздывает всего на долю секунды, и я успеваю оттолкнуть его, и когда его рука хватается меня за воротник, я сильно ударяю его в шею ребром ладони и в тот же миг бью коленом между ног. Хватка его слабеет, и я, скользнув руками ему под одежду, нахожу рукоять кинжала.

Я скатываюсь с него, снова хохоча во все горло - на этот раз торжествуя, - и поднимаю кинжал к небесам.

- Я сумела! - кричу я прерывающимся голосом. Я пытаюсь вытереть лицо рукавом, потому что из глаз снова текут слезы, но все равно не могу перестать смеяться, размахивая над головой клинком. - Я... я это сделала!

Кензо улыбается мне - улыбкой такой же безрадостной, как и мой истерический смех.

- Да, - говорит он. - Ты это сделала. Ты сумела. - Он берет меня за руку, держащую кинжал, подносит к своей шее, приставляет острие клинка к ямке между ключицами. - Только не забудь последнюю часть плана, Леи. Постарайся завтра целиться именно сюда. - Он сжимает мои пальцы, так что резная рукоять впечатывает в них свои узоры. - Не забудь - как можно глубже, и не останавливайся, пока кинжал не войдет полностью.

Глава тридцать первая

В канун Нового Года дворец преобразается. Слуги развешивают повсюду украшения. К балу меня готовит целый отряд горничных, но Лилл все равно улучшает минутку, чтобы вывести меня во двор и показать, какая вокруг красота.

Дворец выглядит так, будто случилось красно-золотое наводнение. Женский Двор кажется объятым пламенем – шелковые завесы и флажки украшают каждое здание. Со всех карнизов свисают красно-золотые фонарики всех мыслимых размеров и форм. Перед дверями стоят сосуды с подношениями, полные засахаренных кумкватов, мандаринов и плодов кактуса; подсвечники со свечами, горящими цветным пламенем; вазы с алыми пионами; повсюду висят длинные ожерелья из монет и разбитые зеркала, чье предназначение – отпугивать злых духов, не позволить им войти вместе с нами в Новый Год. Лилл говорит, что Король приказал шаманам обойти все Дворы и наложить заклинания на новогодние украшения. Она показывает мне огромного бумажного журавля, символ процветания и долголетия, которого установили в центре одной из площадей: этот журавль не меньше пятнадцати футов высотой, его темно-гранатовый клюв ярко сверкает на зимнем солнце. На наших глазах он вдруг расправляет крылья, и бумажные перья шумят на ветру.

Я во внезапном порыве обнимаю горничную за плечи.

- Спасибо тебе, Лилл. Спасибо за все.

Девочка отвечает мне улыбкой – такой широкой, искренней и полной доверия, что у меня щиплет в глазах, и я поспешно отвожу взгляд.

Как, оказывается, больно прощаться с кем-то, кто и понятия не имеет, что ты его покидаешь.

Следующие несколько часов я, как и дворец, подвергаюсь праздничному преобразению. Мое тело натирают благовонными маслами и припудривают янтарно-золотой пудрой, которая сверкает при каждом движении. Глаза подводят сурьмой, на веки наносят бронзовые тени, на щеки – мерцающую пудру. Одна из горничных красит мне губы светлым бальзамом, чтобы маленький рот контрастировал с огромными яркими глазами. Нанесение макияжа похоже на натягивание маски – каждый мазок кисти, каждая новая капля цвета добавляет мне непроницаемости, и я представляю, что это доспехи.

Мой боевой шлем.

Наконец горничные укладывают мои заплетенные в сложную косу волосы в низкий узел на затылке, перевивают прическу нитками жемчуга, вплетают в нее маленькие желтые хризантемы. А потом наряжают меня в ярко-алое платье *ципао* с длинными рукавами, такое облегающее, что я в нем едва могу дышать.

Я подавляю саркастический смешок. Ну что же, в конце концов, я одета в свой бальный наряд. Какой уважающий себя убийца пойдет на дело без облегающего платья, духов и косметики?

Когда горничные заканчивают возиться со мной, уже вечер. Служанки раскланиваются и уходят, но последняя девушка медлит на пороге. Она склоняется, тербит пальцами подол платья. Что же ее задержало? Зацепилась за что-то краем юбки? Я подхожу, чтобы ей помочь, но тут она поспешно вкладывает мне в руку что-то маленькое.

- Удачи, Леи, – шепчет она – и с поклоном удаляется.

Оставшись одна, я разворачиваю маленький шелковый сверток. В свете фонариков блестит длинное тонкое лезвие – ненамного толще иглы. Его костяная рукоять напоминает заколку для волос. Я поспешно втыкаю лезвие в свою толстую косу, и пальцы дрожат при воспоминании о вчерашней тренировке с Кензо, о моей бешеной радости вперемешку со слезами, когда мне в конце концов удалось завладеть его кинжалом.

Вот он, последний элемент моего боевого снаряжения: оружие.

Перед тем как выйти из комнаты, я надеваю на шею цепочку с талисманом Дня Благословения. Он кажется тяжелее, чем я его помню. Привычным движением я беру его в ладонь и сжимаю, размышляя, какое будущее могут скрывать створки медальона. Но сейчас к обычному вопросу, возникающему в моем сердце, когда я беру в руку талисман, добавляется еще один: доживу ли я до того момента, когда он раскроется?

Аоки встречает меня за порогом Бумажного Дома. Она тоже одета в красное – ее платье тонкое и многослойное, напоминающее крылья бабочки. Малиновая помада подчеркивает ее полные чувственные губы, и она почти совсем не похожа на ту испуганную пятнадцатилетнюю девочку, которую я впервые встретила во дворце. Теперешний облик Аоки почему-то вызывает у меня прилив горечи. Я смаргиваю, чтобы не выдать подступивших слез.

– Какая ты красивая! Король сегодня не сможет отвести от тебя глаз, – говорю я и думая, что впервые произношу это совершенно искренне. И Аоки впервые действительно верит моим словам.

Наш путь во Внутренние Дворы долог и сложен, отмечен вихрями цвета и звука. Каждая улица, каждое здание пестрит яркими украшениями. В воздухе плывет музыка, на площадях танцуют девушки в золотых платьях, с колокольчиками на щиколотках и запястьях. Дети болтают и смеются, бегают друг за другом по улицам, надев на головы жуткие реалистичные маски-оригами разных богов. Одна малышка бросается едва ли не под ноги моим носильщикам-антилопам, громко хохоча. Носильщик виляет в сторону, чтобы случайно не раздавить ее. Девочка смеется, ее лицо полностью скрыто под синей яростной маской Кали, Богини Перемен. Она машет руками вслед моему паланкину, но мне чудится что-то зловещее в контрасте между ее крохотной фигуркой, звонким смехом и яростным оскалом одной из самых страшных и смертоносных богинь. Я поспешно отворачиваюсь от окна.

И вот мы на месте, сердце колотится так сильно, что едва не выскакивает из груди. Я вся дрожу.

Я стараюсь выровнять дыхание, пока нас ведут в огромный павильон, целиком построенный из стекла. Гигантский купол сияет светом множества фонариков. Здание окружено кольцом густых садов, на ветвях деревьев мерцают огоньки, похожие на светлячков. Название павильона – Парящий Чертог – внезапно обретает смысл. То, как чертог нависает над гладкой водой озера, поддерживаемый множеством прозрачных поднимающихся из воды колонн, и правда создает впечатление, что он парит в воздухе. Аквамариновое мерцание озера озаряет стекло колонн мягкими вспышками света.

Согласно новогодней традиции, все гости одеты в красное. Кажется, что вокруг колышется живое море крови. Гостей очень много, я то и дело сталкиваюсь с кем-то, все теснятся и толкаются. Пространство под куполом наполнено музыкой, которая слегка приглушает шум голосов и веселый смех.

Я пытаюсь держаться рядом с Аоки, но волна гостей, вклинившись между нами, разделяет нас. В результате я оказываюсь в компании Блю, Чжэнь и Чжинь.

– Прекрасное платье, Леи, – улыбается мне Чжинь, и ее сестра кивает.

– Вы обе тоже замечательно выглядите, – поспешно отвечаю я, стараясь, чтобы это звучало убедительно. – Вам очень идут ваши наряды!

Близнецы отворачиваются от меня, приветствуя еще кого-то, и тут на моем запястье смыкаются пальцы Блю. Она притягивает меня к себе и шепчет:

– Я знаю, что вы задумали, Девятая. Ты и твоя *любовница*.

Я вырываю свою руку из ее хватки.

– Блю, прошу тебя. Просто помолчи об этом. Не говори никому.

Она коротко смеется, глаза ее кажутся совершенно безумными. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы распознать их выражение. Торжество. Триумф.

И внезапно на меня обрушивается правда.

- Ты уже донесла ему на нас, - выдыхаю я, и слова душат меня. Я с трудом сглатываю. - Даже после того, что случилось с Марико, ты...

- Ты совсем дура, Девятая? Ты правда не понимаешь? - яростно выплевывает Блю. Выражение радости исчезает с ее лица, остается только чистая ненависть. - Я поступила так *именно* из-за того, что случилось с Марико. Потому что это несправедливо, Девятая. Ее вышвырнули за порог, обрекли на жалкую жизнь в нищете, в то время как вы двое, вы с Майной, оставались тут, купались в роскоши, *любили* друг друга... - голос ее так и сочится ядом. - Смели быть счастливыми.

- Теперь они убьют нас, - просто говорю я.

По лицу Блю пробегает странная тень, искажающая ее правильные черты, превращающая ее в подобие прежней себя.

- Ну и что с того? Все равно вас обеих здешняя жизнь не устраивала.

И тут кто-то из гостей на ходу врывается в меня, я на миг теряю равновесие и оглядываюсь. Когда я снова твердо стою на ногах, Блю уже растворилась в толпе.

Я проталкиваюсь к центру, кровь леденеет в жилах. Музыка и смех словно обтекают меня со всех сторон, не касаясь моего слуха. Бал похож на живой калейдоскоп, с постоянно меняющимся цветовым и звуковым узором, но я сосредотачиваюсь на поисках Короля. Я не могу начать действовать до того, как Кензо подаст условный знак, но все равно мне нужно видеть цель. Чтобы быть готовой быстро добраться до него. Теперь он знает о нас с Майной, и это усложняет задачу. Но я все равно должна попытаться, иначе...

Я запрещаю себе думать об этом.

И продолжаю прокладывать путь среди толпы гостей и слуг, снующих по залу с подносами закусок - крохотных пирожных на засахаренных листьях сакуры. По куполу над головами сверху вниз скользят маленькие звездочки, похожие на кометы. Синий свет озера отражается в стеклянном своде, в прозрачной синеве плавают морские коньки и золотые рыбки.

И тут я вижу его.

Рядом с ним стоит Наджа, одетая в длинное сари, облегающее ее стройную лисью фигуру. Ее серебристая шерсть присыпана сверкающей серебряной пудрой. Король беседует с немолодой парой, одетой в простые красные костюмы *бацзюй* - слишком скромные для такого торжества, насколько я могу судить по их спинам. Словно почувствовав мой взгляд, Король оборачивается и встречается со мной глазами.

Улыбка его становится шире. Он наклоняется и что-то шепчет Надже на ухо.

Белая лиса смотрит на меня и идет ко мне сквозь толпу.

- Привет, шлюшка, - бесстрастно бросает она, уперев руку в бедро.

- Привет, ревнивая дрянь.

О вежливости можно забыть. Так или иначе - сегодня я покину дворец.

Я сразу вижу, что мой ответ выбил ее из колеи. Она сжимает зубы, холодные глаза мерцают.

- Я могла бы оскорбиться, - говорит она, - если бы это не было ниже моего достоинства - принимать всерьез болтовню гнилой бумаги.

- Хорошо, - отвечаю я. - Значит, мне есть над чем поработать в плане оскорблений.

Она вскидывает руку, приказывая мне замолчать.

- Хватит этих глупых игр. У Короля есть для тебя послание. - Она оглядывается через плечо. - Он милостиво соизволил пригласить на сегодняшний праздник пару простолюдинов, которых ты наверняка будешь рада видеть. Он велел передать тебе, что

если ты сегодня попытаешься предпринять хоть что-то сверх положенного – бежать, вступить с ними в контакт, устроить на балу скандал, – этих двоих убьют на месте. – Она наклоняется ко мне, голос ее журчит, как ручеек, переливающийся меж камней. – Посмотри, какими счастливыми они выглядят! Это ведь такая честь для них – присутствовать здесь. Обидно будет, если ты глупым поведением испортишь им праздник.

И, взмахнув на прощание густым хвостом, она уходит.

Я напряженно вглядываюсь в толпу. Пара, с которой беседует Король, оглядывается на что-то, что он им показывает. Я мельком вижу их лица и отчаянно надеюсь, что это просто игра света, страшный сон. Конечно, они не могут оказаться здесь, так далеко от дома, они сейчас в безопасности и покое на другом конце королевства...

Но это не сон и не игра света.

Это в самом деле они.

Тянь. И папа.

– Ах ты, ублюдок, – выдыхаю я с ненавистью.

Потому что теперь мне совершенно ясен план Короля. Вот он, сюрприз, о котором вчера говорила Лилл. Он знает, что я его предала, что я изменяла ему много ночей подряд – и не с кем-нибудь, а с другой Бумажной Девушкой. А заодно и связалась с заговорщиками, так что теперь он на моем примере собирается преподавать урок всем и каждому. Пусть все видят, что бывает с теми, кто смеет предавать Короля.

Он собирается меня убить.

И поэтому привез во дворец мою семью. Чтобы расправиться со мной у них на глазах.

Я быстро шагаю вперед, не успев подумать, что собираюсь делать. Руки сами собой сжимаются в кулаки.

И тут кто-то удерживает меня за локоть.

– Руки прочь! – восклицаю я, но незнакомец стремительно вытаскивает меня на балкон, опоясывающий чертог. По периметру балкона стоят охранники в черных маскировочных плащах, а в кронах деревьев сияют огоньки. Я разворачиваюсь, из груди рвется отчаянный крик.

– Да как ты смеешь!

Зелле выпускает мой локоть, на губах ее играет тень улыбки.

– Я только что спасла тебя от какого-то исключительно глупого поступка. Думаю, мне следует услышать слова благодарности.

Она одета в *жуцюнь* с глубоким вырезом, открывающим плечи и верхнюю часть груди. На шее у нее широкий золотой обруч, на котором выгравирован символ *йору* – ее статус как одной из дворцовых куртизанок.

– Ты... что здесь делаешь? – потрясенно спрашиваю я.

Она негромко вздыхает.

– Представь себе, выполняю свою часть нашего общего плана. К тому же, каждый год госпожа Ацзами отправляет на бал нескольких лучших куртизанок из Ночного Дома. Мы украшаем праздники и способствуем заключению новых торговых соглашений между кланами. – Встретив мой изумленный взгляд, она добавляет: – О, видимо, Кензо не говорил тебе обо мне.

Я потрясенно моргаю.

– Так ты тоже в числе заговорщиков?

Она кивает.

Я вспоминаю ее слова, сказанные мне на прошлой неделе:

«Взаимная любовь... она только все осложняет».

- Вот почему ты так вела себя на нашем последнем уроке, - шепчу я. - Ты уже знала про нас с Майной... И знала, что мне будет больно, когда Майну вышлют из дворца, и что она... - я прикусываю язык. А потом обвожу языком губы и продолжаю: - Так ты поэтому прикрыла меня, застав в кабинете госпожи Ацзами?

Она отрицательно качает головой.

- Тогда я ничего этого еще не знала. Просто увидела, что ты говоришь правду. У тебя доброе сердце, Леи, - она делает шаг ко мне. - Но твое лицо слишком ясно выдает твои эмоции. Тебе нужно научиться лучше владеть собой. По крайней мере, на следующие несколько часов.

- Но он говорил с моим отцом! - выкрикиваю я. - Он притащил его сюда, и папу, и Тянь! Блю донесла ему на нас с Майной, и теперь он хочет показательно казнить меня сегодня ночью! Убить на глазах всех остальных... - у меня перехватывает горло, слезы затуманивают глаза. - Он хочет убить меня на глазах моих родных.

Зелле кладет руку мне на локоть.

- Мы этого не допустим, не бойся. В любом случае, ты первой до него доберешься, верно? - она озорно подмигивает, но ее голос предельно серьезен, так что я отвожу взгляд.

- Как бы я хотела, чтобы Майна была здесь...

- Мы все хотели бы этого.

- Я подумала, может, Король приказал убить ее мать, чтобы убрать ее из дворца, потому что он подозревает Ханно.

- Насчет этого я не уверена, - отвечает Зелле. - Конечно, Король давно их подозревает, но он подозревает всех подряд после того, что случилось в театре. Не думаю, чтобы он стал нападать на своих вернейших союзников, не будучи уверен, что они интригуют против него. Мне кажется, скорее всего, произошедшее с матерью Майны - это просто удар судьбы, нанесенный в самый неподходящий момент. - Голос ее прерывается. - Итак, ты готова?

- Да, - яростно отзываюсь я.

- Тебе нужно быть уверенной в себе, Девятая. Сделай все тихо и чисто. Тогда мы справимся с остальным, захватим власть изнутри дворца, избежав большого кровопролития.

- А что, если я не сумею? Если Король выживет и откроет заговор Ханно?

Лицо ее становится напряженным.

- Тогда разразится новая война.

Группа женщин-демониц проходит мимо, болтая и хихикая, за ними плывет облако духов. Когда они минуют нас, Зелле подходит ко мне, кладет руки на перила и вглядывается в праздничную толпу внизу.

- Твой любовник, - тихо спрашиваю я. - Ну, о котором ты говорила. Король его...

Она молча кивает.

- Да. Не лично, конечно, но он отдал приказ. Тогда при дворе было много волнений на фоне восстания в провинции Ноэй... Солдат, которые высказывались против политики Короля, казнили всех поголовно. Госпожа Ацзами рассказала Кензо об этом. Да, госпожа Ацзами тоже из наших, - кивает она в ответ на мой незаданный вопрос. - И Кензо

попросил порекомендовать ему наложниц, которых можно было бы перетянуть на свою сторону, для шпионажа. Ты сама понимаешь, что наложницы имеют дело с самыми высокопоставленными чинами. А с помощью рисового вина и умелых ласк можно выведать секреты даже у самых молчаливых мужчин.

- Похоже, при дворе каждый потерял любимого из-за жестокости Короля.

- Сегодняшняя ночь должна положить этому конец, - отзывается она с жестокой усмешкой, но глаза ее полны печали. - Не волнуйся. Я передам кое-кому послание, чтобы за твоей семьей присматривали и не допустили беды. - Она легонько сжимает пальцами мое запястье. - Мы тебя прикроем, Девятая. Ты не одна.

Зелле растворяется в толпе гостей прежде, чем я успеваю ее поблагодарить. Я собираюсь последовать за ней, но слышу знакомую поступь тяжких копыт, а потом грубый голос, от которого в жилах леденеет кровь.

- Кого я вижу! Неужели это кроткая невзрачная дочка лавочника, которую я увез из Сяньцзо всего полгода назад? Как она изменилась!

В свете свисающих с потолка фонариков я различаю пересеченное уродливым шрамом лицо генерала Ю, его мерзкую усмешку. До сих пор во дворце наши пути не пересекались, но все эти полгода он был где-то рядом - в ушах звенели его угрозы, он стоял у истоков моего несчастья, этот ненавистный демон, который лишил меня дома и семьи.

Но он прав. С тех пор я сильно изменилась.

Когда он протягивает руку, чтобы по-хозяйски погладить меня по щеке, я отстраняюсь и говорю ровно, не теряя самообладания, с милой улыбкой, полной яда:

- Генерал, вам следует быть осторожнее. Сомневаюсь, что Королю понравится, что вы прикасаетесь к одной из его Бумажных Девушек. - Моя улыбка остра, как клинок. - Более того, мне самой это не понравится. Прикоснитесь ко мне хоть пальцем - и я отрежу его под корень.

подавляя язвительный смех при виде его огорошенного лица с отвисшей от неожиданности челюстью, я разворачиваюсь и неторопливо спускаюсь по лестнице в главный зал.

Когда я нахожу взглядом Короля, сердце начинает бешено колотиться. На этот раз я соблюдаю дистанцию. Мне нужно быть терпеливой, выбрать лучший момент, дожидаться условного знака. Неофициальный стиль Лунного Бала - одна из причин, по которым заговорщики выбрали его для покушения: хаос создает лучшее прикрытие. А кроме того, это единственный день в году, когда имперские шаманы снимают магическую защиту. При смене года они поднимают завесу магии всего на час, чтобы совершить традиционные ритуалы благодарения богам. Этот час, свободный от магии, - наш единственный шанс выбраться отсюда.

Минуты проходят одна за другой. Король все не отпускает от себя моего отца и Тянь, я постоянно вижу их рядом с ним. Несколько раз мне удается разглядеть их лица, и счастье, которое светится в их глазах - свет надежды, - ранит меня так сильно, что сводит живот.

Они постоянно озираются, надеясь увидеть меня.

Мне требуется вся сила воли, чтобы не броситься им навстречу через весь зал, расталкивая гостей, и заключить их в объятия.

Внезапно я замечаю Кензо, который пробирается ко мне сквозь толпу. Я нарочно не смотрю в его сторону, и он, проходя мимо - волна мускусного запаха, легкое прикосновение мохнатой руки, - вкладывает мне в ладонь что-то маленькое.

Я раскрываю ладонь. На ней лежит бумажная птичка-оригами. Птичка-майна.

Время пришло.

Глубоко вдохнув, я прячу бумажную птичку в рукав и разворачиваюсь. Но в этот миг музыка умолкает. По толпе пробегает изумленный шепот. Среди тишины неожиданно громко звучит голос распорядителя.

- Богоподобный Властелин и достойные члены двора, - возглашает он. - А также почтенные гости дворца! Прошу вас проследовать к сцене, чтобы насладиться прекрасным танцем, который в честь Нового Года подготовили для вас Бумажные Девушки!

Чьи-то пальцы крепко хватают меня за плечо.

- Где ты была, девчонка? - скрипит у меня над ухом сердитый голос. - Идем скорее! Остальные уже переоделись!

У меня внутри что-то обрывается. Конечно же, танец! Танец кануна Нового Года, которому нас учила мадам Чу. Я совершенно о нем забыла.

Не обращая внимания на мои возражения, мадам Химура тащит меня на другой балкон, широкий и выступающий вперед, над которым красуются высокие арки. Это сцена, на которой мы сейчас должны будем танцевать.

Она вталкивает меня в отгороженный занавесом уголок, где ждут остальные девушки.

- Помогите ей переодеться, - кричит она горничным.

Я пытаюсь спорить, но те уже снимают с меня платье, стягивают облегающее *ципао* - и быстро оборачивают меня многослойными золотистыми шелками, составляющими танцевальный костюм. Одна из горничных возится с моей прической, вынимает шпильки, и толстая коса падает между лопаток.

Я хватаюсь за волосы, вовремя разворачиваясь, чтобы заметить, как тонкий кинжал падает на пол. Свет ярко отражается в его лезвии. А потом его скрывают юбки очередной горничной, которая поправляет мою одежду и тянет меня за руку к остальным девушкам.

- Пожалуйста, подождите! - изо всех сил сопротивляюсь я. - Я не могу участвовать в танце! Я... мне срочно нужно...

Рядом со мной появляется госпожа Эйра.

- Лей? - тревожно спрашивает она. - Что случилось?

Музыканты по ту сторону занавеса начинают играть. Толпа гостей в радостном ожидании гудит, как море.

Госпожа Эйра понижает голос.

- Не стоит так нервничать, Лей. За последние месяцы твое искусство танца весьма улучшилось, ты сможешь хорошо себя показать. Я буду тобой гордиться.

- Я... я кое-что уронила, - выдавливаю я.

- Ничего страшного, ты сможешь все подобрать после представления.

- Нет, будет слишком поздно! Госпожа, прошу вас...

Она следует глазами за моим взглядом.

Долгая пауза. А потом она резко спрашивает:

- Ты об этом предмете? Он принадлежит тебе?

Я киваю.

Быстрым движением она подхватывает мой стилет с пола и прячет в складках своего *оби*. Ее лицо сведено напряжением, губы сжаты в тонкую линию.

- Сейчас я избавлюсь от этой вещи, - говорит она тихо и твердо, - а ты отправишься вместе с остальными на сцену и исполнишь свой номер, и мы обе забудем об этой ситуации. Ты меня поняла, Леи-чжи?

Тем вечером, когда меня привезли во дворец, и она впервые назвала меня титулом Бумажной Девушки, это наполнило меня гордостью. Но сейчас само слово «чжи» причиняет боль. Потому что я прекрасно понимаю, что она имеет в виду.

«Знай свое место. Помни, кто ты такая».

- Вы хотя бы попытались отправить мои письма или сразу выбрасывали их в корзину?

Этот вопрос сам собой срывается с моих губ, и госпожа Эйра отшатывается от него, как от удара.

Это достаточно ясный ответ.

- Я так и думала, - говорю я и отворачиваюсь от нее, занимая место в ряду танцовщиц. И прижимаю руки к бокам, чтобы скрыть ужасную дрожь.

Мелодия слегка меняется. Это знак, что нам пора. Одна за другой мы выходим на сцену, подняв руки над головой, так что свисающие рукава скрывают наши лица. Одна из танцовщиц скрывает больше, чем просто лицо: она скрывает разрывающееся сердце, боль в груди, чувство, что теперь для нее все потеряно.

Глава тридцать вторая

Танец, который мы исполняем в новогоднюю ночь, называется *теланганг* – то есть танец обнажения. Танцуя, мы по одному срываем с себя золотистые покровы. Каждый слой одежды нужно изящно отбрасывать в сторону движением, которому нас долго учила мадам Чу, – так, чтобы шелковое полотно красиво летело по воздуху, создавая арку пронизанного светом золота. Последний слой шелка скрывает лишь тонкую нижнюю рубашку, сквозь которую отчетливо проступает нагое тело. Майна, как лучшая танцовщица нашей группы, должна была занимать центральное место в танце и завершающим движением бросить свой последний покров в сторону Короля, но так как Майны сегодня с нами нет, ее роль достается Ченне. Она грациозно порхает по сцене, ее смуглая кожа отсвечивает золотом в отблесках множества огней. Но когда она срывает свой последний покров и отточенным движением посылает его на колени Королю, я вижу, что он неотрывно смотрит на меня.

Не сводит с меня темных яростных глаз.

Мне адресует кривую угрожающую усмешку, обнажающую зубы.

Ненависть пульсирует внутри меня, похожая на биение черного горячего сердца. Пусть у меня больше нет оружия, зато у меня остались мои руки.

Во время ночных тренировок Майна научила меня нескольким эффективным приемам, которые можно выполнить голыми руками. Удар, нанесенный в правильное место с верно рассчитанной силой, может временно вывести из строя даже лучшего воина. Если даже мне не удастся вырубить Короля, я выиграю пару секунд, чтобы добраться до кинжала под его одеждой.

Мы покидаем сцену под бурные аплодисменты. Снова оказавшись за кулисами, я пробираюсь сквозь толпу горничных, не обращая внимания на удивленные взгляды девушек, и бросаюсь в зал в чем была, в крохотной облегающей золотой сорочке. По крайней мере, в таком виде мне, если что, будет легче убежать, чем в узком неудобном платье *ципао*.

Кто-то окликает меня по имени, и я оборачиваюсь.

За мной следом спешит Аоки.

– Что с тобой? – задыхаясь, спрашивает она. Ее лицо еще горит после танца. Она лучится радостью, выглядит... настоящей королевой.

Я обхватываю ее за талию, притягиваю к себе.

– Я тебя люблю, – говорю я подруге на ухо.

Она отшатывается.

– Леи, что на тебя нашло?

Я вымученно улыбаюсь.

– Ничего. Просто хочу скорее пожелать Королю счастливого Нового Года.

– Но...

Я убегаю от нее раньше, чем она заметит слезы, готовые брызнуть из глаз.

Король все еще стоит на балконе, вокруг него возится слуга, поправляя его праздничный наряд. Я медленно приближаюсь, стараясь придать лицу спокойное выражение и скрыть истинные чувства. Король видит мое приближение, и его взгляд становится жестким. А потом он взмахом руки отсылает слугу. За его плечом стоит Наджа, которая подозрительно щурится при виде меня. Генерал Ндесе тоже неподалеку, но сейчас он слишком занят – кокетничает со стайкой дворцовых наложниц, которые хихикают в ответ на его грубые шутки. Я вижу облако шелковых черных волос, разметавшихся по обнаженным плечам: Зелле – она главная среди его собеседниц. Она запрокидывает голову, мелодично смеясь, и коротко встречается со мной взглядом. То ли мне кажется,

то ли она и впрямь чуть заметно кивает мне головой.

- Леи-чжи, - вальяжно приветствует меня Король, когда я подхожу совсем близко. Его позолоченные рога сверкают в свете фонариков.

Я кланяюсь.

- Мой Король, надеюсь, вам понравилось представление? Пусть даже нам и не удалось поразить вас нашей наготой, которую вы уже столько раз видели в собственных покоех...

Его улыбка становится еще более напряженной.

- Возможно, даже больше раз, чем ты думаешь, - отзывается он холодно. - Но чрезвычайно приятно наблюдать за реакцией окружающих, которые все до единого до сегодняшней ночи были лишены такого удовольствия. Жаль, - добавляет он низким голосом, напоминающим рычание, - что твоей любовницы сегодня нет среди нас.

Сердце пропускает несколько ударов.

Я поднимаю брови, стараясь унять дрожь в голосе.

- Простите, мой Король, я не в силах понять, что вы имеете в виду. Мой единственный любовник сейчас стоит здесь, предо мною, - я приближаюсь еще на шаг и касаюсь его груди ледяными пальцами.

Краем глаза я замечаю, что Наджа подается вперед. Но останавливается, когда Король поднимает руку.

Я не отвожу от него взгляда.

- Простите, мой Король, что в ночи нашего уединения я не была с вами достаточно честной. Я... я попросту боялась. Должна признать, что сначала я и вовсе не желала такого образа жизни. Но после нашей первой истинной ночи вдвоем, после первой близости мои чувства полностью переменялись. И мои... *желания*. - Я перемещаю руку к своей собственной груди, прижимая ладонь к сердцу, потом опускаю ее ниже, еще ниже, вдоль живота - пока она не останавливается на треугольнике между бедер.

Он молча следит за моими движениями.

Я поднимаю пальцы к губам, легко целую их. Горло саднит.

- Прошу вас, - шепчу я умоляюще. - Не могли бы мы с вами ненадолго уединиться? Чувства переполняют меня. Я должна открыть их вам, единственному, кто может их утолить, мой Король.

На краткую секунду я думаю, что это не сработает. Голова идет кругом от этой мысли: если сейчас не получится, то что же делать?

Но губы Короля разъезжаются в ленивой улыбке.

- Я знал, что в конце концов ты войдешь во вкус, Леи-чжи, - он расправляет плечи и берет меня под локоть - чуть крепче, чем я ожидала. - Давай прогуляемся по саду. Это достаточно уединенное место.

Он разворачивается и ведет меня по лестнице вниз, за ним спешит несколько слуг и охранников, но он отмахивается от них.

Наджа заступает ему путь.

- Мой Король, позвольте...

- Оставь нас, - рычит он, и она отходит в сторону.

Мы спускаемся по ступеням, я оглядываюсь через плечо и вижу белую лису, которая смотрит нам вслед ледяными серебряными глазами. Даже когда мы сворачиваем за угол, я все еще чувствую спиной ее взгляд, как холодный лунный свет сквозь облака.

Король уводит меня в глубину темного сада. Здешние сады куда более густые и дикие, чем обычно принято в Хане, кроны огромных баньянов и багряников переплетаются у нас над головами, образуя свод, сквозь который с трудом проникает свет звезд. Дорожку под ногами освещают далекие отблески дворцовых фонарей, тени чередуются с озерцами света. Розовые листья гибискуса, цветы магнолии, синие орхидеи, красный жасмин... Мы идем по тропе к озеру, заросшему огромными кувшинками. Их сладкий медовый запах наполняет воздух. Каждая кувшинка слегка мерцает, как живая звезда, посреди темных листьев, и я чувствую исходящее от них легкое тепло магии.

Король бросает на меня взгляд.

- Нравится?

- Они прекрасны, - искренне отвечаю я.

Он до сих пор не отпустил моей руки. Мы приближаемся к кромке воды, и он притягивает меня к себе, свободной рукой берет за подбородок.

- Прекрасны, говоришь? - шепчет он, улыбаясь, и на миг я думаю, что сейчас он меня поцелует.

А потом его улыбка превращается в злобный оскал.

- Прекрасная маленькая лгунья, - выплевывает он мне в лицо.

Я отшатываюсь, как от удара.

Пытаюсь отстраниться, но его хватка слишком крепка.

- Что... что вы имеете в виду, мой Король? - лепечу я. Но не успеваю договорить - его пальцы смыкаются у меня на горле. С ревом он вздергивает меня в воздух, поднимая над водой. Стайка птиц, щебетавших на берегу, с паническим шумом поднимается и улетает в ночное небо.

- Я имею в виду, что знаю о тебе правду, Леи-чжи, - хрипит Король. - А ты как думала? Что меня так просто обмануть? Я Король, я всех вас вижу насквозь!

Я задыхаюсь, тщетно цепляясь за его руку. Со стороны павильона доносятся звуки веселой музыки, она пульсирует у меня в ушах в такт тугим молоточкам крови, в такт тяжкому дыханию Короля.

- Грязная шлюха! Как же вы отвратительны, девки, которые готовы раздвинуть ноги перед любым ничтожеством! Или это дает вам почувствовать себя желанными? Любимыми? Набить себе цену? - он заходится хриплым хохотом, который отдается в моих костях. - Впрочем, неважно. Причины меня не интересуют. Меня интересует только наказание.

- Ты... ублюдок, - выдавливаю я из последних сил.

С ревом он впечатывает меня спиной в ствол ближайшего дерева. Боль пронизывает меня насквозь, в глазах темнеет.

Когда из темноты снова проявляется лицо Короля, я вижу свисающую с его нижней губы нитку слюны, пульсирующую на виске вену.

- Я привез сюда твоего папашу и его драную старую рысь, чтобы они увидели, как ты умрешь. Ты ведь уже догадалась, верно? Но публичная казнь не так интересна, потому что мне придется расправиться с тобой чужими руками. - Зубастая ухмылка, от уха до уха. - Нет, так будет лучше. Я могу как следует поразвлечься. По одной переломать все косточки в твоём теле, пока ты от боли не забудешь собственное имя!

Он снова с размаху ударяет меня о ствол дерева. Я прикусываю язык, рот наполняется кровью. По щекам катятся потоки слез. Но боль только помогает мне сосредоточиться, обостряет решимость. Напоминает, зачем я здесь.

Возбуждает мою ненависть и обращает ее в оружие.

Я плюю ему в лицо кровавой слюной.

- Ты можешь меня убить, - шиплю я, выдавливая слово за словом, - но их ты не остановишь. Они уже идут за тобой.

Единственное чувство, которое ясно отражается на его лице при этих словах, поражает меня. Потому что это ужас.

Он замирает, слегка ослабляя хватку.

- Так ты знаешь. Ты все знаешь. - Пауза. А потом он повышает голос до крика: - Говори! Кто они? Кто смеет плести заговоры против меня?!

Кровь струится по лицу. Я моргаю, чтобы яснее видеть.

- Давай же, - хриплю я. - Убей меня. Потому что я все равно тебе ничего не скажу.

С оглушительным ревом он бросается вперед и нагибает меня к воде, погружая в пруд мою голову.

Я задыхаюсь...

Отплевываюсь...

Вода наполняет рот и горло, разрывает мне грудь. Я отчаянно бьюсь в его руках, пытаюсь пинаться, но Король все держит мою голову под водой. Перед глазами расплываются вспышки темноты, сердце колотится, колотится, *колотится*...

Он рывком вытаскивает меня на сушу, и я бессильно повисаю в его руках, откашливаясь и выплевывая воду, мои зубы стучат.

- Кто они? - снова спрашивает он. - Отвечай! Ханно? Клан Кошек? Что они замышляют?

Я скалюсь в жалком подобии улыбки.

- Ты умрешь раньше, чем это узнаешь.

На этот раз я уже жду того, что будет: ледяной воды, наполняющей горло. Но от этого попытка не становится легче. Волосы плавают над моей головой по поверхности пруда, щеку задевает какая-то скользкая тварь, проплывшая мимо. Он держит меня под водой дольше, чем в первый раз, пока тьма не начинает заливать мой разум.

Выдернув из пруда мою голову, Король швыряет меня себе под ноги. Мои пальцы беспомощно впиваются в землю, цепляясь за ледяную траву. Я пытаюсь найти опору, но едва умудряюсь чуть приподняться, как он опрокидывает меня обратно пинком в живот.

Я снова падаю с беззвучным криком боли. Что-то внутри трещит - наверное, ребра.

Еще один удар, и я просто умру. Не выдержу.

Он низко склоняется надо мной, пригвождая к земле, удерживает мои руки над головой. Его дыхание выходит изо рта и носа облачками пара.

- Еще раз спрашиваю тебя, Леи-чжи, - говорит он медленно, почти спокойно, хотя в глазах его пляшет безумие. - Если ты снова откажешься отвечать, я отправлюсь обратно на бал и притащу сюда твоего отца и старую рысь, и убью их у тебя на глазах. Это заставит тебя заговорить?

Я рычу от бессильной ярости, пытаюсь вырваться, но он прижимает меня к земле всем своим огромным весом, и я беспомощна против него, я совершенно ничего не могу, я бесполезна, я проиграла этот бой, как я вообще смела думать, что способна победить... Но тут...

Какой-то шум. Тяжелое дыхание бегущего. Крики, приближающиеся шаги.

Кто-то бежит к нам по дорожке сада.

Король оглядывается как раз вовремя, чтобы нож, летящий из мрака, вошел ему точно в правый глаз по самую рукоятку.

Глава тридцать третья

Зелле выскакивает на поляну, когда Король отшатывается от меня. Кровь потоком струится по его лицу.

- Давай! Надо закончить, что начали! - кричит она отчаянно.

За ней следом несется Наджа.

Белая лиса невероятно быстра. В два прыжка она настигает Зелле, распахнувшееся на бегу сари летит за ней, как два крыла. Одним быстрым движением она хватает Зелле сильными когтистыми лапами и ломает ей шею.

Я слышу этот ужасный звук - сухой громкий хруст.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Наджа поднимает глаза на меня, бросая труп Зелле на землю. Вдали слышатся бряцание оружия, крики, треск огня. Со стороны дворца видны отсветы пламени, озаряющие небо красными и оранжевыми всполохами.

Парящий Чертог охвачен пожаром. Во дворце идет бой.

Мне становится очень больно.

Мы проиграли.

Я встречаюсь глазами с Надежей и забываю обо всем, кроме ярости, ненависти, ужасной скорби. В ушах звенят последние слова Зелле - такие простые, такие ужасные.

«Надо закончить, что начали!»

Я бросаюсь на Короля. Трава залита его кровью, я оскальзываюсь, но это работает на меня - я падаю прямо на него. Оглушенный болью, он замечает меня на секунду позже, чем нужно, но этого достаточно. Он тянется к рукояти кинжала, торчащего из глазницы, но я успеваю первой и выхватываю оружие, чтобы глубоко вонзить клинок ему в горло.

Изумление. Его первая реакция - глубокое изумление.

Вторая - звериная ярость.

Он пытается отшатнуться, но я давлу на рукоять обеими руками, пальцы скользкие от крови, но я наваливаюсь всем телом, пытаюсь вогнать сталь как можно глубже. Мы падаем, я оказываюсь сверху и давлу, давлу, давлу всем весом на нож. Он издает жуткие звуки, булькающие, какие-то младенческие. Он содрогается, закатывает глаза. Пытается отбиваться. Даже самые слабые, конвульсивные его удары достаточно болезненны, но я не обращаю внимания на боль, стискивая зубы и продолжая начатое.

Левый глаз Короля, вылезавший из орбиты, - голубой, пронзительный. Правый - сплошное кровавое месиво.

Я рычу, как дикий зверь, давя на нож, углубляя и расширяя рану. Клинок двигается с трудом, натываясь на кости и сухожилия, но я чувствую, что они поддаются, чувствую, что все глубже вгрызаюсь в плоть. Кроме булькающих хрипов, доносящихся из горла Короля, я слышу еще какой-то звук - высокий отчаянный вопль, и сначала думаю, что это кричит Наджа, но потом понимаю, что звук исходит из моего собственного горла.

Это я, я кричу, убивая его.

А потом я вспоминаю.

Наджа. Да, Наджа. Она рядом.

Мой бой с Королем, должно быть, длился не дольше нескольких секунд. Я бросаю взгляд через плечо и вижу за спиной белую лису. Ее острые когти вонзаются в мою плоть, разрывают плечо. Она отшвыривает меня в сторону и бьет ногами, но у меня нет сил, чтобы откатиться или заблокировать ее удары, я задыхаюсь и почти ничего не вижу. Боль разрывает меня, уничтожает, в глазах мелькают белые и оранжевые всполохи, темное

небо распаивается, чтобы принять меня в себя, поглотить целиком. Я понимаю, что сейчас умру, и это худшее, что я когда-либо испытывала.

- Отвали от нее, дрянь!

Этот голос... яркий, как сон... не может быть...

Я не вижу ее, пока она не отрывает Наджу от меня, и даже когда вижу, не сразу узнаю. Лицо Майны - не бесстрастная маска сосредоточенного воина Сиа, каким было той ночью в театре. Ее лицо искажено дикой неконтролируемой яростью. Она одета в кожаные доспехи поверх красной туники и штанов. Отступив на шаг, она выхватывает из ножен две катаны.

- Я говорила Королю, что это ты, - рычит Наджа, уклоняясь от удара.

Они сражаются бешено, беспощадно. Наджа дает своему демоническому, животному началу полную свободу и дерется как дикий зверь. Дворцовая телохранительница с безупречными манерами исчезла - передо мной совершенно другое существо. Ей даже не нужно оружия - она сама оружие. Она дерется когтями и зубами, совершает стремительные броски, как живой ветер.

Бой настолько быстр, что я не в силах за ним следить. По поляне словно носятся два вихря, в воздух взлетают капли крови, слышатся звуки ударов.

- А он еще защищал тебя! - шипит Наджа с ненавистью. Ее рот красен от крови - клинок Майны рассек ей щеку до самой губы. Она блокирует серию ударов Майны и наносит удар ногой снизу вверх, так что Майна вынуждена уклониться. - Даже когда узнал, что ты изменила ему с этой золотоглазой шлюшкой, он все равно не захотел казнить тебя, потому что ты дочь Ханно, который столько для него сделал. Поэтому он просто отослал тебя домой, услышав о смерти твоей матери. Он проявил верность и милость к твоему клану - милость, которую ты не заслужила!

Майна сжимает оружие белыми от напряжения пальцами.

- Верность? - выкрикивает она. - Милость? Да он понятия не имеет, не знает, что это такое!

Она делает выпад, Наджа успевает вовремя отскочить.

- А твой народ знает? - выдыхает она.

- Они думали, что знают. Но в результате страшных потерь поняли, что это большая редкость в нашем мире.

- Смешно, правда? Потому что теперь они сами пытаются научить этому других.

Майна наносит удар, но белая лиса быстро оправляется после него, и на этот раз ей удается ударить Майну локтем в челюсть. Я слышу ужасный хруст, вижу кровь.

- Дрянь, - выдыхает Майна.

Наджа хохочет.

- Где твои манеры, Бумажная шлюха?

Майна подается вперед. Один из ее мечей задевает плечо Наджи, и белую шерсть лисы пятнает яркая кровь. Шипя от боли, та отшатывается, но вновь наносит Майне удар в лицо ногами, и голова Майны откидывается назад. Они обе снова встают в защитные стойки, часто дыша и сплевывая кровь.

А потом Наджа бросает взгляд на меня. Глаза ее расширяются.

- Берегись! - визжит она.

Майна резко разворачивается ко мне, опуская мечи на полдюйма, и открывается для того, чтобы Наджа атаковала.

Но я успеваю понять, чего добивается белая лиса, за секунду до ее атаки, и бросаюсь вперед. Мы сталкиваемся с ней в броске, но я гораздо слабее, и она просто отбрасывает меня с дороги, ее когтистые пальцы целятся мне прямо в горло...

- Майна! Леи!

Наджа отвлекается на звук нового голоса, не успев завершить удар.

На поляну выбегает Кензо, обеими руками сжимая длинный бамбуковый шест. С концов шеста капает кровь.

- Бегите! - кричит он нам. - Времени больше нет!

- Так это ты! - яростно выдыхает Наджа.

И бросается на него, атакуя его серией ударов ногами и когтистыми руками. Кензо отражает ее удары шестом, но она в безумном гневе теснит его.

- Бегите! - еще раз повторяет он.

Майна медлит, не в силах его оставить.

- Кензо, но...

- Быстро! Я сказал, быстро!

Майна переводит дыхание, теряя драгоценные секунды. А потом, стиснув зубы, убирает мечи в ножны и хватает меня за руку.

- Бежим, - говорит она, и мы рука об руку несемся по саду, озаренному пламенем пожара, и за спиной я слышу крики Кензо и Наджи, сражающихся насмерть.

Майна тащит меня за собой в сторону Парящего Чертога. Деревья мелькают перед глазами, потом редуют, и я вижу пожар, возносящийся к небесам купол бело-рыжего огня. Гудение огня похоже на крики живого существа. На его фоне слышатся и другие звуки - звон клинков, топот копыт, вопли.

Вот оно и сбылось - предсказание мастера Тэкоа. Ночь дыма и огня, дворец, разрушающийся изнутри, и все это - из-за единственной девушки, в крови которой течет живое пламя.

Меня мутит. Я вот-вот упаду в обморок. Я никогда не хотела, не планировала ничего подобного...

- Что... тут... произошло? - с трудом выдыхаю я.

- Наше прикрытие пало, - кричит в ответ Майна. Ее длинные волосы взметаются у нее за спиной. - Кто-то нас выдал! Ты вовремя успела перехватить Короля... - она сжимает мою руку, кровь бешено пульсирует в жилах. - Ты смогла, Леи. Ты убила его!

- Но теперь королевский двор знает, кто в этом замешан! Все плоды ваших долгих трудов, все старания сохранить это втайне...

- Об этом мы будем беспокоиться позже, когда выберемся отсюда!

- Почему ты здесь?! Ты не должна была возвращаться, Майна! Нельзя было так рисковать!

- Я не могла не вернуться, - яростно отзывается она и впервые за этот ужасный вечер смотрит мне в глаза. - Я должна была убедиться, что ты выживешь!

Мы уже у самой ограды сада. Теперь под ногами не скользкие камни, а гравий. Пруд блестит ярко-оранжевым, отражая отсветы пожара, по его поверхности расходятся круги, из воды выскакивают рыбы, испуганные тем, какой горячей стала вода. Хлопья пепла сыплются на воду откуда-то сверху - подобие черного ненастоящего снега.

Майна тащит меня к восточному берегу пруда. Наконец мы не бежим, а просто идем

быстрым шагом, и мне удается хоть немного перевести дыхание, и шок отступает, уступая место боли. Раны, которые нанесли мне Король и Наджа, начинают гореть, и с каждым шагом боль все нарастает. Я стискиваю зубы, чтобы не выдать себя стоном.

- Как мы собираемся отсюда выбраться? - спрашиваю я.

- Так же, как я сюда попала, - отвечает Майна, оглядываясь на горящий дворец, и пламя пожара бросает алые отсветы на ее лицо. - Улететь.

Мы сходим с тропы под сень деревьев. Пригибаемся, чтобы ветки не хлестали по щекам. Земля под ногами неровная, из нее выступают наружу древние корни, и я сосредотачиваюсь на том, чтобы не упасть.

Я слышу звук раньше, чем успеваю рассмотреть существо, ожидающее нас. Этот звук - шорох огромных расправляемых крыльев. Майна окликает его и в ответ слышится громкий хрипловатый голос.

- Ну что, ты ее нашла?

Майна тянет меня за собой, и мы выходим на поляну в маленькой рощице.

- Меррин, познакомься с Леи.

Ветер срывает с магнолий лепестки, и они бело-розовым вихрем носятся по поляне. Некоторые из них застревают в темно-серых перьях огромной птицы, поднимающейся, чтобы нас поприветствовать. Это демон-филин, самый большой птицедемон, которого я встречала в жизни. У него умное лицо, обрамленное совиными перьями, птичьи черты соседствуют с человеческими. Глаза у него ярко-оранжевые. Как и у мадам Химуры, у него длинные руки, похожие на человеческие, но покрытые прижатыми к ним перьями с черными кончиками. Он прижимает локти к бокам, так что крылья простираются всего на половину поляны, но все равно это впечатляющее зрелище. От него исходит сила, магическая мощь, взгляд выпуклых глаз пронизывает насквозь.

- Меррин?.. О... очень приятно, - лепечу я.

Он шутливо кланяется мне.

- К вашим услугам, красавица. Но, боюсь, у нас нет времени на церемонию. Нам стóит поторопиться, - он поворачивает круглую голову и смотрит себе за спину. - Кто-то приближается, и я сомневаюсь, что это делегация с цветами и поздравлениями.

Он расправляет огромное крыло, и Майна помогает мне забраться ему на спину. Там есть кожаное седло. Я пытаюсь двигаться осторожно, чтобы не причинить ему неудобств. Перья на спине мягкие, почти как пух. Меррин смеется раскатистым смехом.

- Не стоит так осторожничать, дорогая. Мне случалось ловить на обед мышей, которые весили больше тебя.

Майна садится за моей спиной, обхватывая меня ногами, и наклоняется вперед, чтобы держаться за переднюю луку седла.

- Готова? - спрашивает она меня, но я не успеваю ответить. Меррин подается назад.

Слышны крики, торопливые шаги.

Звон оружия.

- Держись! - кричит Майна, крепко прижимаясь ко мне всем телом, когда Меррин отталкивается когтистыми ногами от земли. Я чувствую, как напрягаются под перьями его мышцы.

Через секунду в нас летит залп стрел, и филин отклоняется в сторону, чтобы увернуться. Одна стрела задевает мою щеку, вспарывая кожу. Меррин взлетает, распахнув крылья, касается крылом верхушки деревьев, а потом стремительно набирает высоту. Пара секунд - и мы уже выше деревьев, вокруг лишь ночной воздух и облака, подсвеченные серебристым лунным светом.

Я всегда хотела испытать чувство полета, узнать, каково это – танцевать в воздушных потоках... Но реальность не имеет ничего общего с моими фантазиями. Меррин летит стремительно, могучие крылья вздымаются и опадают, я отчаянно цепляюсь за седло, боясь не удержаться и соскользнуть.

Далеко внизу пылает дворец – море огня и света. На меня накатывает острое чувство облегчения.

Нам удалось уйти.

Мы свободны.

И тут Майна кричит:

– Берегись! Справа!

Я смотрю направо – и вижу их: целый отряд птицедемонов Лунной касты. Их, кажется, больше двух десятков. Я различаю некоторых из них – сокол, ворон, орел, гриф... Из всех представителей Лунной касты птицедемоны выглядят самыми чужеродными с их оперенными телами, с клювами на человекоподобных лицах. Вид стольких птицедемонов сразу, яростных, с широко распахнутыми руками-крыльями повергает меня в ужас.

Они быстро догоняют нас, не отягощенные пассажирами. Хотя Меррин больше любого из них, они все равно ужасают – все в них выдает хищников: горящие желтые глаза, кривые блестящие клювы. Все одеты в доспехи, в острых когтях блестит оружие.

– Вот ублюдки, – цедит Меррин.

– Это Цумэ, – кричит Майна. – Королевский элитный отряд птицевоинов.

– И, конечно, – поясняет Меррин на лету, – я постоянно получаю от капитана приглашение вступить в их славные ряды. Сколько раз мне пришлось отвечать отказом? – он ненадолго умолкает, что-то подсчитывая, а потом говорит: – Извините, девочки!

И резко складывает крылья.

Мы несемся вниз, стрелой падаем на землю. Я съезжаю с седла Меррину на шею, визжа от страха. Наше падение столь стремительно, что ветер вот-вот сорвет меня со спины филина, но Майне удается держаться, она обхватывает седло ногами и держит заодно и меня. Отряд Цумэ устремляется за нами.

Крыши горящего дворца приближаются с огромной скоростью, но Меррин не замедляет полета.

– Мы разобьемся! – в ужасе ору я.

Ни Меррин, ни Майна не отвечают. Я зажмуриваюсь, уверенная, что последнее, что я вижу в жизни – это покатая крыша пагоды внизу...

И тут Меррин выходит из пике и взмывает вверх, не теряя ни секунды.

Это движение настолько неожиданно, что нас с силой отбрасывает обратно в седло. Нас так тряхнуло, что я думала, что руки выскочат из плечевых суставов, однако мы умудряемся удержаться, только ахаем. Где-то под нами слышатся удары тяжелых тел о землю, треск деревьев, крики боли.

Некоторым Цумэ не удалось вовремя притормозить.

Но кое-кто все же смог это сделать.

Они продолжают погоню. Демон-сокол, возглавляющий отряд, испускает пронзительный боевой клич. Он догоняет нас и, взмахнув окованным в железо когтем, вспарывает Меррину бок. Вскрикнув, филин дергается от боли, но быстро восстанавливает равновесие и мчится вперед, внезапно резко повернув на огромной скорости.

Ужасный треск позади – это сокол с разгона впечатался в стену здания.

Меррин бешено петляет между крышами, под нами размазанными цветными всполохами проносятся площади и сады дворца. Впереди встают дворцовые стены. Снова резкий разворот в последнюю секунду – и птицедемоны на полной скорости ударяются о черный камень, я слышу, как трещат их ломающиеся кости. Я пытаюсь оглянуться и краем глаза замечаю, как с яростным карканьем падает на землю демон-ворон с переломанными крыльями.

Под нами темно-зеленым маревом проносится бамбуковый лес. Стоило нам покинуть территорию дворца, и мы оказались в настоящей темноте. Меррин держится низко, над самыми верхушками деревьев, время идет, но никто из Цумэ не пытается нас догнать. Тогда Меррин распахивает крылья и взмывает вверх, к облакам.

– О боги, – сварливо вздыхает он, пока мы летим среди влажного облачного тумана. – После этой истории они с головой завалят меня приглашениями к ним вступить.

Я неуверенно хихикаю.

Кожа горит, исхлестанная ветром. Я вспоминаю, что из одежды на мне по-прежнему лишь остатки танцевального костюма – крохотная шелковая тряпочка, только больше не золотистая. Она теперь совершенно красная, пропитанная кровью – и моей, и кровью Короля.

– Ну как, сейчас подходящий момент, чтобы поздравить тебя с днем рождения? – спрашивает Майна, и я смеюсь дрожащим смехом. Майна наклоняется к моему уху. – Он ведь у тебя с собой? – на этот раз ее голос совершенно серьезен.

Я даже не переспрашиваю, о чем она. И так понятно.

– Да.

Она целует меня в щеку, ее горячее дыхание согревает мне лицо.

– Когда приземлимся, сможешь его открыть.

Я чувствую на шее тяжесть цепочки – медальон словно вдруг стал тяжелее. Он болтается у меня на груди поверх платья, качаясь в такт размеренным взмахам крыльев Меррина. Столько лет я мечтала об этом дне, жаждала узнать, что приготовила для меня судьба, какой мир – мой собственный мир – сокрыт в медальоне. И вот этот день пришел, и я лечу в небесах, пахнущих гарью и завершением прежней жизни... И я совершенно не уверена, что хочу узнать, что там внутри.

Предполагалось, что после убийства Короля мы тихо и незаметно сбежим из дворца. Лишний шум мог выдать участие Ханно в заговоре.

Но все вышло так, как вышло, и исход событий очевиден. Будет война.

Глава тридцать четвертая

Меррин уносит нас далеко от дворца. Звезд не видно, над нами висят плотные снеговые тучи. Воздух пахнет льдом. Внизу темным ковром раскинулась земля. Там нет деревень, не горят огни селений – по крайней мере, я ничего не могу разглядеть. Майна говорит, что мы движемся к северо-западу от дворца, к горам на границе Хана и Райна – к тому самому злосчастному перевалу Комо, который совершенно непреодолим даже для крылатых созданий из-за сильных ветров и постоянных штормов. Сегодня мы остановимся в укрытии, а завтра отправимся дальше – домой к Майне, в Анг-Хен.

По крайней мере, таков наш план.

– Я отправлю весточку отцу, – говорит Майна, когда Меррин начинает снижаться. – Спрошу его, что нам делать дальше.

Сердце болезненно сжимается.

– Кензо выдал себя. Теперь они знают, что он заодно с твоим отцом.

– Если Кензо смог убить Наджу, никто ничего не узнает, – резко отвечает Майна.

Я вспоминаю безумный блеск в глазах лисы-демоницы, ее невероятную скорость и злую энергию в бою. Мне не верится, что она позволит себя убить.

– Мои родные тоже были там, во дворце, – говорю я. – И Зелле обещала, что попросит кого-то за ними присмотреть...

Я не договариваю. Вспоминается треск, с которым ей сломали шею.

– Наджа убила ее, – тихо говорю я.

Майна молчит. Потом отвечает:

– Я знаю. Я видела ее мертвой. Но твои родители все равно будут в порядке, Леи, я уверена. Если Зелле обещала, так и будет. Зелле – одна из самых надежных людей на свете... *была*. Она наверняка успела передать просьбу обеспечить их безопасность.

Мы приближаемся к лесу, полному шорохов и голосов животных. Меррин летит низко, я ничего не могу разглядеть в темноте, но вскоре он слегка меняет курс и, сделав несколько медленных кругов, мягко садится на поляну.

Филин издает низкое уханье. Словно в ответ неподалеку загорается огонь. Сквозь спутанные ветви я различаю заброшенный храм, врезанный в скалу. С одной его стороны огонь отражается в воде – должно быть, там небольшое озеро.

Мы с Майной спешиваемся. Спрыгнув со спины Меррина, я едва могу удержаться на ногах. Земля подо мной кружится, все тело болит. Кажется, на мне не осталось живого места. Но усилием воли я выпрямляюсь и пытаюсь улыбнуться Майне, которая подходит меня поддержать.

– Я в порядке, – говорю я ей. – Честное слово.

Меррин встряхивается со странным хриплым фырканьем. Он раскидывает руки, и перья на них, которые были широко расправлены, одно за другим прилегают к телу, плотно облекая руки. Теперь его крылья становятся вдвое меньше, чем в полете.

– Беру свои слова обратно, красавицы. Вы определенно тяжелее, чем даже самые крупные мыши. Вас испортила дворцовая еда. Вы случайно не захватили с собой что-нибудь с праздничного стола? – спрашивает он с надеждой.

– Если честно, – вздыхает Майна, – нам и впрямь стоило что-нибудь захватить. Неизвестно, сколько времени придется скрываться и выжидать.

– Надеюсь, вы не забыли, что мы – элитный воинский отряд, – замечает филин. – Так что задачи вроде охоты ради пропитания мы вполне способны решить.

- Я не элитный воин, - устало отзываюсь я. - И вообще не воин.

Меррин поворачивает ко мне совиную голову.

- Дорогая, если ты не забыла, ты только что убила Короля. Ты лучший воин, чем мы вместе взятые.

Нас отвлекает звук шагов. Из чащи навстречу нам выходят трое, они несут фонарики, отбрасывающие на их лица мягкий свет. Один из них - молодой парень из Бумажной касты, с узким лицом и серьезными глазами. Двое остальных - брат и сестра из демонов-леопардов, приближающиеся тихой кошачьей поступью. Их пятнистые мохнатые лица очень похожи, круглые леопардовые уши у обоих проколоты, в них блестят серьги.

- Майна! Меррин! - восклицает девушка-леопард и бросается нам навстречу. Она быстро обнимает Майну и поворачивается, чтобы закинуть руки на могучую шею Меррина. - Вы так задержались! Мы очень волновались.

- Надеюсь, ваша задержка не означает, что что-то пошло не так? - добавляет ее брат.

Майна встречается с ним глазами.

- Боюсь, именно это и произошло. - Она берет меня за руку и выводит вперед. - Но наша основная цель достигнута. Благодаря Леи.

Девушка-леопард широко распахивает глаза, в них светится надежда.

- Король мертв? - тихо спрашивает она меня.

Я коротко выдыхаю, прежде чем ответить:

- Да.

Когда я выхожу за порог храма, начинают падать первые хлопья снега. Передо мной лежит темная гладь озера, окаймленная мхом, и тускло блестит под ночным беззвездным небом. Я ставлю фонарик на землю и сажусь на древние каменные ступени, плотно запахивая меховой плащ, который мне одолжила Ава, девушка-леопард. Храм выглядит давно заброшенным, сквозь трещины в камне прорастают сорняки. На верхушках колонн и на выгнутой крыше свили гнезда птицы. Одна из стен полуразрушена огромным деревом-баньяном, чьи корни раскинулись по всему помещению, и ветви создают живую завесу, на полу лежат опавшие листья - каждое шириной с ладонь Меррина.

Я медленно снимаю с шеи цепочку с медальоном. Золотые створки до сих пор закрыты, он кажется безупречно гладким. Я держу его на ладони, пытаюсь понять, как его открыть. И тут он с тихим щелчком раскрывается сам собой.

На миг я теряю дар речи, молча глядя на его содержимое. А потом с моих губ срывается смех, глаза наполняются слезами. Потому что символ, скрывавшийся внутри медальона - единственный символ, написанный уверенными взмахами кисти, - так идеально подходит мне, что даже удивительно, почему я сама раньше не догадалась.

Полет

Я закрываю медальон и бегу обратно в храм, громко зову Майну, смеясь и плача одновременно, сердце наполняет ощущение чуда. Потому что в этом символе - все, чем стала для меня Майна. Она - мои крылья. Она научила меня пользоваться моими собственными крыльями. Научила летать. Улетать от всего, что уничтожало меня, отрывать от земли и подниматься в небеса, как мы сделали вчера, совершив побег из дворца. Как мы будем делать и впредь, каждый день нашей жизни, чтобы подарить нашему Королевству свободу и покой. Мы будем летать, танцевать в сверкающем небе, ловить потоки ветра, вместе устремляясь к новым высотам - крыло к крылу, никогда не расставаясь.

Да, приближается война.

Но у нас есть крылья, чтобы сражаться.

В пронизанной отсветами пламени тьме ночного сада белая лиса-демоница встает на колени рядом со своим Королем. Неподвижное тело мертвого волка лежит на траве, под ним растекается лужа крови.

Ей плевать на волка. Ей даже плевать, что двум девчонкам-изменницам удалось сбежать. Пусть бегут, пусть надеются, что победили.

Но она-то знает.

Осторожно, чтобы не тревожить его раны, она касается шеи Короля ласкающей рукой – и чувствует... слабое биение пульса. Едва заметное, но несомненное.

Он жив.

Лиса нежно гладит Короля по лицу.

– Я знала, что человеческой девке не под силу убить тебя, – шепчет она. А потом понимает на ноги и кричит ожидающей в стороне охране, чтобы немедленно звали шамана.

Послесловие автора

История, которую я рассказываю в этой книге, берет начало в моем воображении, но также рождена и моей любовью. Придумывая королевство Ихара, я вдохновлялась своим детством, проведенным в Малайзии – стране смешения культур, благодаря чему, на стыке этносов, формировалась моя личность. Эту книгу можно назвать межкультурным гибридом, как и меня саму. Я считаю, что мне в этом очень повезло. Малайзийскому детству я обязана образом восприятия мира и себя самой, и я стараюсь не растерять этого влияния, а, наоборот, возвращать и культивировать его в себе.

Сюжетом и замыслом «Девушек из бумаги и огня» я также обязана некоторым моим любимым молодежным книгам. Мне кажется, молодым людям больше, чем кому бы то ни было, важно читать истории, в которых они могут видеть себя самих, чувствовать принятие себя миром и родство с персонажами. Важно вдохновляться своими собственными историями – как реальными, так и воображаемыми. Даже самые фантастические и волшебные миры уходят корнями в наши сердца и в наш мир. Мне бы хотелось, чтобы появлялись все новые и новые книги, отражающие бесконечное разнообразие наших жизненных впечатлений.

История моих Бумажных Девушек отражает горький жизненный опыт множества женщин. Включая меня саму. Я понимаю, что подобные темы очень тяжело обсуждать и проговаривать, особенно подросткам. Но также я осознаю необходимость такого осмысления. Книги должны предоставлять нам безопасное пространство для исследования самых трудных вопросов. Мы не можем защитить всех без исключения молодых людей от сексуального насилия, однако косвенным образом – с помощью вымышленных историй – можем попытаться указать им выход из трудных ситуаций. Надеюсь, книга о моих «Девушках» сможет стать для молодежи подобным убежищем.

Обращаюсь ко всем моим читателям и читательницам, кому пришлось пережить сексуальное насилие. Я очень сочувствую вам, сожалею о том, что с вами произошло. Мое самое большое желание – чтобы история Леи, в которой она обретает утешение и находит в себе новые силы, помогла вам обрести внутренний источник силы, как это произошло со мной. Несмотря на то, что ее история мрачна и полна жестокости, с ее помощью я передаю вам множество посланий, способных помочь справиться с травмами прошлого. Это послания о любви, о дружбе, о взаимной поддержке. О надежде, которую можно отыскать даже в самые тяжелые времена. О внутренней силе. О том, что можно преодолеть все испытания и не просто выжить, но жить. И жить в любви.

Эта история родилась в глубине моего сердца. Надеюсь, она вам понравилась.

Если вы – жертва сексуального, эмоционального или физического насилия, пожалуйста, подумайте, нет ли в вашем окружении человека, которому вы доверяете, с которым готовы обсудить свои проблемы, или же свяжитесь с одним из кризисных центров, где вам окажут помощь при полном соблюдении анонимности.

Благодарности

Мы вместе с этой книгой прошли через множество испытаний. По самым скромным подсчетам, за время работы над ней я успела сменить трех партнеров, пять домов (в двух странах), двух литературных агентов, две работы, одиннадцать редактур, две прически (одна хуже другой), а также выпить примерно пять миллионов чашек чая и пройти через множество эмоциональных кризисов, некоторые из которых были вызваны самой этой книгой. Но, несмотря на все перипетии, книга умудрилась стать мне чем-то вроде верного друга, так что теперь я ужасно рада и горда, что она наконец начинает свое собственное путешествие по миру – к тому же, в таком красивом оформлении.

Тысяча благодарностей всем, кто помог мне добраться до финиша!

Итак, я говорю спасибо:

Мэтту Глаку, моему учителю йоги, чьи занятия я посещала, когда родилась первая строчка «Девушек» и увлекла меня в загадочный мир Ихары. Также я благодарна Мэтту за то, что он вдохновил меня тоже стать преподавателем йоги! Эти уроки стали для меня идеальным средством против одиноких дней, посвященных только писательству.

Спасибо подругам, которые читали самые ранние версии «Девушек» и помогали ценными откликами и ободрением: Кендре Лейтон, Кэти Моран, Эмме Пасс, Керри Друэри, Сангу Манданне и Лане Попович. Ваш энтузиазм по отношению к моей работе так поддерживал меня! Также спасибо Брайану Джеффену за замечания, которые помогли мне на ранних стадиях создания мира Ихары.

Спасибо вам, *Безумные Шляпники* – Сарват Чадда, Джеймс Ноубл, Алекс Белл, Луи Стоуэлл, Джейн Хардстафф, Роан Гэвин, Али Старр – за то, что радовались и переживали вместе со мной, обеспечивая эмоциональную поддержку на всех стадиях моей работы с помощью смеха и вкусных коктейлей. Наши с вами лондонские вечера – одни из лучших моментов моей жизни. Сарват, тебе отдельное спасибо за своевременное сюжетное откровение и постоянную помощь.

Джеймс, ты – скала, на которую я всегда могу уверенно опереться. Спасибо за то, что верил в меня с самого начала и умел вовремя направить меня в нужное русло. Я бесконечно благодарна, что ты есть в моей жизни.

Спасибо Тейлору Хаггерти, лучшему другу моих «Девушек», всегда готовому помочь советом и придать мне сил и бодрости в трудный момент. Еще на начальном этапе работы я получила дружеский совет – найти такого литагента, который своим существованием побуждает писать лучше и лучше, и этот совет я успешно воплотила в жизнь. Холли Рут, спасибо тебе за то, что свела меня с Тейлором!

Я очень благодарна потрясающей команде издательства «Джимми», всем и каждому. Дженни Бэк, Саша Энрикес, Сабрина Бенан, Эринн Макграт, Джули Гуаччи, Обри Пул, Джеймс Паттерсон, вы дали моей книге настоящий шанс и помогли мне воспользоваться этим шансом в полной мере. Дженни, работать с вами просто идеально. Спасибо за терпение, за редакторский талант, за понимание, неиссякаемый энтузиазм и великолепное чутье в том, как именно можно сделать книгу еще лучше. С вашей помощью «Девушки» стали той самой книгой, которую я так горда и счастлива держать в руках. Я самый везучий автор на свете, потому что над моим текстом трудился гениальный редактор.

Спасибо множеству моих замечательных друзей, которые терпели мою многочасовую болтовню о воображаемых мирах и персонажах: Алекс, Питер, Клодия, Том Норт и Том Латимер, Люк, Эмбер, Полли, Рич Гэлбрайт и Рич Льюс, и все остальные, кого я не назвала – иначе, боюсь, эти благодарности растянутся на километр, – спасибо вам огромное за поддержку и вдохновение!

Я благодарна своим родителям, которые всю жизнь идеально сочетают заботу обо мне с некоторой сумасшедшинкой. Папа, я совершенно уверена, что никогда не стала бы писательницей без твоих сказок на ночь и без твоей тихой безусловной поддержки всех моих безумных начинаний. Мама, ты вырастила меня образованной, любящей знания и неизменно гордящейся нашим китайско-малайзийским наследием. Эта книга – тому

свидетельство.

Кэллам, спасибо тебе за верную любовь и близость во всех обстоятельствах. Ты до сих пор знаешь меня лучше, чем я сама знаю себя. Да, ты еще умеешь бесить меня больше, чем кто бы то ни было на свете, но я все равно тебя люблю.

Фэб, спасибо за мой новый дом и за жизнь, до краев наполненную счастьем, так что одна мысль о тебе вызывает у меня улыбку. Это счастье, признаться, порой даже мешало мне писать и заниматься чем бы то ни было другим, но я тебя прощаю. Потому что наше с тобой счастье важнее всего на свете в миллион раз.

Pour la vie.

И, наконец, я благодарна всем и каждому, кто возьмет в руки мою книгу и откроет ее. То, что вы выкроили время для моих «Девушек», – для меня огромная честь и радость. Да, эта история несовершенна, но я вложила в нее столько страсти, искренности, любви и переживаний, что, надеюсь, вы, читая ее, сможете это почувствовать. Спасибо за то, что решили стать моими читателями.

Об авторе

Наташа Нган - писательница и преподавательница йоги, юность которой прошла между Малайзией (откуда родом китайская часть ее семьи) и Великобританией.

Мультикультурное воспитание Наташи ярко отражено в ее текстах. Больше всего она любит писать книги для молодых. Наташа училась на географическом факультете Кембриджского университета, потом работала медиа-консультантом, вела бьюти-блог.

Не так давно она переехала в Париж - *всегда хотелось гулять по старинным улочкам от одной сказочной кондитерской до другой, сидеть с ноутбуком за столиком, держа за ножку бокал хорошего вина, - но пока, главным образом, у меня получается теряться в парижском метро и смущать парижан своим французским.*

Примечания

1

Кенотаф - надгробие в месте, где нет захоронения. Символическая могила.

2

Навсегда (*фр.*)